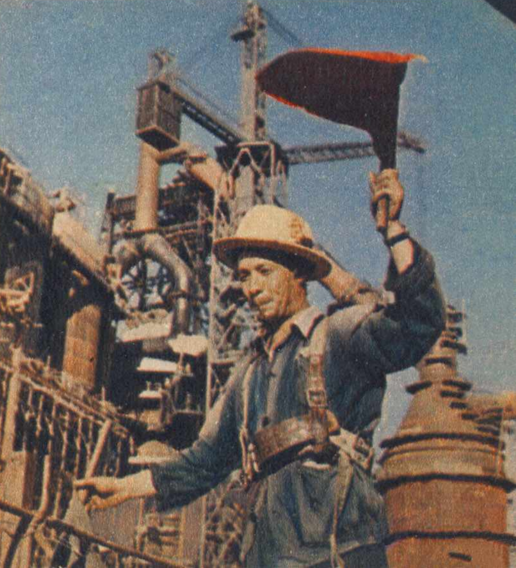
ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Стихи А. ЖАРОВА. Рисунок Н. ДЕНИСОВСКОГО.

На первой странице обложки: Китайская Народная Республика. Ай Эй-линь отлично трудится на коллективных полях села Хун-Синь в провинции Аньхой. Внизу: пекинские девушки на праздничной демонстрации; набережная в Шанхае; бригадир монтажников Уханьского металлургического комбината, отличник труда Кан Синь-ху.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Поезд в горах Прикарпатья.

Фото Н. Козловского.

Идеи мира и дружбы восторжествуют!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 40 (1685)

27 СЕНТЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вашингтон. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и его супруга Н. П. Хрущева дали в советском посольстве обед в честь президента США Д. Эйзенхауэра и его супруги г-жи Эйзенхауэр. На снимке: Н. С. Хрущев, г-жа Эйзенхауэр, Н. П. Хрущева и Д. Эйзенхауэр.

МЕЖДУ ДВУМЯ ОКЕАНАМИ

Борис ИВАНОВ — Фото Андрея НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ХОРОШЕЕ НАЧИНАЕТСЯ С УТРА

Раннее утро. Еще тихо на улицах Вашингтона. Автомобили мирно стоят в своих загончиках—«паркингах». Только у Блэйр-хауза, резиденции Н. С. Хрущева, толпятся люди. Многие обвешаны фотоаппаратами. Это американские журналисты, они дежурят с самого рассвета.

Их терпение вознаграждается. Открывается широкая двухстворчатая дверь, и на крыльцо выходит подышать свежим воздухом Никита Сергеевич Хрущев. Он без пиджака, в светлой рубашке. Никита Сергеевич улыбается, желает журналистам доброго утра. Кто-то спрашивает, понравился ли ему Вашингтон.

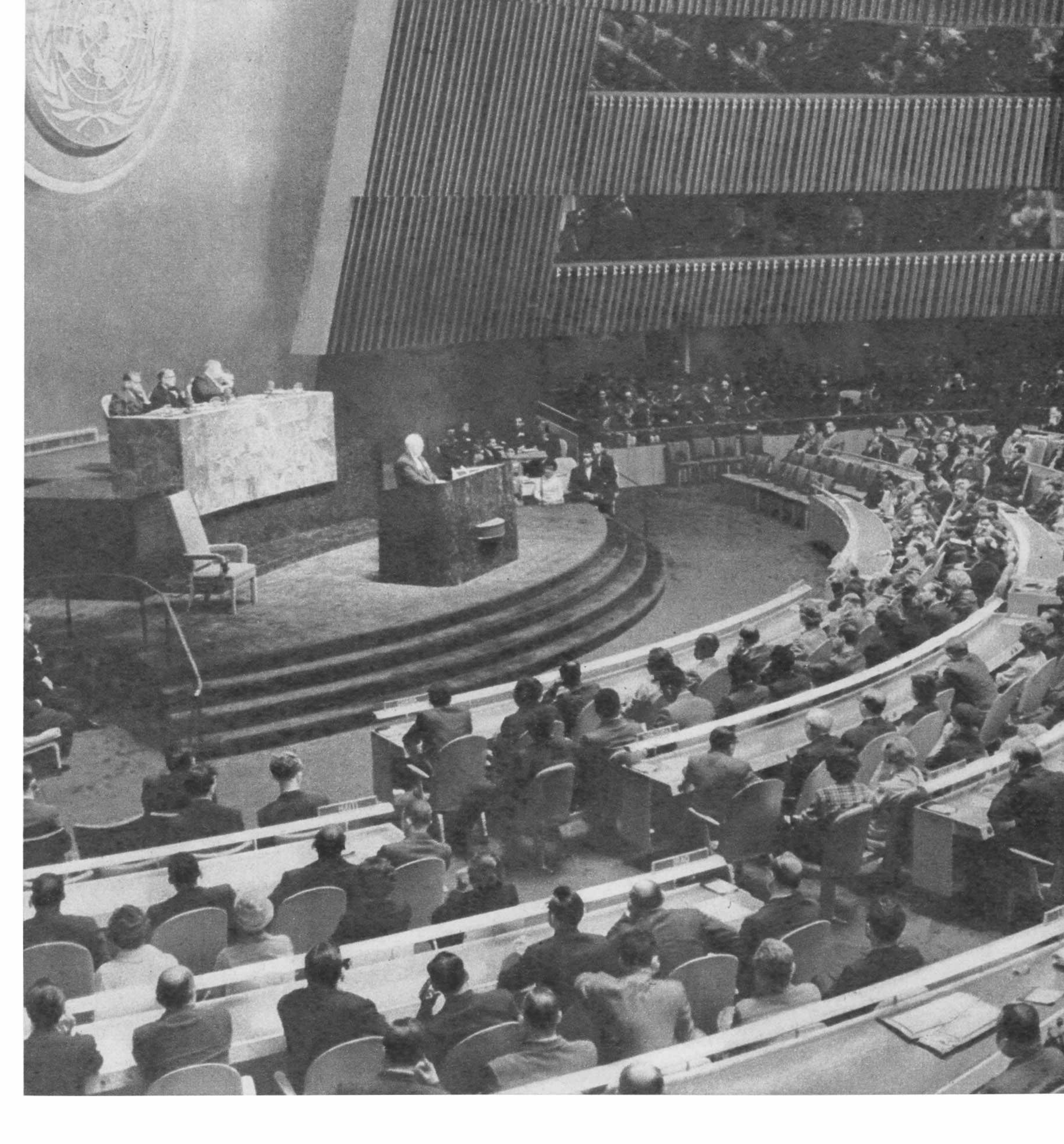
— Очень хороший город! Вери гуд! — отвечает Н. С. Хрущев.

Совсем рядом — трамвайная линия. Пробегающие мимо трамваи, автобусы резко замедляют скорость, несмотря на энергичные жесты полицейского. В окнах улыбающиеся лица, сотни протянутых рук: спешащие на работу вашингтонцы приветствуют советского гостя.

А в это время в Белтсвилле, научном центре министерства сельского хозяйства США, идут последние приготовления. Сюда утром должен прибыть глава Советского правительства.

Белтсвилл располагает четырьмя тысячами гектаров земли, животноводческими фермами. Здесь ведутся научно-исследовательские работы, результаты которых затем, как сказал

Выступление Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на XIV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября 1959 года.

Никите Сергеевичу министр сельского хозяйства США Бенсон, становятся достоянием фермеров.

Рабочие и служащие центра задолго до прибытия Никиты Сергеевича Хрущева собрались в главное здание. Вот из-за леса выезжает кортеж автомашин. Никита Сергеевич проходит в конференц-зал. Его приветствует Э. Т. Бенсон; затем доктор Бортвик рассказывает о работе ученых над проблемой влияния света на растения. Доктор Митчелл демонстрирует новые препараты, влияющие на рост растения. На столе две сосны, посаженные в одно и то же время. Одна, та, что получила препарат, в два раза больше другой и по росту и по толщине ствола.

Из конференц-зала Н. С. Хрущев проходит на демонстрационную площадку. Здесь показывают безрогих черно-белых коров. Они дают в год от 8 до 9 тысяч литров молока. За последние 20 лет удои их повышены на 700 литров.

— У вас,— сказал Н. С. Хрущев,— достигнуты действительно большие успехи, и я не хочу принижать их. Но вместе с тем хотел бы сообщить вам, что у нас в Советском Союзе в целом по стране за последние три года удои молока повысились на 600 литров, а сейчас продолжают быстро нарастать...

Гостям показывают прибор для определения толщины слоя сала свиньи. Боров визжит и не стоит на месте.

— Он хочет держать в секрете, сколько у него сала, — шутит Никита Сергеевич.

Ознакомившись с Белтсвиллом, Никита Сергеевич говорит, что утро началось хорошо — с осмотра сельскохозяйственного центра, и это символично, ибо людям прежде всего нужны продукты питания. А они могут быть тогда, когда на земле мир.

Губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер нанес визит Н. С. Хрущеву в его резиденции — отеле «Уолдорф-Астория».

НАДЕЖД СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Памятные дни переживает Америка. Они навсегда останутся в ее истории днями, когда появились новые, свежие ростки в отношениях между двумя могущественнейшими державами мира. Славным садовником, который заботливо готовит для этого почву, может гордиться все человечество, жаждущее мира. Вот почему американская общественность с таким неослабным вниманием следит за поездкой Никиты Сергеевича Хрущева по Соединенным Штатам. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к тем, кто не имеет прямого отношения к политике, но кого больше всего волнует вопрос, как жить дальше: по-прежнему в тяжелой тревоге за завтрашний день или, распахнув утром окно, мирно радоваться свету солнца?

Нью-Йорк, Медисон-авеню, 667. В этом доме помещается книжный магазин. Я заглянул в этот магазин, возвращаясь из здания ООН под свежим впечатлением от только что прослушанной речи Н. С. Хрущева, внесшего предложение о всеобщем и полном разоружении. Вечерело, хотя время еще было не позднее. Сумерки в Нью-Йорке наступают быстрее, чем в любом другом городе Америки: громады небоскребов, как горные вершины, заслоняют солнце задолго до того, как оно опускается за горизонт. У стеллажей и прилавков стояло несколько человек, перебиравших книги. Нас встретил, как принято в небольших магазинах Нью-Йорка, сам хозяин. Он спросил, что я хотел бы купить.

— Есть у вас книги о Советском Союзе? — спросил я.

— О, есть! Только на днях получили! — И он показал мне книгу итальянского прогрессивного журналиста Боффа об Н. С. Хрущеве.

— Каков на нее спрос?

— Книга Боффа пользуется спросом, особенно сейчас, когда ваш премьер приехал в нашу страну.

Мы представились друг другу. Имя моего собеседника — Джордж Вуд. Ему 30 лет. Он любит театр, живопись, литературу, но к политике относится осторожно.

— Отец говорит, что коммерсанту нечего совать свой нос куда не следует.

— И вы согласны?

— Как вам сказать? В общем, да!

Но я все же спросил Джорджа Вуда, слышал ли он речь Н. С. Хрущева в ООН.

— Как же, слышал! Специально домой ездил. В магазине у меня телевизора нет. Сейчас у нас много говорят о Хрущеве.

— Как вы относитесь к его визиту?

— Я выскажусь откровенно. Можете мое имя назвать в своем журнале. В Америке много золота и мало надежд. Нас постоянно пугают войной. Теперь надежд становится больше. Вот мой ответ! Премьер Хрущев внес важное предложение. Конечно, не все так думают...— Джордж Вуд прищурился.— Имен этих людей я называть не буду. Вы, журналисты, лучше меня их знаете.

Я не мог с ним не согласиться. Есть в Америке люди, которым, мягко выражаясь, не по душе предложения Н. С. Хрущева о всеобщем полном разоружении в течение четырех лет. Для них пребывание главы Советского правительства в Соединенных Штатах, как кость в горле. Они стараются вовсю, ничем не брезгуют, чтобы хоть как-нибудь омрачить его визит в США.

Обозреватели «Нью-Йорк геральд трибюн» Д. Олсоп и Р. Друммонд пытаются взять на себя роль холодильника. Их обзоры в газете проникнуты ненавистью к нашей стране. Но как ни старайся, выше себя не прыгнешь, на всю Америку холода не напустишь. Тем более, что в среде журналистов далеко не все разделяют «философию» этих обозревателей.

Свое собственное мнение журналисты не могут высказать в «свободной» американской прессе. Но вот разговор, который у меня состоялся с корреспондентом журнала «Лайф» Карлом Модейнсом в самолете «Боинг-707». Самолет только что прошел над Большим Каньоном. Это гигантская, хаотическая желто-бурая впадина, место, напоминающее поверхность Луны. Но у Карла Модейнса Большой Каньон вызвал другие ассоциации.

— Словно здесь сбросили серию атомных бомб... Война — это кошмар!

— Вот Никита Сергеевич Хрущев и приехал к вам, чтобы договориться о мире.

— Да, да! Он первым начал прокладывать мост через Атлантику. Теперь Айк должен сделать то же самое с другой стороны. Американский народ хочет этого...

Что касается американского народа, то это верно. Он голосует «за». Но ему подчас бывает очень трудно высказать это. Некоторые влиятельные круги пытались мешать встрече Никиты Сергеевича с простыми людьми. Убедительный пример тому мы видели в Лос-Анжелосе.

«СПАСИБО ЗА ДОБРОЕ ДЕЛО»

Лос-Анжелос — город на берегу Тихого океана. В основном одноэтажный, он раскинулся на огромной территории. Пальмы обрамляют улицы, бегущие от центральных проспектов с холма на холм. У белых, розовых, желтых коттеджей с лужайками вдоль фасадов растут вечнозеленые кусты. Стены многих домов обиты плющом, декоративным виноградом. А над всем этим — яркое голубое небо. Город оставляет впечатление простора и света.

Прямо с аэродрома Никита Сергеевич направился в Голливуд — предместье Лос-Анжелоса, центр кинематографической промышленности США. Хозяева, намечая маршрут от аэродрома до гостиницы, выбрали улицы, где живет мало народа. Но вопреки этому большие массы людей собрались на тротуарах. Товарищ Хрущев не мог приветствовать их, ибо ехал в закрытой машине. В машине рядом с Никитой Сергеевичем, кроме сопровождающих его представителей Госдепартамента, сидел заместитель мэра Лос-Анжелоса, бывший русский капиталист, имевший в Ростове фаб-

Н. С. Хрущев выступает в Национальном клубе печати.

с простыми людьми. Передайте ему наше спасибо за доброе дело, которое он делает.

Мария выразилась очень мягко: «Неприлично» — это по меньшей мере. Но причины поступка «отцов» города Лос-Анжелоса надо искать не в правилах хорошего тона. Кого-то, видимо, сильно испугала теплая встреча, оказанная Никите Сергеевичу Хрущеву в Вашингтоне, его все возрастающая популярность среди американского народа. И теперь эти люди стараются наверстать упущенное.

ПОЕЗД ИДЕТ В САН-ФРАНЦИСКО

Из Лос-Анжелоса Н. С. Хрущев направился поездом в Сан-Франциско. Стеклянный купол двухэтажного вагона дает возможность широко обозревать пробегающие мимо пейзажи. Дорогу тесно обступают скалы. Пологие горы сменяются полупустынями. Но они не менее богаты, чем плодородные долины. В их недрах нефть. Привычных глазу вышек не видно. Тут и там, похожие на гигантских кузнечиков, стоят насосы. Их хоботы склонились к земле.

Снова набегают горы. Туннель следует за туннелем. И вдруг яркий свет слепит глаза. Поезд вырывается к берегу Тихого океана. Высокие упругие волны накатываются на прибрежные камни. Впереди расстилается плодородная долина. Апельсиновые рощи перемежаются с лимонными. Так вот она какая, Калифорния!

Поезд подходит к Санта-Барбаре. Это город живописных коттеджей, построенных в испанском стиле. Вокруг станции огромная толпа. Прокатывается гул приветствий, когда Никита Сергеевич выходит из вагона и сразу направляется к ожидающим людям. Товарищ Хрущев спрашивает у одного мужчины, слышал ли он его выступления и как к ним относится.

— Правильные выступления! Согласен с вами. Надо разоружаться, надо жить в дружбе!

Поезд стоит несколько минут и трогается дальше.

Следующая остановка — в Сан-Луис Обиспо. И здесь тысячи людей — мужчины, женщины, дети. Над головами — белый щит, на котором по-русски написано: «Разоружение необходимо!», «Разоружение для мира!».

Когда на платформе появляется глава Советского правительства, полиция пытается оттеснить толпу. Здоровый полицейский сильно толкает (очевидно, «в целях безопасности») рабочего, который на одной руке держит сы-

В поезде. Рядом с Н. С. Хрущевым посол СССР в США М. А. Меньшиков.

М. А. Шолохов в вагоне поезда.

рику. Октябрьская революция выбросила его за пределы Советской страны.

— Воображаете, как он обрадовался встрече со мной? — сказал журналистам Никита Сергеевич.

В Голливуде был устроен завтрак. В зале собрался весь цвет американской кинематографии. Присутствуют Марлин Монро, Тэйлор, Дебора Кэр, Морис Шевалье и другие артисты.

После завтрака Никита Сергеевич присутствовал на съемке нового фильма с участием старейшего артиста Мориса Шевалье (ему 71 год, но он по-прежнему легко танцует и приятно поет).

Затем Н. С. Хрущев намеревался посетить Диснейлэнд. Это парк, раскинувший свои владения на 60 акрах, созданный известным американским кинематографистом-мультипликатором Диснеем на темы его фильмов и детских сказок. В парке можно совершить путешествие на подводной лодке, «полететь на Луну», поплавать на пароходе времен Гекльберри Финна и Тома Сойера, побывать в джунглях Африки и увидеть много других чудес.

В Диснейлэнде собрались десятки тысяч человек, чтобы повидать Никиту Сергеевича. Но неожиданно посещение парка было отменено, как объявили власти, «в интересах безопасности».

— Что у вас там, холера развилась или чума, что я могу заразиться? — выразил удивление Н. С. Хрущев, выступая на завтраке в Голливуде.

Вечером в лос-анжелосской гостинице «Амбасадор» был дан обед в честь Н. С. Хрущева. В холле гостиницы собралось много народа, чтобы приветствовать высокого гостя. Узнав, что я советский журналист, ко мне подошли несколько женщин и мужчин. Все очень тепло со мной поздоровались, потом одна из женщин, назвавшаяся Марией, сказала:

— Наши власти поступают неприлично, лишая Н. С. Хрущева возможности встретиться

На станции Санта-Барбара в Калифорнии собрались горожане, чтобы приветствовать Н. С. Хрущева, следующего из Лос-Анжелоса в Сан-Франциско.

Снимок Фотохроники ТАСС.

Ждут прибытия советских гостей.

на, а другой высоко поднял плакат со словами «Разоружение с контролем или без него!». Ребенок заплакал, но рабочий не опустил плаката.

Никита Сергеевич громко говорит: «Разоружение с контролем!»

В ответ раздаются овации. Слышатся возгласы: «Мир!», «Дружба!»

Уже в вагоне Н. С. Хрущев заявляет одному из представителей Госдепартамента:

— Я обрел свободу встретиться с простыми американцами и увидел, что они такие же миролюбивые, как и советские люди.

Во второй половине дня Никита Сергеевич прошел по вагонам поезда, в которых ехало несколько сот журналистов.

— Как вам нравится поезд? — спрашивает кто-то из журналистов.

— Удобный поезд, приятно в нем ехать.

Вопросы сыплются со всех сторон:

— Как вы себя чувствуете в Америке?

— Когда встречаюсь с американским народом, чувствую себя хорошо.

— Как вам понравились наши кинозвезды?

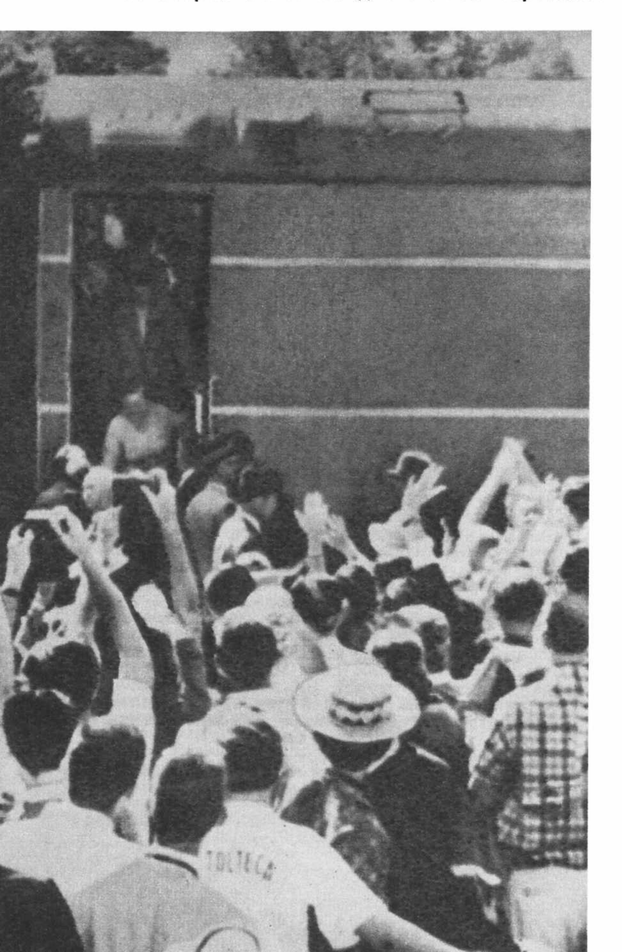
— Я не астроном, — отвечает Никита Сергеевич под общий смех.

Девятичасовое путешествие заканчивается. На холмистом берегу залива лежит город Сан-Франциско. Поезд подходит не к вокзалу, а к длинной товарной станции. Но народ не проведешь. У гостиницы «Марк Гопкинс» море голов. Люди запрудили все прилегающие улицы. Никита Сергеевич подходит к краю террасы и, подняв руку, приветствует собравшихся. Бурные аплодисменты, многоголосое «Вэлком! Добро пожаловать!» Все это сливается в мощный гул одобрения. Так американцы высказывают свое дружеское отношение к приезду главы Советского государства, к советскому народу.

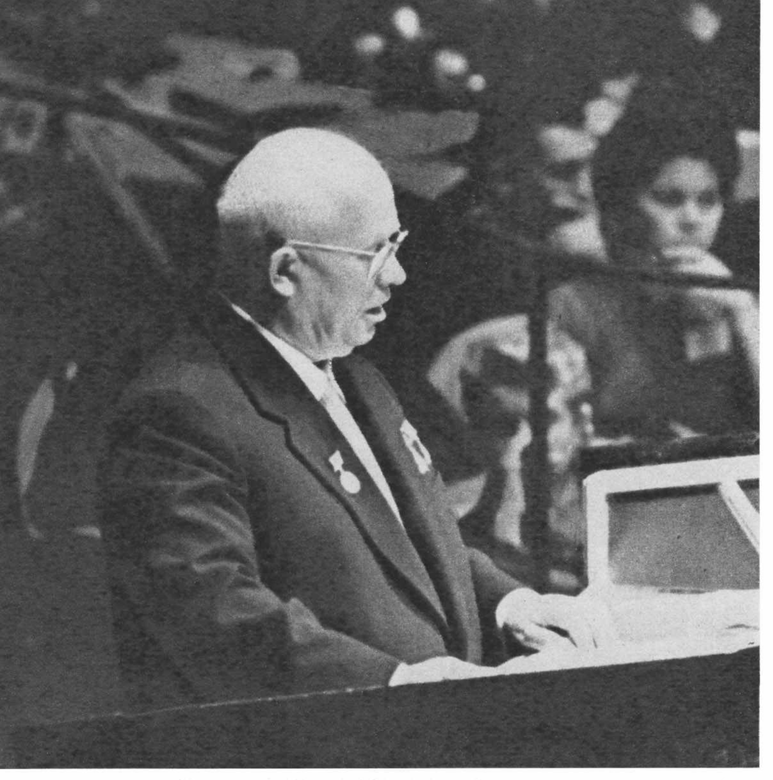
В Сан-Франциско Н. С. Хрущев посетил универсальный продовольственный магазин самообслуживания.

Фото специального фотокорреспондента ТАСС В. Егорова.

(Снимок принят по фототелеграфу ТАСС.)

Н. С. Хрущев на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН.

Н. С. ХРУЩЕВ ГОВОРИТ:

Мы искренне говорим всем странам: «В противовес лозунгу «Давайте вооружаться!», который все еще кое-где имеет хождение, мы выдвигаем лозунг: «Давайте полностью разоружаться!». Давайте лучше соревноваться в том, кто больше построит для своих народов жилищ, школ, лечебниц, произведет больше хлеба, молока, мяса, одежды и других потребительских товаров, а не в том, у кого больше водородных бомб и ракет. Это будут приветствовать все народы на земле.

Советские люди горячо поддерживают Декларацию правительства СССР

Новые предложения Советского Союза о всеобщем и полном разоружении, сделанные главой Советского правительства Н. С. Хрущевым на Генеральной Ассамблее ООН, вызывают горячее одобрение всего советского народа. Корреспонденты «Огонька» беседовали с советскими людьми различных профессий об этих предложениях. Вот что они говорят:

ВЕРНЫЙ ПУТЬ К ВЕЧНОМУ МИРУ

Д. А. АРАПОВ,
профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР

— Вы спрашиваете, как я отношусь к предложению, выдвинутому товарищем Хрущевым в его речи на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о всеобщем и полном разоружении? Вы спрашиваете это у меня — хирурга, который всю войну провел в качестве хирурга Северного морского флота!

Я отвечу коротко: как и все люди земного шара, я голосую за это предложение. Нет, я голосую за него еще более горячо и взволнованно, чем все остальные, потому что вряд ли кому-нибудь выпало на долю видеть столько людских страданий в годы войны, как нам, хирургам. Говорят, что наша профессия накладывает отпечаток на характер, что хирурги якобы черствы к страданиям других. Это неверно! Горести войны одинаково тяжелы всем людям, всем народам.

На Северном флоте мне приводилось видеть, как неисчислимо велики были жертвы не только советского, но и американского и английского народов. К нам привозили американских и английских моряков, пострадавших от фашистских пиратов и спасшихся на плотах. Скольким из них удавалось спасти жизнь дорогой ценой ампутации конечностей!.. Нет, никогда не забудутся эти кошмарные годы, и вряд ли найдется на всей земле человек, который желал бы снова их пережить...

Гораздо приятнее вспомнить нашу работу в послевоенные годы, когда у нас установились дружеские отношения с учеными ряда стран. Недавно, например, видный американский хирург мистер Гарлок, посетивший Москву, присутствовал при операции рака пищевода, которую я проводил.

— В борьбе против рака,— сказал затем американский гость,— хирургам принадлежит достойное место.

— Да, нам хватит работы и без войны,— ответил я ему.— А если ее и будет поменьше, то никто претензии за это не предъявит.

Об этой реплике я вспомнил, читая волнующий документ нашей эпохи — предложение правительства СССР о всеобщем и полном разоружении. Вот он, прямой и верный путь к вечному миру.

О мире я помню всегда, ежедневно и ежечасно. Жизнь чудесна, это говорю вам я, хирург, повидавший на своем веку так много человеческого горя!

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Берды КЕРБАБАЕВ, писатель

— У туркменского народа есть пословица: «Когда обувь тесна, человек не может наслаждаться красотой жизни». В наши годы опасность новой войны тяжелым бременем давит на душу народов, стесняет их дыхание, мешает простым людям земли расправить плечи, чтобы заняться мирным, созидательным трудом.

Лучшие люди мира, особенно граждане Советского Союза и стран социалистического лагеря, давно искали возможность устранить угрозу войны. И наконец эта возможность появилась. Встреча руководителей двух великих держав: Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, от которых зависят судьбы мира на земле, Декларация Советского правительства о всеобщем и полном разоружении — все это вселяет большие надежды на то, что будет найден путь для предотвращения войны на вечные времена. Читая, как горячо и радостно американский народ встречает наших посланцев, как открыто и прямо разговаривают Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр о стремлениях народов покончить с войной, верится, что это желание осуществится.

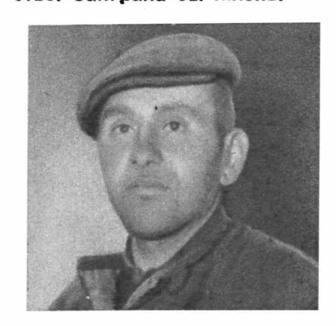
Туркмены в течение многих веков не знали покоя, проводя большую часть времени на конях, отражая многочисленные нашествия завоевателей. Поэтому для моего народа, как и для других народов Советской Средней Азии, построивших невиданную ранее счастливую жизнь, война может принести только бедствия, разорение, несчастья. Поэтому нам нужен прочный и вечный мир.

КАК ЗАИГРАЛА БЫ ЖИЗНЬ

В. М. МАНЕВИЧ,
член колхоза «Знамя Советов», Минской области, БССР

— Нас, белорусов, предложение Н. С. Хрущева о всеобщем и полном разоружении очень обрадовало. Ведь почти все европейские войны прошли через нашу местность. Еще в первую мировую войну нашу деревню сожгли. Минуло два десятка лет, не успели еще отстроиться, как грянула новая война. Пришли фашисты, все вокруг пожгли. Соседнее село Дехтяны уничтожили совсем, город Клецк разрушили.

Теперь наш колхоз на подъеме. Построили клуб, имеем свое кино, школу, строятся больница, детские ясли. Через несколько лет колхоз не узнать будет. Как подумаешь, что можно было бы построить, если все средства, идущие на оборону, да обернуть бы на хозяйство! Заиграла бы жизнь!

МЫ СТРОИМ ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЛЮДЕЙ

Борис БЫЧКОВ,
каменщик

— Десять лет я работаю каменщиком. Каждый день поднимаюсь на леса, гляжу вокруг, и сердце радуется. Нам отсюда, с высоты, далеко видно. Вокруг — новые дома, кварталы, целые улицы. За эти годы я с товарищами построил тринадцать школ, три больницы и много жилых домов.

Сейчас наша бригада трудится на Кутузовском проспекте Москвы. Мы здесь строим большой многоэтажный дом в тринадцатом квартале. В нем будут жить наши советские люди, и мы хотим, чтобы им здесь было тепло, светло и удобно. Мы строим для мирной жизни, для счастья людей.

← Каменщик Борис Бычков и его помощник Анатолий Михеев на лесах стройки.

Строитель — строит, война — разрушает, она приносит беду, страдания, смерть. Вот почему мы, строители, от всего сердца приветствуем и всеми силами поддерживаем предложения Никиты Сергеевича Хрущева о всеобщем и полном разоружении.

Я слушал по радио речь главы Советского правительства Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН. Он выразил и мои думы и мои чувства, мысли всех наших строителей, всех трудовых людей на земле. Нам война ненавистна. Мы хотим строить, а не разрушать. Пусть будет больше благоустроенных жилищ, школ, театров, больниц и не будет пушек и бомб.

Спасибо Никите Сергеевичу Хрущеву за его неустанную борьбу за мир, за дружбу между народами.

ГОЛОС ТРУДОВОЙ АНГЛИИ

В. НЕКРАСОВ

Пэт Брендон встретила нас на пороге своей квартиры. Она только что закончила утреннюю уборку и теперь вышла в палисадник перекинуться несколькими словами с соседкой. С Пэт, ее мужем Робертом, работающим электриком на небольшом авторемонтном предприятии «Боксолл энд Коллинс», мы, можно сказать, старые знакомые. Познакомились более полугода назад. И теперь миссис Брендон приветствует нас веселой улыбкой:

— О, русские журналисты! Очень приятно вновь повидаться! Хотите чашку чаю?

От традиционной чашки крепкого английского чая с молоком отказаться невозможно. Как раз за чаем и начинаются самые интересные беседы.

На столе, покрытом пластмассовой скатеркой, лежит развернутая газета. С ее страниц, подняв руку в приветственном жесте, улыбается американцам глава Советского правительства.

— Итак, ваш премьер-министр отправился в Америку,— говорит Пэт, заметив наши взгляды.

— Как вы относитесь к этой поездке?

Миссис Брендон теребит конец скатерти, наверное, не решаясь высказать свое мнение иностранным журналистам.

— Я, как и Роберт. Вы же знаете, он член профсоюза электриков и лейборист.

— Что же говорит Роберт?

— Он говорит: очень хорошо, что Гэйтскелл и Бивен поехали в Советский Союз. Роберт сказал, что наконец-то они сделали то, что нужно. Теперь господин Хрущев будет вести переговоры с Эйзенхауэром и можно ожидать,— как это?.. Да, потепления климата в международных отношениях... Я думаю вот что.— Миссис Брендон уже не колеблется.— Хорошо, что Хрущев поехал в Америку с семьей. Американцы посмотрят на них, послушают выступления Хрущева и поймут, что русские такие же люди, как и они. Я, помню, лет пять назад боялась русских. Считала, что вы вроде автоматов, что ли, живете в каком-то другом мире. Теперь же русские к нам часто приезжают, и мы вас лучше узнали. Война никому не нужна — ни нам, ни вам, ни американцам.

На обеденный перерыв возвращается домой Роберт.

— Хэлло! — кричит он с порога.— Я думал, что вы уже пишете репортаж с Луны, от вас, русских, всего можно ожидать.

О поездке Хрущева весельчак Роберт говорит с серьезным выражением, обдумывая свои слова.

— Мы каждый день вспоминаем об этой поездке в мастерской. Предложение Хрущева о всеобщем и полном разоружении — это великолепный план. Так и должны жить люди — без войн, не угрожая друг другу бомбами. Чем скорее будет достигнуто разоружение, тем раньше наступит счастливая жизнь для мира. Конечно, препятствий на этом пути немало. Но вы, советские, упорный народ, мы это знаем. И если вы решили, что добьетесь смягчения напряженности, можно не сомневаться, вы добьетесь. На вас многие надеются в Англии.

Питер Грэм — старый портовый рабочий. Сейчас он сидит в углу «Паблик-хауза», в просторечии «Паба», и потягивает рюмку рома. Горло закутано белым шарфом.

— Простудился,— говорит Грэм хриплым голосом.— Лучшее средство от простуды — ром, хотя если им лечиться постоянно, то можно вылететь в трубу, никаких денег не хватит.

По поводу нынешних международных событий у него свое мнение:

— Много я видел на своем веку разных международных переговоров. Правда, теперь время другое. Водородная бомба — плохая игрушка. Мне-то себя не жаль: моя жизнь кончается. Вас, молодых, жалко. Сколько таких, как вы, полегло в последней войне! Говорили тогда у нас в Англии, что это последняя война. До этого то же самое говорили в восемнадцатом году, когда та, старая война, кончалась. Вы как думаете, кому нужна война? Тому, кто денежки на ней наживает. А у кого денежки, у того и сила.

— Может быть, домой пойдем? — беспокоится жена Грэма.

— Можно пойти домой,— соглашается старик. Он быстро допивает свой ром. И вдруг хитро прищуривает глаза.— Десять лет назад у нас говорили, что новая война вот-вот начнется. А она до сих пор не началась. Что-то испортилось у господ хозяев! — И, уже повернувшись к выходу, Грэм добавляет: — Да поможет бог вашему Хрущеву!

7 часов вечера. Затихают улицы жилых кварталов английской столицы. Но в доме № 119 по улице Ньюингтон-баттс оживление. Здесь находится районный центр Английской компартии по подготовке к парламентским выборам. То и дело входят агитаторы. Каждый из них возвращается с работы и, перекусив на скорую руку, торопливо захватывает пачку предвыборной литературы и направляется в обход квартир, выясняя политические настроения их обитателей, разъясняя недоуменные вопросы, агитирует голосовать за кандидата компартии — железнодорожного служащего Джозефа Бента.

Один из агитаторов рассказывает:

— Сегодня выступал я перед группой рабочих во время обеденного перерыва. Рассказал о поездке Хрущева. Слушали меня очень внимательно, задавали вопросы. В прошлом мне еще не приходилось сталкиваться с таким интересом к проблемам внешней политики.

— Люди в нашем избирательном округе,— рассказывает нам активист партийного центра Вудмэн,— проявляют большой интерес к поездке Хрущева в США. Каждая английская газета публикует большие отчеты о беседах, которые происходят в Америке. Тысячи людей нашего района надеются, что переговоры приведут к окончанию «холодной войны», откроют путь к всеобщему и полному разоружению. В прошлую войну наш район подвергся сильным бомбардировкам. Сотни людей потеряли жилье. Тысячи домов были разрушены, вы и сейчас можете увидеть следы разрушений. Конечно, имеются еще и сомневающиеся и заблуждающиеся. Годы «холодной войны» не прошли бесследно. Но в основном люди хотят проведения политики, которая покончила бы с угрозой ядерной войны. Большие опасения у народов вызывают планы предоставления ядерного оружия германским милитаристам. Поэтому и проявляет английский народ такой интерес к переговорам в Америке и желает им успешного завершения.

Лондон.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

ЧТОБЫ ВДОВОЛЬ БЫЛО ПТИЦЫ!

А. КОЛЕСНИКОВ,
Герой Социалистического Труда, секретарь Каневского райкома КПСС Краснодарского края

Так уж повелось у нас, у советских людей: если похвалят, наградят,— значит, постарайся еще лучше трудиться. Вот так и люди нашего Каневского района восприняли слова Никиты Сергеевича Хрущева, когда он вручал орден Ленина Краснодарскому краю. Были в его речи добрые слова о колхозах и колхозниках нашего района. Было и пожелание: кубанцам много дано — и земли хорошие, и техники достаточно, и кадры опытные — значит, и спрос с них больший.

Мы у себя в районе близко к сердцу приняли слова товарища Н. С. Хрущева — и похвалу и пожелания. Обязались на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий дать 95 центнеров мяса в убойном весе. Много? Да. Трудно? Нелегко. Но мы, когда брали обязательства, имели в виду такой резерв, как птица. И цифру 95 центнеров подкрепили другой, тоже весьма внушительной: вырастить 2 миллиона 300 тысяч голов птицы, в том числе 1,5 миллиона уток. Это примерно 40 центнеров птичьего мяса на каждые 100 гектаров посевов зерновых культур.

Прежде всего взялись за уток. Было у нас предубеждение к этой птице: очень-де, мол, прожорлива. Но этот взгляд скоро пришлось переменить. Теперь все на Кубани знают, что разведение уток — самый быстрый и верный путь увеличения производства мяса.

Как-то пришел к нам в райком председатель колхоза «Кубань» Григорий Васильевич Лобас. Улыбается, и вид у него радостный.

— Что это ты такой довольный? — спрашиваем.

— Да как же не быть довольному! — говорит.— Вот сдал еще двадцать тысяч уток и выполнил план мясозакупок.

А что значит 20 тысяч уток? Это все равно, что 400 свиней по одному центнеру весом. Двадцать тысяч уток, или 400 свиней! Человеку, не посвященному в животноводческие премудрости, такое сравнение ни о чем не говорит. Кто его знает, что хорошему хозяину выгоднее — 20 тысяч уток вырастить или 400 свиней? Приведем тогда вот какие расчеты: на килограмм привеса одной утки расходуются четыре кормовые единицы. А на килограмм привеса свиней — семь. Вот и выходит, что как утки ни прожорливы, а корма на них расходуется не так уж много. Теперь каждому колхознику это ясно. Потому он и ратует за утку.

Но утка хотя и не прожорлива, однако требует весьма заботливого отношения к себе. Нам, например, пришлось проинкубировать около 5 миллионов яиц, в том числе более 3 миллионов утиных. Где взять такое количество яиц? И как поставить дело так, чтобы утки как можно раньше начали яйца класть?

Скажем прямо: многие из нас имели дело с уткой лишь в тех случаях, когда подавали ее к столу зажаренной да начиненной яблоками. А тут надо осваивать «технику». Многие артели стали закупать яйца в хозяйствах колхозников. Но решающее слово за птицефермой.

И вот началось учение. Пошли на выучку к лучшим птичницам; специальный семинар руководителей колхозов и зоотехников провели. Поехали в артель имени Кирова — к Тамаре Рогачевой, в «40 лет Октября» — к Ксении Владимировой, к Александре Кононец из колхоза имени Ленина. Большие мастерицы: на их фермах каждая утка в среднем давала по 120—130 яиц.

Общеизвестно, что с наступлением линьки утка прекращает класть яйца. А специалисты сельхозартели «Заветы Ильича» изменили этот закон утиной природы. Каким образом? По-новому построили рацион кормления.

Успешно проходит у нас и инкубация. На Каневской и Ново-Минской инкубаторно-птицеводческих станциях работают опытные, знающие свое дело люди. Но колхозы стали и свои инкубаторы заводить. Пришлось для них готовить кадры.

Сейчас в нашем районе сотни колхозников и колхозниц заняты выращиванием молодняка и откормом уток. Это все очень настойчивые и трудолюбивые люди. В колхозе «Заветы Ильича» в начале года решили вырастить полмиллиона уток и 50 тысяч кур. Еще зимой тут построили инкубаторную станцию на 8 инкубаторов и комбикормовый завод. И вот первые результаты: на фермах колхоза уже выращивается 450 тысяч уток и 75 тысяч кур. Приезжаешь сюда и поистине попадаешь в птичье царство. Есть тут свои герои. Звено Николая Никитенко сдает на птицекомбинат каждую утку весом не меньше 2 килограммов. У колхозников появились отличные помощники — школьники. Любят ребята возиться с птицей.

Сейчас у нас уже нет сомнений: район выполнит обязательство по выращиванию птиц. Их уже более 2 миллионов 300 тысяч голов на фермах, и, кроме того, имеется для инкубирования 70 тысяч утиных и 80 тысяч куриных яиц. Наши колхозники ищут новые резервы для откорма птиц. Ищут и находят. Это прежде всего так называемый «зеленый конвейер» у водоемов. Колхозы «Кубань», имени Калинина и имени Ленина произвели посевы трав и свеклы на берегах своих «утятников». Теперь можно тут же, на месте, дать птице и зеленый корм и приготовить ей смеси лучших качеств.

Большой замах у нас на будущее: мы думаем в 1960 году вырастить 3 миллиона уток и много другой птицы. Семилетку по производству мяса кубанцы выполнят досрочно.

СКАЗКА СТАЛА БЫЛЬЮ!

У ТЕЛЕСКОПОВ — АСТРОНОМЫ ВСЕГО МИРА

А. Г. МАСЕВИЧ,
заместитель председателя Астрономического совета АН СССР, доктор физико-математических наук

Встреча второй советской космической ракеты с Луной в ночь на 14 сентября является одним из величайших событий в истории человечества. Вымпелы с изображением герба Советского Союза — на Луне! Вновь и вновь хочется повторять эти замечательные слова, знаменующие собой осуществление мечты многих поколений ученых.

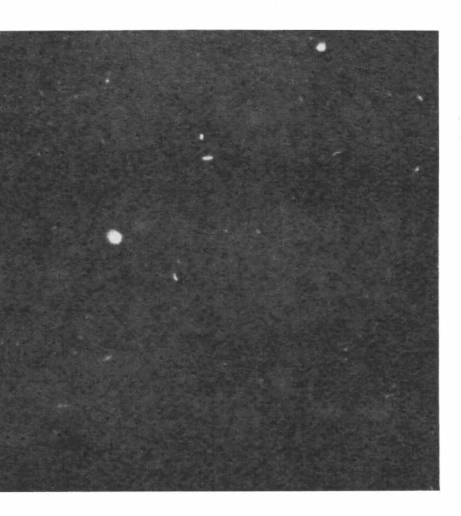
Астрономы всего мира наблюдали за полетом лунной ракеты, принимали сигналы ее радиопередатчиков, вели оптические наблюдения натриевого облака. На радиоастрономической станции Джодрелл Бэнк (Великобритания) за полетом ракеты следили с помощью самого большого в мире радиотелескопа. От директора этой станции профессора Ловела мы получили последнее сообщение 14 сентября о том, что сигналы ракеты прекратились 14-го в 0 часов 02 минуты 23 секунды по московскому времени, то есть его радиотелескоп не «упускал» лунную ракету до момента падения на Луну. Профессор Ловел заключает свою телеграмму поздравлениями советским ученым.

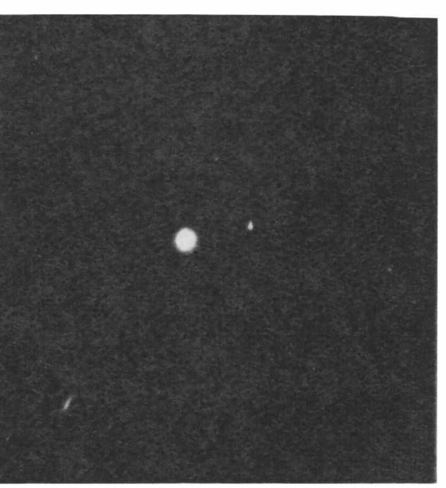
Наблюдения за натриевой кометой велись на советских обсерваториях и станциях наблюдений искусственных спутников в Алма-Ате, Абастумани, Сталинабаде, Тбилиси, Кисловодске, Одессе, Бюракане, Ашхабаде... Облако было довольно ярким, и оказалось возможным проследить за его изменением во времени. Вначале оно казалось небольшим ярким пятнышком, которое, расплываясь, стало кольцеобразным и затем рассеялось. Очень хороши фотографии облака на звездном фоне неба, сделанные на Абастуманской, Бюраканской и Алма-Атинской обсерваториях с помощью больших астрономических телескопов. Измерения этих фотографий позволяют определить положение облака, а следовательно, и ракеты в пространстве на определенный момент времени. Все результаты наблюдений (пленки, пластинки) находятся в Астрономическом совете Академии наук СССР, где они изучаются и сопоставляются самым тщательным образом.

Точные координаты и момент времени вспышки натриевого облака прислали сотрудники астрономической обсерватории Скалнате Плесо (Чехословакия). Сообщения о наблюдениях поступили из Шотландии, Франции, Англии, Югославии, Венгрии, ГДР.

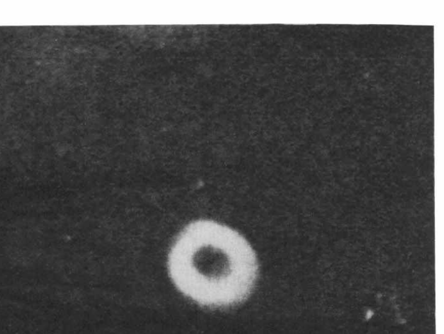
«От всего сердца поздравляем с новым крупным достижением советской науки, которая скоро превратит Луну в седьмой континент Земли», — пишет заведующий секцией астрономии Болгарской академии наук профессор Бонев.

Ученые всего мира вместе с нами радуются новому шагу вперед в исследовании космоса, советской лунной ракете — реальному вестнику будущих межпланетных полетов.

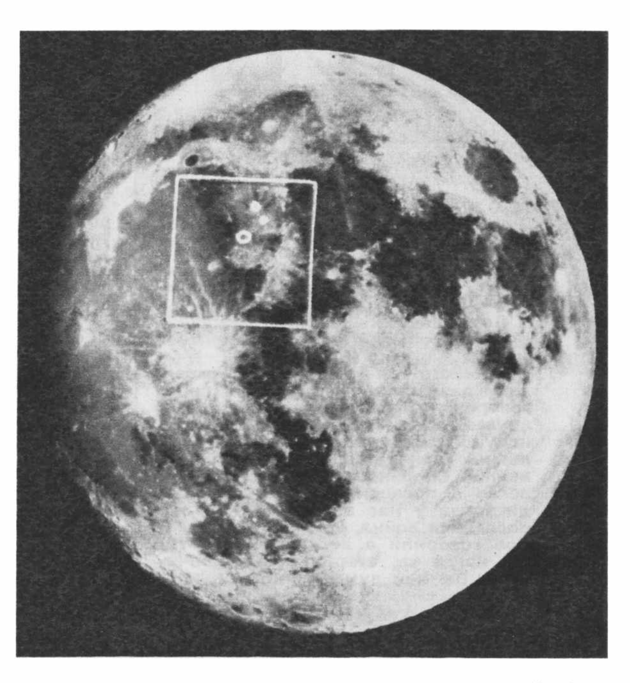

Снимки последовательных фаз развития натриевого облака. Абастуманская обсерватория, Грузинская ССР.

Начало экспозиции:

1) 21 час 49 минут 13 секунд.
2) 21 час 50 минут 13 секунд.
3) 21 час 51 минута 14 секунд.
4) 21 час 52 минуты 11 секунд.

КУДА ПОПАЛ «ЛУННИК»?

Общий вид Луны. Снимок получен астрономической обсерваторией имени Энгельгардта. Белым обведен район прилунения советской ракеты. Самая яркая точка в квадрате — кратер Архимед.

По уточненным радиоданным, контейнер советской космической ракеты прилунился к востоку от моря Ясности, близ кратеров Архимед, Автолик, Аристил, расположенных на окраине моря Дождей.

Что известно об этом участке лунной поверхности? При наблюдении Луны в телескоп море Дождей представляется большим темным пятном в северной — нижней, так как телескоп дает перевернутое изображение, — части лунного диска. Оно имеет в длину около 1 200 километров. Площадь его составляет 174 тысячи квадратных километров, что втрое больше площади Аральского моря и немногим меньше территории Кустанайской области, Казахской ССР.

Как и другие лунные «моря», море Дождей представляет собой обширную равнину, лишенную воды. С юга оно ограничено лунными горами Апеннинами, а с севера — Альпами. Лунные Апеннины — это самое крупное горное образование на Луне, они протянулись на 700 километров. Густая тень подчеркивает их крутые склоны, обрывающиеся к морю Дождей. Ученые насчитали в этой горной цепи свыше 3 тысяч отдельных вершин, местами поднимающихся на 5—6 тысяч метров над равниной «моря». Внешние склоны Апеннин пологи. Такие размеры гор на Луне не единичное явление.

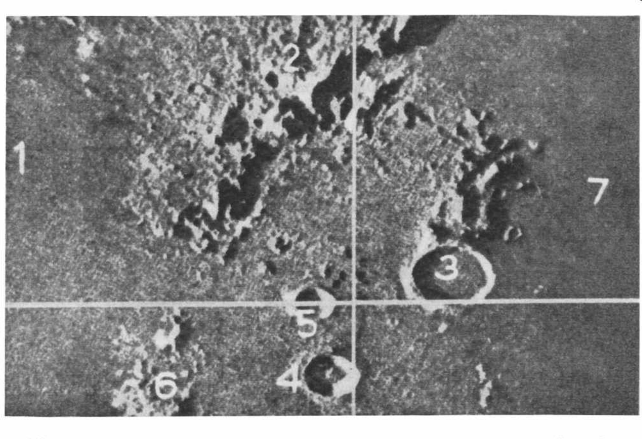
Названия лунных гор, присвоенные им на раннем этапе изучения Луны, нельзя признать удачными. Так, лунные Апеннины больше напоминают земной Кавказ, а лунный Кавказ, служащий продолжением Апеннин на севере, похож на земные Апеннины.

К северу от Апеннин хорошо видны три кольцевые горы — кратеры Архимед, Автолик и Аристил. Они представляют собой характерную особенность лунного рельефа. Диаметры многих крупных кратеров достигают 100, а некоторых — даже 200 километров. Диаметр кратера Архимед достигает 100 километров. Высота горного кольца, окаймляющего кратеры, обычно в десятки, а то и в сто с лишним раз меньше его диаметра. Наружные склоны пологи, а внутренние круты. Дно кратера обычно лежит ниже уровня местности, на которой он расположен. Это хорошо видно на кратере Аристил (смотри 2-е фото): тень внутри него длиннее, чем тень, падающая от него в сторону.

Вопрос о происхождении лунных кратеров еще не решен окончательно, некоторые из них, маленькие, могут быть следами падения метеоритов. Крупные имеют вулканическое происхождение. Явления, несколько напоминающие земной вулканизм, наблюдаются на Луне и в настоящее время. Это подтверждает советский астроном Н. А. Козырев, зафиксировавший 3 ноября 1958 года выделение газов в кратере Альфонс, находящемся в центральной части лунного диска.

М. ВЕСТИЦКИЙ,
лектор Московского планетария.

Район прилунения. Точка встречи контейнера с поверхностью Луны: селенографическая широта равна плюс 30 градусам, селенографическая долгота равна нулю. ↓

Море Ясности — 1, Апеннины — 2, Архимед — 3, Аристил — 4, Автолик — 5, Кавказ — 6, море Дождей — 7.

Письмо К. Э. Циолковского

История этого письма такова. В 1927 году среди множества писем К. Э. Циолковский получил коротенькое письмо из Ростова-на-Дону от студентки театрального училища комсомолки Ольги Виницкой. Она писала, что до нее дошли слухи о готовящемся полете на Луну и она бы очень хотела попасть в состав экипажа межпланетного корабля.

Константин Эдуардович ответил открыткой, текст которой мы публикуем:

«26 март 27 г. Глубокоуважаемая О. В., Валье думает сначала пустить снаряд без людей... Прежде еще нужно достигнуть разреженных слоев воздуха, для чего нужен особый, еще не испытанный двигатель. Его даже в проекте нет. Газеты, журналы и изобретатели много фантазируют. Вы напрасно увлекаетесь. Хорошо, если мы дождемся с Вами хоть полетов за атмосферу. Но меня очень умиляет и восхищает Ваша смелость. Рождается желание видеть Вас, хотя на фотографии. К. Циолковский. Калуга, Жорес, 3».

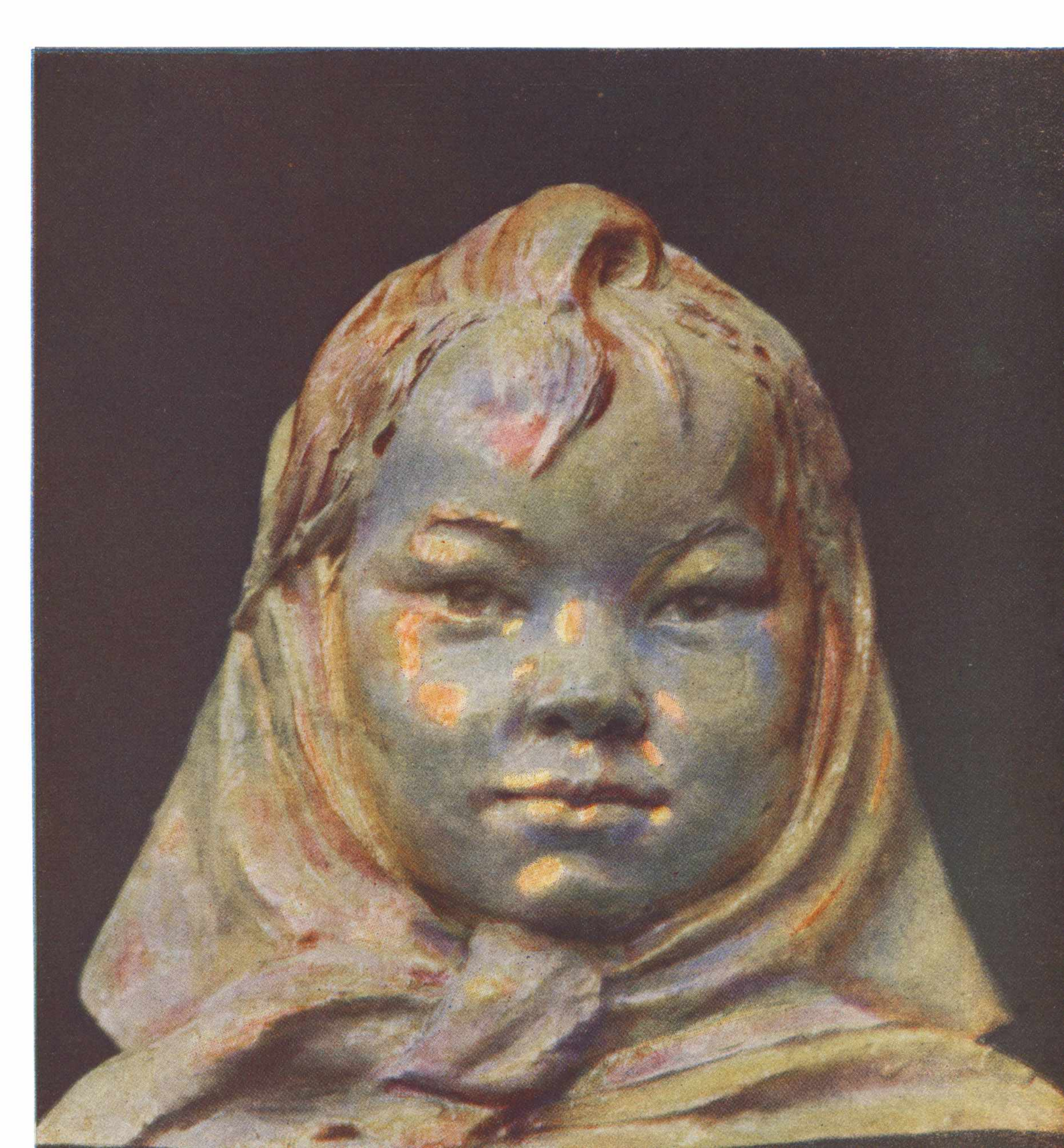
Н. П. Глущенко. ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ.

ВЫСТАВКА ДВУХ ХУДОЖНИКОВ

Выставка работ двух украинских художников, заслуженных деятелей искусств УССР скульптора Галины Львовны Петрашевич и живописца Николая Петровича Глущенко, экспонированная в Центральном парке культуры и отдыха в Москве, привлекает много зрителей.

...Художник Н. Глущенко. Я близко познакомился с ним несколько лет назад в Гурзуфе, на творческой базе. Он поразил меня своей неутомимостью и трудолюбием. Нельзя было не удивиться его способности с раннего утра до позднего вечера, в любую погоду писать то горный пейзаж, то гурзуфские улицы, то сады и виноградники, то морской пейзаж.

Писать море в штормовую погоду или ранним утром, при восходящем солнце, когда каждую минуту оно меняет не только форму, но и цвет, очень трудно. Но Глущенко любил именно такой морской пейзаж, и он ему удавался. Как-то на рассвете мы видели, как Глу-

Г. Л. Петрашевич. ТАНЯ. Майолика.

Н. П. Глущенко. ЗИМНИЙ ДЕНЬ.

щенко с большим холстом и этюдником шел к берегу, а к десяти часам утра он показал нам вполне законченную работу «Утро на море». Она была выполнена в мягкой серебристо-перламутровой гамме с розовыми солнечными бликами.

Жизнерадостное настроение всегда сопутствует творчеству художника. Когда на выставке знакомишься с его работами, поражаешься обилию мотивов, сюжетов, многообразию задач, которые ставит перед собой Глущенко.

По природе своего творчества Н. Глущенко — мастер лирического пейзажа. Он поэтизирует не только образы Днепра, но и фабрично-заводской пейзаж, в котором находит тонкое сочетание цвета и света. Вот один из них: в розовом тумане тонет Днепродзержинск с мощными заводскими корпусами, дымящимися трубами, а на переднем плане, в солнечном блеске воды, мы видим лодки, лодки, лодки и купающихся, веселых людей...

Тема материнства — такова главная тема, волнующая скульптора Г. Петрашевич. Скромными, но очень выразительными художественно-пластическими средствами передает она теплоту материнской ласки в своих работах «Дитя мое», «Буря» и других.

С предельной выразительностью разрабатывает она тему труда в таких скульптурах, как «Слава труду», «Колхозное звено». С успехом работает Петрашевич в области портрета. Об этом свидетельствует созданный ею образ народной артистки СССР Н Ужвий в роли Анны из пьесы И. Франко «Украденное счастье», портреты Гната Юры, дирижера К. Симеонова, портрет матери.

На наших вкладках мы воспроизводим некоторые картины Н. Глущенко и работы скульптора Г. Петрашевич.

И. ТИТОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Г. Л. Петрашевич. ДИТЯ МОЕ.

1 октября—10 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики

Из книги «Стихи о Китае»

Николай ТИХОНОВ

ДА ЯОЦЗИНЬ

(Большой скачок)

Эти кони летят на плакате,
Эти кони и в жизни летят,
И находит крылатый искатель
Все, что недра Китая таят.

Эти кони Да Яоцзиня,
Эти кони Большого скачка,
Где промчатся, там вздрогнет пустыня
От заводского утром гудка.

Эти кони летят по Китаю,
Эти кони... Непрост их полет:
Как они, человек вырастает,
Напрягая все силы... Вперед!

Эти кони — не сказка пустая,
Эти кони — не театра теней,
То летящая сила Китая
Воплотилась в летящих коней!

Эти кони — не символы мифа,
Эти кони с могучим плечом —
Знак той новой истории мира,
Пред которой мы — дети еще!

В ДЕРЕВНЕ ШАОШАНЬ

За домом роща, склон пологий,
Деревьев тень упала в пруд.
В кумирне прежде жили боги.
Теперь там школьники живут.

Они, как боги молодые,
Пройдут по травам, по кустам,
Покажут тем, кто здесь впервые:
«Мао Цзэ-дун родился там».

И гости в дом обыкновенный
Вошли и видят: стулья, стол,
Кровать, полати, окна, стены,
А дальше дворик — чист и гол.

А дальше — вот одна из горок,
Где он бродил, весной дыша,
Начало тропки, по которой
Он вышел в мир, ушел в Чанша.

Он был, как школьники вот эти.
Все тот же дом, все тот же пруд.
Теперь поют нам песню дети,
О дяде Мао нам поют.

Все тот же дом, и пруд глубокий,
И небо розово, как шелк,
Но нет весны его далекой,
Тропы, которой он ушел,

Тропы той, глиняной, убогой,
Что шла, лишь под ноги пыля,
А есть широкая дорога
В Чанша, в Пекин, во все края!

Гравюры Л. КРАВЧЕНКО.

КАНТОНСКАЯ НОЧЬ

Светящимися тысячами точек
На лодках зацветают огоньки,
И смесью пряной всех дурманов ночи
Пронизан воздух даже у реки.

Растет, дробясь, игра огней и звуков
Под стук сандалий, шелесты листвы;
Весь город полон деревянным стуком
И шелестом деревьев непростых.

И в теплой, влажной полутьме послушно,
Как будто на какой-то тайный зов,
Идете вы по набережной душной,
Где плещет в стены море голосов.

Гуляют люди толпами повсюду,
Проходят джонки по ночной реке,
Цветы во мгле сверкают пенной грудой,
И музыка играет вдалеке.

Вам любо все, и пристань сердце ваше
Влечет, а там, средь лодок и плотов,
Там — весь в огнях и, как сундук, раскрашен —
Стоит корабль, к отплытию готов,

Вверх по реке Жемчужной приглашая
С ним плыть навстречу новым чудесам.
Идет толпа, веселая, большая.
В такую ночь живут не по часам.

Вы можете бродить до исступленья,
И кажется, что звезды все звучат,
С далеких лодок долетает пенье,
В тени аллей сандалии стучат.

И этот стук, как музыка, трепещет...
Открыл окно — и входит ночи жар,
И вновь весь город зыблется и блещет,
С двенадцатого виден этажа.

И на окне лежу я, полусонный,
И нету сна, и рядом за стеной
Причудлива живая ночь Кантона,
Она до солнца бодрствует со мной.

Но вот и шар пурпуровый поднялся,
Все осветил — увидел я тогда:
Там, где корабль раскрашенный качался, —
Пустынная лиловая вода.

Он вверх идет спокойно по Жемчужной,
Его следов мне больше не найти.
Ему в Учжоу, нам в Ханчжоу нужно.
Что ж! Добрый день всем странникам в пути!

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ СОВЕТНИКИ В КИТАЕ

Советских советников даже
Имен вы не знали иных.
Пройдут поколенья, и скажут
И книги и песни о них.

Народным доверьем согреты
И движимы чувством одним,
Они помогали советом
И верным примером своим:

Как ставить завод, и немалый,
И печь по-советски нагреть,
С живою стихией металла
По-новому дело иметь;

Как вóды осилить плотиной
И мост перекинуть такой,
Чтоб сказкой, легендой, картиной
Повис он над чудо-рекой;

Как в диких просторах безлюдных
И уголь и нефть отыскать,
И слово тяжелое «трудно» —
Его по-китайски не знать;

Как в поле, где так не случайно
Исчезло понятье «межа»,
Уборочным, новым комбайном
Коммуны убрать урожай!

Спокойны, сильны, неречисты,
В те славные, давние дни
Советники, специалисты —
Поэтами были они,

Ломавшими старые схемы,
Вложившими душу — читай! —
В созданье стозвучной поэмы,
Поэмы «Народный Китай»!

ТАЙВАНЬСКАЯ ДЕВУШКА

Рассказ

ЛИНЬ ЦЗИНЬ-ЛАНЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Эту историю мне рассказал не старый еще, но рано поседевший человек, учитель средней школы.

«Как ни тяжело мне было уезжать с континента, — начал он, — но случилось так, что жить было дальше не на что, и осенью 1946 года я переправился через пролив и получил место учителя средней школы на центральном Тайване. Школа находилась далеко от города, а моя квартира — далеко от школы. Я жил в деревянном, в японском стиле домике, который после капитуляции Японии перешел к гоминдановцам. Двери и окна этого домика были в плачевном состоянии, заборчик вокруг него разрушился, а запущенный, одичавший сад, казалось, сливался воедино с окрестными пустынными полями. Я тосковал по родным краям и думал об освободительной войне, которая яростно бушевала там, на континенте. Не зная местного диалекта, один, без друзей, я жил, словно отшельник в пустыне.

Однажды, возвращаясь домой из школы, я толкнул дверь и остановился на пороге удивленный. Похоже было, что я просто ошибся домом. Я осмотрелся. Исчезла грязная одежда, которая до этого висела на стене, мои постельные принадлежности, разбросанные, как правило, по застеленному циновками полу, были аккуратно сложены; все было прибрано и сияло чистотой. Но самое восхитительное — запах свежести, тонкое благоухание: циновки, очевидно, были только что выстираны в холодной воде...

Услыхав в кухне позвякивание посуды, я осторожно заглянул туда. Худенькая девушка чистила кастрюли. Голова ее была низко опущена, и я мог видеть ее только в профиль. Худое лицо, очень бледная кожа. Она не подняла глаз и ничего не сказала. Какой-то добрый тайваньский друг прислал мне служанку. Но она была так молода! Как могла она вести хозяйство?

— Как вас зовут, девушка?

— Ва мо цзай.

— Где вы живете?

— Ва мо цзай.

— Не бойтесь, вам здесь не много придется работать.

— Ва мо цзай.

Совсем недавно я узнал несколько слов местного диалекта: большинство тайваньцев говорит на том же языке, что и жители южной Фуцзяни. Я знал, что слова «ва мо цзай» означают «я не знаю». Очевидно, она ничего не поняла из всех моих слов.

Я вернулся в свою комнату, взял листок бумаги и написал большими иероглифами: дрова, рис, жиры, соль. Затем я подал ей этот листок вместе с десятью долларами. И прежде чем я успел ей что-либо объяснить, она спокойно улыбнулась и положила записку и деньги в карман.

С помощью нескольких фраз на местном диалекте, которыми я владел, двух — трех японских слов и энергичных жестов я пытался объяснить ей, что мне нужно.

— Я хотел бы, чтобы первый и второй завтраки были вовремя, а обед можно подавать и позднее. Я не очень привередлив в отношении своей одежды, так что тебе не придется стирать каждый день.

Я заметил, что до нее дошла добрая половина из того, что я сказал. И все же, когда на мои слова требовался ответ, она неизменно говорила «ва мо цзай» или просто спокойно улыбалась. Я подозревал, что за этой улыбкой кроется какая-то хитрость: она никогда не поднимала головы и не смотрела мне прямо в глаза. Да, в конце концов, она была себе на уме.

И вот с этих пор в полуразрушенном японском домике поселился приятный запах вкусной еды. В заброшенном саду протянулась веревка, на которой развешивалось выстиранное белье. В течение дня окна открывались настежь, и солнце проникало в комнату, изгоняя сырость и наполняя дом радостным светом.

Однажды вечером, когда я сидел над тетрадями, я попросил ее приготовить чай. И с тех пор каждый вечер, как только я садился писать, из кухни доносился звон посуды. Перед моей дверью она обычно снимала деревянные башмаки, босиком шла по циновкам и, опускаясь на колени, ставила чай на низенький столик. Эта манера становиться на колени осталась со времен японской оккупации.

Вместе с чаем она обычно приносила крошечный листок бумаги, который крепко держала в кулачке. Она роняла его на стол и выходила без звука. Этот листочек содержал отчет за день. Изо дня в день повторял я ей, что этого делать не нужно, что я не требую отчета, но она мне отвечала лишь «ва мо цзай».

Как-то я сделал вид, что рассержен, и разорвал листок в мелкие клочья. После этого она перестала носить отчет, но я заметил, что она завела небольшую книжку расходов и повесила ее на стене в кухне. Какая упрямая девчонка!

Я был лишь бродячим холостяком, и за то, что обо мне так заботились, я был всем сердцем благодарен этой девушке. Но дни бежали, а единственные слова, которые я от нее слышал, были «ва мо цзай». Чувствовалось, что она умышленно держит меня на расстоянии. Тщательно и упорно хранила она эту холодность, будто не вполне доверяла людям с континента.

Однажды я с огорчением заметил ей, что, поскольку я не знаю ее имени, я вынужден звать ее «Ва мо цзай». Она улыбнулась, а потом неожиданно расхохоталась и так смеялась, что не могла разогнуться. Закрыв лицо руками, она опустилась на ступеньки. Внезапно она перестала смеяться; смех оборвался и исчез, как исчезает вдруг бумажный змей, когда оборвутся нитки. Я понял, что на сердце у нее была какая-то тяжесть, тяжесть не по годам, и эта тяжесть принесла ей преждевременную серьезную сдержанность. Я расспрашивал о ней у своих тайваньских друзей, и мне рассказали, что ее отец — учитель начальной школы, сама она окончила высшую ступень начальной школы. Семья у них была большая, и продолжать учиться она не смогла.

Я подумал, что школьному учителю, должно быть, мучительно сознавать, что он не в состоянии дать образование своей собственной дочери. Я решил каждый вечер уделять ей хотя бы немного времени с тем, чтобы помочь учиться дальше. Но девушка была очень подозрительной, и я просто не мог к ней подступиться с этим.

Как-то я вышел на кухню и застал ее за чтением. Увидев меня, она вскочила, чтобы спрятать книгу в ящик, но я протянул руку, и она подала книгу — «Анна Каренина» на японском языке. Я удивился.

— И понимаешь? — спросил я довольно глупо.

— Хм... — Она опустила глаза.

Я понял, что сказал не совсем то, что надо.

— А вы прилежны, — поспешно добавил я. — Это хорошо, очень хорошо! Хотели бы вы научиться писать сочинения на китайском языке? Я научу вас. У меня время есть. Будете заниматься?

— Ва мо цзай.

Тем не менее с тех пор мы каждый вечер часами засиживались за книгами. И я обнаружил, что действительно она понимает почти все из разговорного китайского языка, а знание письменной речи было вполне на уровне выпускников начальной школы. Я попросил ее набросать на листке, что она думает о своих занятиях. И вот что она написала:

«Я хочу много работать, научиться как следует писать, и я научусь. Потом, на следующий год, я могу сдать вступительные экзамены в среднюю школу. Мой старший брат призван в армию, и он сыт, мой второй брат посажен в тюрьму, и он тоже сыт. Но дело не только в том, что они сыты. Мама беспокоилась о них, и она умерла, так что теперь еда ей уже не нужна.

С тех пор, как умерла мама, я редко смеюсь и не люблю развлекаться. Все говорят, что я стала маленькой женщиной. А папа сказал: «Хорошо, что нас осталось только двое. Теперь я могу послать тебя в школу!» Учиться в школе было моей давнишней мечтой, но я никогда не думала, что она так осуществится.

Поэтому я не могу быть ленивой. Я должна быстро научиться писать сочинения».

Много ученических сочинений прочел я за год, но ни одно из них не тронуло меня так, как это. Я его запомнил.

Я вынужден был быть осторожным. И я был очень сдержан, когда говорил о политике. Но во время наших занятий я давал ей читать местную газету и рассказывал о том, что происходит на континенте. Я помогал ей читать газету между строк и старался открыть ей глаза на истинный характер народно-освободительной войны и объяснить, за что сражаются коммунисты и кому на Тайване невыгодно, чтобы простые люди знали правду.

Эти занятия часто заставляли меня вспоминать свои студенческие годы. Когда я учился в средней школе, у нас было несколько умных, бойких одноклассниц с блестящими глазами. Мы вместе участвовали в движении Сопротивления японским захватчикам, и у меня было достаточно возможностей подружиться с девушками. Но я был робок и боялся, что надо мной будут смеяться, если я скажу что-либо неуместное, боялся сделать что-либо, что оскорбило бы сказочную девичью красоту.

Получив образование, я вел бедную, бродячую жизнь. При подобных обстоятельствах думать о том, чтобы найти подругу, было абсолютно невозможным.

И вот...

Бог знает, как только ей удалось изучить мои привычки. Я не любил цветов на столе, а предпочитал, чтобы они стояли на подоконнике; если бы чистое белье не было приготовлено, я не вспомнил бы, что нужно переодеться. И как она могла догадаться, что запах соломенных циновок после стирки их в холодной воде мог опьянять меня, как вино?.. Об этих мелочах я никогда никому не говорил.

В канун Нового года она пришла в новой темной юбке и черной сатиновой кофточке. Судя по фасону, эту кофту носила еще ее мать. Она улыбнулась мне и церемонно поклонилась. На очень правильном китайском языке, тщательно произнося каждый слог, она сказала:

— С Новым годом!

И прошла на кухню. Я поспешно сказал ей вслед, что не хочу есть.

— Я уже позавтракал. Я всегда ем в праздники не дома. Вот. Я еду в город. Послушайте, это мысль. Почему бы и вам не поехать тоже? Поедем вместе?

Я всегда был так косноязычен в присутствии девушек. И, как всегда, притворился, что это только что пришло мне в голову — пригласить ее, боясь подать вид, что думал об этом дав-

но... Она, казалось, не поняла, во всяком случае, не ответила и протопала в своих деревянных башмаках в комнату. Мне ничего не оставалось, как взяться за газету и угрюмо молчать, прикрывшись газетным листом.

Через некоторое время звук ее башмаков замер. Я поднял голову. Она стояла, вытянувшись, в дверях и пристально смотрела в поле. Вдруг меня осенило: она ждала меня! Я поспешно подошел к ней и сказал:

— Какой хороший день!

Она продолжала молчать. Мы вышли вместе.

По дороге нам встречались многие мои сослуживцы и учителя соседних школ. И со всеми она обменивалась приветственным «С Новым годом!».

Удивленный, я спросил, откуда у нее столько знакомых. К моему изумлению, она ответила:

— О, я их и не знаю! Но в этот день мы должны приветствовать друг друга.

Сконфуженный, что незнаком с таким чудесным обычаем, я все же не мог не заметить, что каждый, кого она приветствовала, знал он ее или нет, лукаво на нее посматривал.

Мне было очень неудобно, а она как будто ничего этого не замечала. Она продолжала приветствовать людей, спокойно и тщательно выговаривая: «С Новым годом!»

Когда мы пришли в город, я повел ее в тихое кафе. Мы сидели друг против друга. В ее взгляде были нерешительность и легкая грусть, но она молчала. Она скрывала свои чувства от самой себя. Они были ясны, как были ясны ее глаза.

— Не стоит обращать внимание на людей. Давайте думать о себе,— несмело предложил я.

— Что? — спросила она, но потом поняла.— О, я о них не думаю. Зачем?

— Вы как будто расстроены?

— Конец старого года — время подводить итоги. Вчера вечером отец долго сидел над цифрами. Он перестал курить трубку и сказал мне: «Мы очень бедны, твои братья далеко. Я здоровый старый вол, я смогу тянуть лямку еще пару лет. А после? Как ты будешь жить?..» — Она замолчала, потом просто сказала: — Папа хочет, чтобы я не беспокоилась ни о чем, успешно училась и изучала потом медицину.

— Медицина — дело хорошее!

— А! — Она закрыла глаза.

Когда она снова их открыла, беспокойное выражение исчезло.

— Учитель, — сказала она, — достаточно ли вы осторожны? Мне говорили, что директор тайно подслушивает, когда вы читаете лекции...

Она тоже знала?! Я вел себя осторожно, но я никогда не лгал. Когда я не мог говорить правду, я ничего не говорил. Мои лекции по современной истории Китая и современной литературе шли не дальше движения «4 мая» 1919 года [1]. Это значит, что я не мог проговориться. Но я не мог не говорить о революционных писателях того периода. Я рассказывал ученикам о творчестве Лу Синя, Го Мо-жо, Мао Дуня. Несколько раз я замечал, что директор подслушивает под окнами класса, прижавшись к стене, как ящерица. Опыт подсказывал мне, что рано или поздно я должен буду собраться в дорогу.

— Откуда вы знаете? — спросил я. — Вы что-нибудь слышали?

Она покачала головой.

— Кое-кто из учителей не говорит много в классе, а собирает группу своих учеников для внеклассного чтения...

Она говорила, не поднимая глаз от стола, а голос был тихий, как у послушной ученицы. Но то, что она предлагала, было слишком серьезно. Я не знал, сама ли она додумалась до этого или кто-то подсказал ей.

После этого разговора я почувствовал, что мы стали лучше понимать друг друга — ее образ мыслей далеко опередил ее возраст. Но эта прогулка в город ни у нее, ни у меня радости не оставила. Казалось, мы оба сознавали, что над нами нависла какая-то опасность.

На пятый день новогодних каникул в школе устраивался бал. Наш директор напился, как

[1] Подъем антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае, начавшийся народной демонстрацией в Пекине 4 мая 1919 года под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

свинья. Он лакал с раннего вечера до десяти часов и, чем больше поглощал спиртного, тем болтливее становился. Один за другим вставали учителя и пили за его здоровье. И когда один из них стал помогать ему усесться за стол после того, как он сполз вниз, несколько других услужливо бросились на помощь. Затем нам всем предложили встать вокруг и поднять свои бокалы в почтительном салюте.

Я просто не мог этого вынести, поставил свой бокал, пробрался через толпу и вышел из комнаты. В шуме голосов я расслышал холодный смешок директора:

— Ком-му-нист!

Я думал всю ночь и решил, что древняя поговорка правильна: «Попав в беду, вылезай из нее». Рано утром я уже складывал вещи. «Ва мо цзай» мне помогала связывать их в узел. Она делала все, как обычно, как будто ничего не случилось. Я вышел за носильщиком, а когда вернулся, ее уже не было. Я окликнул ее, но ответа не последовало. Встревоженный, я поспешил на кухню. Она стояла, выпрямившись, у окна, и слезы текли по ее лицу. В дрожащих пальцах у нее была скомканная табличка с моей фамилией, которую она, должно быть, сняла с двери. Сама она была неподвижна. Я взглянул на нее и понял, что она страдает. Сердце мое разрывалось, мысли путались, я был растерян и, повернувшись, выскочил на улицу.

Стояло зимнее утро. Небо было мрачное, свинцовое. Ветер завывал в пустынных полях. Я поднял свой чемодан и поплелся по дороге. Отойдя от дома на сотню шагов, я не в силах был больше сдерживать себя. Я остановился и оглянулся. Мне было видно кухонное окно в проломе забора. Окно было темное, но мне казалось, я вижу, и очень отчетливо, что «Ва мо цзай» стоит там и плачет. Я чувствовал себя трусом, покидающим дорогого человека и убегающим, чтобы спасти свою шкуру.

Я направился в город занять денег у товарища, преподававшего в профессиональной школе. Он сообщил мне, что они ищут когонибудь, кто мог бы вести класс по письму и географии. Я заметил, что, к сожалению, ничего не смыслю в географии. Но он уверил, что это ничего не значит. Если бы я смог нарисовать мелом на доске очертания провинций и набросать основные реки и горы, этого было бы вполне достаточно. За семестр они проходили по три — четыре провинции. До начала занятий было еще полмесяца, и у меня было достаточно времени подготовиться.

Не имея выбора, я согласился и начал практиковаться в картографии. Я боялся опозориться в классе и поэтому упорно просиживал над столом и чертил, чертил...

Я принял участие в церемонии открытия учебного года и вернулся домой: надо было закончить конспект лекций. Занятия начинались через три дня. Вдруг я услышал шаги, приближающиеся к моим дверям, и звук сброшенных деревянных башмаков. Это был очень знакомый звук. У меня задрожали руки. Я почувствовал, что кто-то стоит за моей дверью. Я обернулся. Конечно, это была «Ва мо цзай».

С улыбкой она положила обе руки на колени и отвесила мне глубокий поклон на японский манер.

— Добрый день, учитель! — приветствовала она меня.

Это было так неожиданно. Я поспешно пригласил ее сесть, предложил ей воды. Она смущенно вошла в комнату с небольшим свертком в руках. Положила на стол. Взглянула на разбросанные повсюду карты, огляделась и направилась на кухню. Я слышал, как она проверила водопровод, подняла крышку кастрюли и снова ее закрыла. С хмурым видом она вышла из кухни, очевидно, абсолютно неудовлетворенная.

— Торопиться нет нужды. Не беспокойтесь,— проговорил я. — Я знаю, здесь все вверх дном. Но сначала отдохните.

Она помедлила, потом со спокойной улыбкой сказала:

— Папа не хочет больше, чтобы я была служанкой.

— Ну да, конечно...

— Я сдала вступительные экзамены в вашу школу. Вы одобряете?

— Прекрасно, прекрасно. Отлично, — бормотал я, краснея от смущения, что мог подумать, будто она пришла ко мне, чтобы снова

стать служанкой. Но она уже надела башмаки и вышла за дверь.

— Подождите! — прокричал я ей вслед. — Вы сдали вступительные экзамены?

«Ва мо цзай» не остановилась.

Я заметил сверточек, она его забыла.

— Подождите, — позвал я ее. — Вы забыли свой сверток! Ва мо цзай!

Я развернул его. Это была коробка печенья — очевидно, подарок мне. Я вспомнил, как она рассказывала, что ее отец просидел полночи над домашними расходами, пытаясь найти возможность свести концы с концами. И она... приносит мне подарок...

В следующие два дня я не видел «Ва мо цзай». Первый урок по географии мне предстояло начать с провинции Цзянси. Я сотни раз упражнялся в начертании ее контуров, но контур все более и более становился похож на профиль девушки. Не знаю, почему.

На следующее утро я пошел в школу. Учащиеся собрались группами во дворе, сновали взад и вперед по спортивной площадке. Войдя в учительскую, я нашел своих коллег в подавленном состоянии. Мой приятель отвел меня в сторону и рассказал о потрясающих событиях, случившихся днем в Тайбэе и всколыхнувших давно затаенную в народе ненависть к режиму Чан Кай-ши. Тайбэйцы окружили гоминдановские правительственные учреждения, вспыхнули забастовки, закрылись магазины. Большинство студенческой молодежи прекратило посещение занятий. Перестали ходить поезда. Это было начало знаменитого февральского восстания на Тайване в 1947 году, которое чанкайшисты потопили в море крови.

Прозвенел звонок, но класс оставался пустым. Молодежь выстроилась на спортивной площадке. Высокий парень поднялся на возвышение и дал команду. Затем начала говорить какая-то девушка. Это была «Ва мо цзай».

Как зачарованный, смотрел я на них. Они маршем, с песнями вышли со школьного двора, выкрикивая лозунги, шли с развевающимися знаменами... В эту минуту я вспомнил свои школьные годы. Тогда мы кричали: «Долой японцев, спасай нацию!» Мы тоже бросали занятия и выходили на демонстрации...

От школьных властей я получил уведомление: поскольку я не говорил на местном диалекте и мог быть «неправильно понятым», я не должен был выходить к учащимся. Целый день я шагал по комнате, как осел, толкающий на мельнице вал с жерновами. Вдруг вечером ко мне вошли человек шесть учащихся и спросили, есть ли у меня револьвер или какое-нибудь другое оружие. «Ва мо цзай» держалась позади и стояла в углу. Глаза ее были опущены, и всем своим видом она говорила, что мы никогда не встречались. Кто-то из ребят сказал, что они отбирают на хранение всякого рода оружие, чтобы избежать возможных беспорядков.

Они вооружались — я это ясно видел. По тому, как они говорили со мной, по их манере держаться я понял, что они считают меня на стороне врага. Мне нечего было им сказать. «Ва мо цзай» вышла первой. Остальные последовали за ней.

Невыносимая тревога охватила меня. Отбросив всякую осторожность, я, спотыкаясь в темноте, пошел в школу. В одном из классов ярко горел свет. Я вошел туда, и очень знакомая картина встала перед моими глазами. Все столы были сдвинуты вместе, и ученики рисовали большой плакат, писали лозунги.

Намеренно избегая смотреть на «Ва мо цзай» или на кого-нибудь еще, не замечая подозрительных взглядов, которые кидали на меня со всех сторон, я начал говорить. Я рассказал им, что я тоже принимал участие в студенческом движении и имею некоторый опыт, которым и хочу поделиться. Краем глаза я видел, как «Ва мо цзай» и еще двое шепотом переговаривались. Когда я кончил, студенты меня горячо приветствовали. «Ва мо цзай» оказалась передо мной и повела меня к столу. Я не мог в шуме расслышать, что она говорила. Я только знал, что она улыбается.

В ту же ночь мы решили послать две группы: одну — на соединение со студентами северного Тайваня, вторая должна была отправиться на центральный Тайвань. «Ва мо цзай» была во второй группе. В туманный предрассветный час они сели на грузовик и уехали.

Ко мне вернулась весна моей юности. Какая бы суровая ни была зима, но весна наступает, и когда земля пробуждается ото сна, лед и снег превращаются в питательную среду. Я чувствовал себя теперь сильнее, более приспособленным к жизни, в своей стихии...

К несчастью, мы не смогли тогда организовать монолитное шествие. Улицы были оцеплены гоминдановскими солдатами. Они стреляли. Восстание было подавлено.

«Ва мо цзай» не вернулась, и от нее не было никаких вестей. Школьные власти запретили мне выезд, и как-то днем, когда я сидел у приемника, я вдруг услышал голос девушки. Видно, очень взволнованная, она старалась тщательно произносить каждое слово:

«Молодежь, рабочие! Пробейтесь к железнодорожной станции!..

Мы окружены. Совет студентов, внимание! Совет студентов, используйте все возможные средства связи, помогите железнодорожной станции...»

Что-то щелкнуло, и голос оборвался. И как я ни крутил ручку приемника, я не мог добиться ни звука: радио словно умерло.

В этот же день ко мне зашли двое незнакомых людей и сказали, что меня требуют в кабинет директора. Когда я вышел из дома, они втолкнули меня в ожидавший у входа грузовик. К вечеру меня доставили в секретный концентрационный лагерь.

Это был ряд железобетонных блокгаузов, разделенных железной загородкой. В каждом блоке было по три ряда больших деревянных клеток-камер. Две стенки клеток были дощатые, две другие — из деревянной решетки, частой, как сито для риса. Люди были заперты в этих клетках, как животные в зверинце.

Однажды утром, когда я в паре с другим заключенным нес «бачок» в отхожее место, мы, как обычно, проходили мимо небольшого домика в центре лагеря, где была тюремная канцелярия. Внутри висело большое зеркало, и я, бывало, смотрел в него всякий раз, когда дверь была открыта. На этот раз перед зеркалом стояла девушка и расчесывала волосы. У ее ног лежал небольшой узелок. Спокойно, без следа смятения она причесывалась, как будто была у себя дома. Вот она отодвинулась в сторону, и я увидел себя рядом с «Ва мо цзай»! Она мне улыбнулась в зеркале. Мой напарник предостерегающе кашлянул, мы подняли нашу ношу и двинулись. Я слышал, как «Ва мо цзай» громко сказала кому-то:

— Я ничего не сделала. Не знаю, зачем они меня сюда прислали?

Это наше отражение в зеркале — она и я — надолго осталось в моей памяти: я — с растрепанными волосами, бледный, неопрятный, как старьевщик, и рядом со мною она — спокойно причесывается и улыбается, как всегда, тихо, безмятежно...

Поздно вечером гоминдановцы обычно допрашивали вновь прибывших заключенных. В ночной тишине слышался каждый звук. Ночь за ночью я с ужасом ждал, когда примутся за «Ва мо цзай». Но ночи проходили, и казалось, с ней ничего не случилось. Как-то ночью мне стало особенно тяжело, что-то давило меня, кружилась голова, и наконец сон свалил меня. Мне снилось, что она стоит передо мной, а со всех сторон взвиваются хлысты и впиваются в нее, как ядовитые змеи, а она продолжает спокойно улыбаться. Сердце рвалось из груди в этом ночном кошмаре, и я, вздрогнув, проснулся. Я услышал, как орал мужской голос:

— Ты все еще улыбаешься? А? Ты все еще улыбаешься?

Он разразился проклятиями, и вдруг я услышал знакомое:

— Ва мо цзай.

Я бросился к решетке и прижался к ней ухом. Я слышал, как кто-то в исступлении барабанил по столу, слышал топот ног, проклятия. И тот же спокойный ответ:

— Ва мо цзай.

Охранники бесновались, как разъяренные волки, а я метался по своей клетке. Но голос спокойно настаивал:

— Ва мо цзай. — И молчание.

Я слышал топот ног, звон железа, удары и удары... Я вскакивал, снова ложился и снова вскакивал, чувствуя эти удары на себе. Я стискивал зубы в бессильном отчаянии, пока мои челюсти не онемели, до боли сжимал кулаки. Сердце стучало так сильно, что, казалось, готово было выскочить из груди. И все же всякий раз, когда казалось, что я больше не вынесу, я слышал спокойный голос:

— Ва мо цзай.

Не знаю, как долго все это продолжалось. Но потом наступила тишина. Я был весь в холодном поту, но у меня не было сил поднять руку и вытереть лицо. Я погрузился в дремоту, похожую на обморок.

Спустя некоторое время я снова проснулся. Было уже очень поздно. Я поклялся, что буду бороться с этими ублюдками до конца...

С этой ночи я перестал бояться смерти. Я стал человеком, у которого была в жизни цель.

О «Ва мо цзай» после этой ночи не было никаких вестей. Однажды днем надзиратель открыл дверь моей клетки и рявкнул:

— Выходи!

Я посмотрел на него и вышел. Он повел меня к железной перегородке соседнего блокгауза. Гремя ключами, он прошептал:

— Не больше трех минут. Вторая клетка налево.

Я бросился туда. «Ва мо цзай» сидела за решеткой. Она была иссиня-бледной, подбородок ее заострился, глаза блестели. И так же, как в первый день нашего знакомства, когда я увидел ее на кухне, я подумал: как она еще молода, очень молода! Сердце мое сжалось, на глаза навернулись слезы. Но она мне так спокойно улыбалась, что я сдержался. Она спросила, могу ли я есть, что дают, достаточно ли мне. И три минуты прошли. Когда надзиратель велел уходить, она оглядела меня с ног до головы и покачала головой:

— На что это похоже! Снимите рубашку и дайте ее мне. И тапочки ваши все порвались. Снимите их, снимите.

Мне некогда было думать. Я вернулся в свою клетку без рубашки и босой. На следующий день рубашка вернулась ко мне чистой, тапочки были аккуратно заштопаны. Это было похоже на чудо.

Мы были в концентрационном лагере, но если мы достаточно платили, надзиратель ухитрялся протаскивать и передавать вещи от родных. Мы могли также, если платили, обме-

ниваться предметами первой необходимости. Эта взаимная помощь росла день ото дня. «Ва мо цзай» не запрещали подходить и к железной перегородке, и она стала как бы письмоносцем между двумя нашими блокгаузами.

Это решало многие наши материальные трудности. Но, что более важно, она несла в своих записочках теплую поддержку, радость. И, наконец, главное — это помогало нам обмениваться новостями.

Я использовал это как единственную возможность говорить с «Ва мо цзай». И вскоре активно включился в работу нашей почты. Тогда я понял, что почта не была делом рук одного — двух энтузиастов, действовала целая организация.

Как-то утром, когда нас выстроили на осмотр, «Ва мо цзай» передала мне через нового заключенного пару выстиранного белья.

— Передай, — прошептала она ему. — Это для восемнадцатого номера.

Но новичок спрятал белье у себя под рубашкой. «Ва мо цзай» увидела меня на расстоянии десятка шагов и почти крикнула:

— Восемнадцатый, скорей возьми это белье!

Но едва я выступил из шеренги, как услышал откуда-то сбоку рычание:

— Что тут происходит? Кто тебе разрешил сюда ходить? Что ты здесь делаешь?

Это был начальник лагеря. Он свирепо смотрел на «Ва мо цзай», готовый проглотить ее. Я замешкался. «Ва мо цзай», очевидно, испугалась, что я не понял ее. Краем глаза она взглянула на начальника, а затем, обращаясь ко мне, как ни в чем не бывало спросила:

— Не видел ли кто-нибудь белье? Я его здесь обронила. Оно, правда, рваное, но его можно заштопать. Мне бы не хотелось его потерять. Не видели? С поясом?..

Я сразу же догадался, что в поясе спрятана записка.

Сердитым ревом старший надзиратель прогнал «Ва мо цзай» от перегородки, и она скрылась из виду. На обратном пути из уборной я узнал, что ее посадили в «черный каземат» — камеру в подземелье. Говорили, что трех месяцев пребывания там достаточно, чтобы свести человека с ума.

Мы ждали десять дней, три недели, месяц, два месяца. «Ва мо цзай» не возвращалась. Первое время я справлялся о ней каждый день, потом уж не решался спрашивать, боясь услышать в ответ самое худшее. Всякий раз, когда я просыпался в середине ночи, сердце сжималось от ужаса. Я шептал ее имя, лежа до рассвета с широко открытыми глазами.

Однажды ночью я услышал за стеной кукушку. Я еле-еле дождался утра, чтобы поделиться этой новостью с другими. Но в это утро другая радость свалилась на меня: «Ва мо цзай» вернулась в наш каземат, в клетку в углу третьего ряда.

С тех пор каждое утро, как бесконечные волны прилива и отлива, в моем мозгу появлялись и исчезали планы свидания с ней. Но, несмотря на то, что мы были в одном каземате, несмотря на все мои планы, увиделись мы с ней еще только трижды.

Первый раз — она сидела, поджав ноги, когда я осторожно подошел к ней. Голова ее приникла к решетке, а глаза были закрыты, как будто она спала. Я тихонько приблизился. Лицо ее было очень бледным. Она открыла глаза, посмотрела на меня невидящим взглядом и снова закрыла их. Словно это наше свидание было чем-то совсем обычным, словно мы виделись каждый день и в этой встрече не было ничего удивительного. Тихий стон вырвался у меня. Она снова открыла глаза. На этот раз ее лицо оживилось от волнения.

— Вы пришли, вы правда пришли! Это не сон?

— Я подумал, что вы не узнали меня...

— Нет, нет, я была уверена, что мне снится сон. Я все время вижу сны. Стоит закрыть глаза, как возникают видения.

Она тяжело дышала. После нескольких слов она останавливалась, чтобы перевести дыхание. Голос ее был хриплый, и говорила она с большим трудом.

— Очень тяжело было в «черном каземате»?

— Все в порядке. — Она улыбнулась. — Мне хорошо, разве вы не видите? — Она говорила с трудом, через силу, голос был едва слышен.

— Говорят, там тьма, хоть глаз выколи. Мы очень о тебе беспокоились.

— Ночью там есть свет. Ночью там светлее, чем днем. В коридоре лампочка. — Опухшим языком она облизала горевшие губы. — Она дает достаточно света, чтобы разглядеть ладошку. Я не спала ночью, я читала. «Триста танских поэм». Все, что я поняла, я выучила наизусть.

— Танские поэмы?!

— Однажды ночью, — она улыбнулась, — я услышала, как кто-то царапался под полом моей камеры. Звук был очень громкий, будто это был по крайней мере медведь. Но я увидела, что это всего лишь мышь, сытая и гладкая... Когда она вылезла наверх, свет заставил ее зажмуриться. Я громко рассмеялась, а она ничуть не испугалась даже. Все, кто находился в этой камере, по-видимому, кормили ее и приручили. Казалось, она играла со мной в прятки. То я ее видела, то она исчезала. Я принялась обыскивать пол в поисках дырки, через которую она пролезла, и обнаружила плохо закрепленную доску. Я приподняла ее, а там, под доской, лежала книга «Триста танских поэм».

Она устала и закрыла на миг глаза.

— Отдохните немножко!

— Нет, нет!

— Вы весь день спите?

— Да, все время. Сплю и вижу сны. Сейчас

тоже. Иногда я не могу понять, сплю я или нет.

— Что же вы видите?

— Ва мо цзай.— Она улыбнулась, и глаза ее заблестели.— Когда вы подошли, мне снилось, что я дома. Я только что выстирала циновки в холодной воде. В комнате был прохладный и чистый воздух. Я стояла у окна и ждала брата. И наша стена была подновлена и покрывалась розами, вьющимися в бело-голубой утренней дымке. Земля была устлана волшебным ковром цветов...— Она взглянула на меня.— Здесь эти цветы зовут «жизнь без корня». Можно посадить побег куда угодно, и он вырастет. Потом я открыла глаза и увидела вас.

— Я пришел не вовремя и прервал ваш сладкий сон?..

— Как вы можете так говорить?! Не надо!

Она склонила свою голову к решетке. Я не знал, утомилась ли она или мое замечание причинило ей боль. Я сказал:

— Простите меня. Я не подумал.

— Ничего. Это неважно. Я не очень люблю эти цветы. Не знаю, почему, но я теперь все время вижу свой дом и детство.— Она улыбнулась.— Теперь я взрослая.

— Не так уж много времени прошло с тех пор, как вы были ребенком.

Раздался предостерегающий кашель: кто-то приближался.

— Идите скорей, идите! Но скажите, учитель, что значит слово «едва»?

— Едва?

— Ну, помните:

В руинах родина моя.
Лишь горы высятся твои, да плещут реки,—
Все, что осталось от тебя.
Весна бурьяном буйным расцвела,
Где раньше зеленью цвели сады и города...

— И гребень держится едва
В сединах жидких, поредевших в скорби...— докончил я.

— Вот, вот. Это самое место.

— «Едва» значит здесь «почти не».

Второй раз — с кусочком сушеного мяса, размером не более сигареты, я торопливо свернул за угол, к ее клетке. «Ва мо цзай» сидела на полу, поджав под себя ноги. Она прижалась лицом к решетке, напряженно высматривая кого-то. И прежде чем я успел подойти к ней, зашептала:

— Прошло девять дней! Я ждала все, все эти девять дней. Прошлый раз мы болтали всякий вздор. Я... я хотела спросить, что вы делали всю зиму?

— Я был занят.

— Чем?

— Мечтал.

— О чем?

— О жизни и смерти...

— О!— вскрикнула она словно в испуге, как будто отшатнулась от чего-то неприятного.

— Что с вами? Вам нехорошо?

— Нет, нет... Правда! А почему вы не чертите карт?

— Карт?

— Вы же учитель географии, правда ведь?

— Это шутка?

— Нет, вы очень хорошо чертите карты. Почему бы вам не сделать несколько чертежей северо-восточных провинций, Шаньдуня? Начертите схему линии фронта и покажите, как идет продвижение войск.— Она смолкла.

— Я начерчу, начерчу. А вы отдохните, отдохните хорошенько.

Она глубоко вздохнула и улыбнулась. Делая неимоверные усилия, она прошептала сдавленным, хриплым голосом:

— Это ничего. Я слишком быстро говорила. Вы читаете что-нибудь?

— Где я достану книги?

— Тогда почему бы вам не заняться японским языком?

— Как?

— У вас есть все необходимые условия.

— Все условия?

— Да. Вы все живете вместе. Почти каждый знает немного по-японски, даже надзиратели, которые на вас кричат. Почему бы вам не собрать все эти знания?

— Я не могу изучать японский. Японские слова приводят меня в бешенство.

— Плохо. Когда вы меня учили, вы говорили, что изучать любой язык — это словно открывать окно в своей душе. И вы при таких благоприятных условиях...

— Что же здесь благоприятного?

— Главное, у вас много времени.

— Хорошо. Я буду изучать. Вот возьмите, я принес вам немного сушеного мяса.

— Нет, спасибо. Я не хочу. Я ела. Мне достаточно. Возьмите назад. Мне ничего не нужно.

— Вы очень слабы, вам необходимо питаться.

— Всем необходимо питаться. Кроме того, я не слабая. Честное слово, все в порядке. Я правда очень счастлива. У меня сны, и все они счастливые, ни одного без радости...

— Возьмите. Достать это было не так уж легко.

— Как оно здесь очутилось?

— Сестра одного заключенного потратила много денег, чтобы протащить его сюда. Говорят, она продает себя, чтобы...

— О!— «Ва мо цзай» закрыла глаза, опустила голову, прижалась к решетке. Я и не подумал, что это ее так расстроит.

— Простите, я не должен был говорить такие грубые вещи.

— Ничего! Разве есть что-либо грубое, чего можно было бы здесь не услышать? Но вы сказали, что она сестра заключенного. Как горько!

Я услышал смех надзирателя. Это был условный знак. Кто-то шел.

— Идите! Во втором ряду есть больной. Отдайте ему это мясо. Но подождите. Не... не говорите ему, кем оно сюда послано. Он не сможет тогда проглотить его.

Третий раз — я осторожно подошел к ее клетке. Она сидела, прижавшись к решетке. Глаза были закрыты. Волосы спадали на одну сторону лица. Ее волосы — чудо! Они всегда были хорошо расчесаны, всегда. И это поражало. Она была так спокойна и так бледна, словно сидела у окна, смотрела на луну и вдруг заснула.

Она всегда казалась мне красивой, хотя я не мог бы сказать, почему. Если не говорить о том, что у нее были правильные черты лица, то в ней не было ничего необыкновенного. А черты лица были прекрасные, словно выточенные. Разрез глаз, прямой нос, красиво очерченный рот — все выделялось своей чистотой.

Я тихо окликнул ее, и она сразу же открыла глаза.

— Что вы здесь делаете? Уходите скорее! Сегодня утром началась большая проверка. Разве вы не слыхали? Возвращайтесь и предупредите всех.

— Мы знаем. Все знаем. Но я не видел вас двенадцать дней. Даже если они посадят меня в «черный каземат», я должен побыть с вами, видеть вас. За эти двенадцать дней я испробовал все, что мог, но ничего не получалось. Во всей этой вонючей, вшивой судьбе...

— А!— Ее лицо исказила боль, она закрыла глаза.

— Простите, я стал здесь сквернословить.

— Ничего.— Она слабо улыбнулась.— Я видела карты, которые вы сделали. И на одной из них несколько японских надписей. Значит, вы занимаетесь.

— Не будем об этом говорить. Все эти дни я думал, я должен тебе сказать, когда мы говорим... ты даешь мне силу... когда мы вместе, я...

— Я ничего не понимаю. Давайте говорить о чем-нибудь другом. Вы сегодня счастливы и должны мне сказать что-нибудь хорошее. Но нет, не говорите. Сегодня день большой проверки! Было бы жаль портить приятное в такой плохой день.

Никогда еще не говорила она с таким трудом. Лоб покрылся бусинками испарины. Голос был совсем слабым, он едва звучал.

— Хорошо, я ничего не буду говорить. Отдыхайте. Я пойду.

— Подождите! Вас никогда не охватывало чувство, словно вы на корабле?

— Что?

— Мы в каюте большого парохода. Но это самая нижняя палуба, нет, это трюм. Когда-то я ехала в трюме корабля. Он двигался очень медленно, еле-еле. В трюме было очень душно. Это сводило людей с ума. Мы не знали, куда плывем, мы все с нетерпением хотели увидеть материк...

— У нас еще много дел!

— Но нам нужен компас.

— Да, компас, чтобы вел нас.

— Да, подумайте над этим. Хорошо?— Почти задыхаясь, она прислонилась к решетке и сказала хриплым шепотом:— Отец говорил мне, что мои предки пришли из Фуцзяни на парусных кораблях. У них не было машин — только крошечный компас. Но они переплыли океан и дошли до Тайваня. Я часто во сне вижу этот корабль.

— Мне тоже снится корабль. Он полон людей. И ты на нем тоже, и я. Он плывет к континенту. А я, учитель географии, везу тебя в Шанхай, в Ханьчжоу.

Она сползла вниз, и голова ее поникла. Она почти лежала на земле.

— Я тоже об этом мечтаю.— Вдруг она поднялась на колени и протянула ко мне через решетку руки.

Я взял их, и мы крепко обнялись, хотя нас и разделяла решетка. Слезы стояли у меня на глазах, но она улыбнулась и прошептала:

— Мы поедем в Пекин, в Пекин, и когда мы туда приедем, когда мы приедем в Пекин, мы будем так счастливы! Правда, мы будем счастливы?

А через семь дней она сидела на земле, поджав под себя ноги. Глаза ее были закрыты. Надзиратель, пройдя мимо нее несколько раз, заметил, что она не шевелится. Он окликнул ее, но она не ответила. Когда он дотронулся, она была уже холодная.

Она напоминала человека, который пристально вглядывается из своего окна в темную улицу, окутанную сумрачным туманом, но не может ничего разглядеть, и поэтому глаза его закрываются и ему снится восход солнца, пробуждение и расцвет жизни».

Нестарый еще, но рано поседевший человек, учитель средней школы, кончил свой рассказ. И, помолчав, очень серьезно взглянул на меня через толстые линзы очков.

Перевел с китайского
А. КЛЫШКО.

БРАТ

К. ЧЕРЕВКОВ, А. АКИМОВ

В семье Августа Трейлоба, старейшего монтажника ленинградской «Электросилы», привыкли к вечным его странствованиям и даже прозвали отца в шутку «Летучим голландцем». Вернется он из поездки, проживет неделю — две дома — и снова в путь, туда, где строятся новые электростанции, вступают в строй шахты, заводы,— словом, туда, где нужен труд монтажника, изучившего анатомию машины, все ее повадки до тонкостей.

...И вот в один из осенних дней самолет уносил Трейлоба намного дальше самой далекой советской стройки. Он держал путь в Китай.

— В самолете,— рассказывает нам монтажник,— я подумал: все-таки интересная наша профессия! Дело не в том, что многое видишь. Всюду оставляешь память о себе, о своем коллективе: то генератор, то новый цех, то завод. Эти «зарубки» оставил я в Грузии, в Казахстане, в Прибалтике, на Урале, в Сибири...

Встреча в китайской столице была сердечной. Советского друга просили задержаться в Пекине, посмотреть столицу.

— Спасибо, товарищи,— благодарил он.— Но сначала в Сиань...

Сиань удивительно напоминала новостройки Родины, хотя бы у той же горы Магнитной: те же леса и башенные краны, та же вздыбленная экскаваторами земля. Совсем родное почувствовал он в трудовых буднях Сиани. До чего похоже на ударные дни и ночи наших первых пятилеток! На строящейся станции люди сутками не отходили от машин. Растрогали Трейлоба удивительная тщательность и бережливость китайских товарищей: оборудование было в превосходном состоянии; даже каждый гвоздик, каждая полоска железа, которым были обиты ящики, подобраны, рассортированы.

Девиз Коммунистической партии Китая — строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее — советский монтажник увидел в действии. И понял, что призыв этот идет от народной души.

— За сколько времени был смонтирован в Сиани первый генератор, сейчас трудно припомнить,— говорит Август Августович.— Работа все время шла с опережением графика, образовалось «окно» — свободный промежуток времени до установки второго агрегата. Я воспользовался этим и полетел на северо-восток, в шахтерский город Фусинь: там предстоял пуск крупного турбогенератора...

Приятная неожиданность! В далекой Фусини его встретил земляк, инженер металлического завода Иван Ефимович Ефимов.

— До чего же тесен мир! — в один голос воскликнули ленинградцы.

Здесь же, в Фусини, Трейлоба ждала еще одна встреча: его заключил в объятия электросиловец — руководитель монтажного отдела завода Борис Сергеевич Жилкинский.

Потом встречи с земляками даже перестали удивлять. Сегодня он встретил Георгия Александровича Семернина, собирающего машины на реке Сунгари, завтра — Евгения Алексеевича Некрасова, работающего на электростанции в Ухани, а там — встреча в Гирине с Аркадием Федоровичем Головешкиным.

Бывали и еще встречи у ленинградцев, о которых Трейлоб не может говорить без волнения. На строящейся теплоэлектроцентрали «Дружба» сошлись монтажники четырех социалистических государств: Советского Союза, Чехословакии, ГДР и Китая. Они сообща ведут монтаж машин, носящих заводские марки всех этих стран.

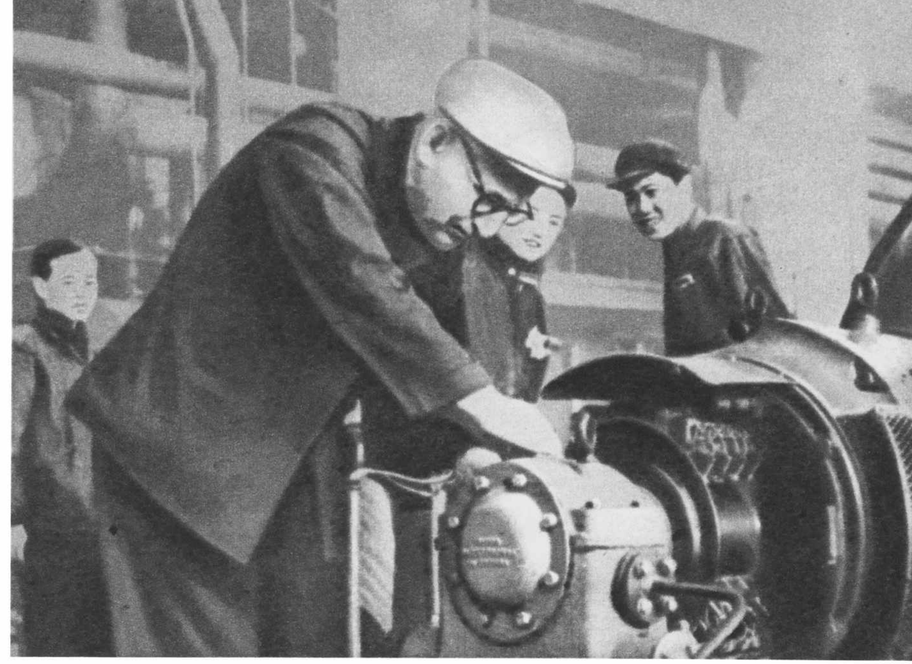
Сиань была только началом длинного рабочего маршрута Августа Трейлоба. С его участием на китайских электростанциях введены в действие шестнадцать турбогенераторов. И если собрать все красные знамена и вымпелы, которыми наградили Трейлоба, Жилкинского, Ефимова, Некрасова, Головешкина и других ленинградских монтажников в Китае, то образовался бы внушительный музей интернациональной славы и дружбы.

Август Августович с гордостью показывает нам награды, полученные им в народном Китае. При вручении одной из них, почетного знака «Дружба КНР и СССР», премьер товарищ Чжоу Энь-лай сказал:

— Этой наградой отмечается ваша бескорыстная, сердечная помощь строительству социализма в нашей стране.

...Три с половиной года провел ленинградец на земле братского Китая. Возвращаясь на родину, он задержался в Пекине: очень хотелось повидать столицу великого Китая, старину ее и сегодняшний день. Он только об одном сожалеет: не привелось побывать на Пекинской ТЭЦ.

— А надо бы! — досадует Август Августович Трейлоб.— Ведь на этой столичной станции сейчас устанавливают генератор с «Электросилы» в сто тысяч киловатт!

А. А. Трейлоб на тепловой электростанции в Тайюани.

Китайские друзья дарили на память свои фотографии.

Гирин. А. Ф. Головешкин (справа) беседует с инженером Джу Жу-ченом.

До самых западных границ

Я. ГИК Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Каменная и живая красота

Когда впервые посещаешь дом, где раньше не приходилось бывать, прежде всего знакомишься с кем-либо из пожилых хозяев, уважительно пожимая руку. Переступив порог Западной Украины, спешишь поклониться 700-летнему Львову, прикоснуться к его могучей деснице. И тут же через несколько мгновений поддаешься очарованию этого вечно юного старца, чьи каменные морщины высечены веками, чью историю можно проследить по ладоням площадей и сухожилиям улиц. Обо всем этом слыхал, читал, так примерно все и виделось. Но надо самому подняться на гору Высокого Замка, и тогда в широко открытые глаза хлынет океан света, и в этом океане с пронзительной ясностью возникнут строгие линии старинных церквей и соборов, башен, королевского арсенала, Галицкого сейма, где ныне размещен университет, силуэты каменных и бронзовых скульптур, и повсюду — зеленые ковры парков и садов, садов и парков...

В самом городе по одной стороне улицы проходишь мимо XVI века — Пороховой башни, а пересечешь мостовую — и можно запросто потереться плечом о XVII век — нынешний Дом областного архива. Вся улица Рынка заселена преданиями. Вот здесь был ратифицирован в 1686 году «вечный мир» между Россией и Польшей, там останавливался царь Петр I, на этом доме сохранился крылатый лев — герб Венеции, которая держала в большом торговом городе своего консула, а в Успенской церкви некогда было организовано объединение ремесленников и купцов, боровшихся против иноземного гнета.

Можно бродить и бродить по открытым «залам» города-музея, где давнее прошлое порой слилось с событиями нашего времени. Так, в Юрском соборе висит колокол, отлитый львовскими мастерами в 1341 году, а подвалы собора хранят память о 1921 годе, когда здесь был созван нелегальный съезд Коммунистической партии Западной Украины.

Нет нужды пользоваться машиной времени, чтобы перенестись из эпохи в эпоху. Это можно сделать и на обыкновенном трамвае, поскольку узкая его колея тянется от древнего Бернардинского монастыря до улицы Ленина, где на гранитном пьедестале водружен стальной танк — памятник воинам, павшим в боях за освобождение Львова от фашистских захватчиков. А повыше, на холме Славы, в торжественной тишине пылает неугасимый факел над могилами бессмертных героев.

Веселая детвора половодьем заливает Львов, как и все западноукраинские города и села; повсюду звучит украинская речь, ничем не сдерживаемая, никем не преследуемая. Да и кто осмелится здесь посягнуть на святое право человека пользоваться своим родным языком! Скажите Василине Цвилик, крошечной гуцулке, похожей на опушенный белыми волосиками эдельвейс, что ей в школе запретят держать в руках букварь на родном языке,— Василина вам не поверит. Здесь выросло несколько поколений, которые не могут представить себя оторванными от единокровного украинского народа. Панов и жандармов детская фантазия давно уже отнесла к тем же сказочным персонажам, что и дракон, людоед, баба-яга. А люди пожилые, припомнив ясновельможного пана или румынского помещика, оглянутся вокруг себя и невольно засмеются: была же такая нечисть, и не где-нибудь, а здесь вот, у нас...

У нас, на землях Украины! Но скользнет солнечный луч, рассеется химера прошлого, и видишь, как рядом с окаменевшей красотой минувших веков, рядом с этим мертвым великолепием струится живое тепло сегодняшней человеческой красоты.

Львовцы самозабвенно любят цветы — и город усеян чуть привядшими лепестками, облетевшими с букетов. Любят громко поговорить на улице — и гул голосов сопровождает прохожего на всем его пути. Садовые скамейки всегда заняты. В сквере на проспекте Шевченко — самая шумная и смешанная толпа. Каждый вечер — каждый! — здесь, около витрины газеты «Советский спорт», собираются на шумные ассамблеи любители спорта. Львовские футболисты пока довольствуются второй буквой алфавита, но наслушаешься местных комментаторов и убеждаешься, что это временно... Не хотелось бы огорчать спартаковцев — у них и без того много огорчений в нынешнем сезоне, — но шансы их уже взвешены, и им в свое время предстоит проиграть львовцам со счетом 0 : 2. На меньшее здесь не согласны! И для будущих боев силами молодежи строится стадион на 40 тысяч человек.

Во Львове одеваются, пожалуй, с бо́льшим вкусом, чем в иных местах, и на улицах здесь почище, и в кафе приятней посидеть. И витрины привлекательней, и сегодняшнюю московскую газету легко купить: ее развозят по улицам на колясочках.

Их множество, своеобразных штрихов львовского быта. Они как-то смягчают самую впечатляющую черту Львова, и притом совершенно новую: деловитость по горло загруженного промышленного города.

Чем занято 410-тысячное население Львова? Хотя бы главное назвать...

Под необозримыми сводами в несколько рядов выстроились автобусы — от скелета, назначение которого не сразу признаешь, до готового отправиться в путь голубого или зеленого вагона на шинах. Особенно хорош туристский автобус, в мягком салоне которого приятно просто так посидеть. Пять — шесть автобусов в день выходят из заводских ворот. А в последнем году семилетки выйдет не менее пяти тысяч.

Автобусный завод награжден в Брюсселе почетным дипломом и золотой медалью, а львовские модели обуви получили бронзовую медаль. Конечно, не все модницы найдут здесь туфли по вкусу. Но надо сказать в оправдание: пока утвердишь новый фасон каблука, каблуки стопчешь.

Фабрика обувает в день 8 тысяч человек. Мы, конечно, знали, идя сюда, что не увидим сапожников в грязных фартуках, согнувшихся над колодками, с гвоздями в зубах. Но, попав в длинный, залитый светом зал ослепительной чистоты, где по сторонам от медленно движущегося конвейера сидят юноши и девушки в незапятнанных белых халатах, как в кондитерском цехе, хочется, судя по внешнему виду, сказать: им бы пироги печи́, а не сапоги тачать...

На заводе газовой аппаратуры замыслили совместить плиту с газовым холодильником. И вот еще другая плита, которой, как вычислительной машине, можно дать задание: например, сварить суп за полчаса. И сварит без хозяйки, хотя за вкус все равно ответит хозяйка.

Велосипедный завод создал гибрид: мотовелоколяску. Можно пользоваться только педалями, можно включить мотор, а можно прицепить удобную детскую коляску и путешествовать без отрыва от ребенка.

И еще надо сходить на бывшую львовскую окраину, в просторечии Левандовку. Две тысячи новых домов образовали тут поселок Октябрьский, и, как ни хорош старый Львов, кто ищет современных удобств,— предпочтет бывшую Левандовку...

Вот каков он, нынешний Львов, и, наверно, правильно сделали мы, первым повидав его на западноукраинских землях.

Самоцвет Буковины

С большой высоты эти земли кажутся пригоршней драгоценных камней, раскиданных по берегам Прута, Днестра и неисчислимого множества рек, речек и речушек. Но и в этом буйном смешении красок привлекает взгляд ни с чем не сравнимый маленький самоцвет Буковины.

Нельзя остаться равнодушным к милым, порою трогательным обычаям этого края.

Тут сразу отличишь девушку от замужней: девушка никогда не повяжет голову платком, а замужняя постыдится выйти простоволосой. Буковинки — большие щеголихи, и в будни и в праздники ходят они в расшитых платьях, а расшивают нередко бисером. И совсем уж местное щегольство — подвернуть

Львов. Театр оперы и балета.

С этого конвейера сходит львовская обувь...

А с этого — львовские автобусы.

«Огонек».

Закарпатье. Полонина Ровная.

→ Село Великая Копаня. Вдали — фермы колхоза имени Шверника.

Черновцы. Здесь выпускают оборудование для нефтезаводов и электростанций.

Изделия резьбарей.

Рисовальщица керамического цеха косовской артели Мария Паляница.

Самодеятельный ансамбль песни и танца артелей имени Шевченко и «Гуцульщина».

Сплав леса по реке Теребле.

Мукачевский район. На проселочной дороге.

юбку с одной стороны, прикрепив ее к поясу. А там обнаруживается чистейшего белого полотна рубаха.

Полотняная рубаха, кокетливая мужская шляпа с пучком крашеного ковыля — это всего лишь второстепенные признаки, хотя и их в свое время приходилось отстаивать. В мозаичной Австро-Венгрии и под властью нахватавших чужое добро румынских бояр буковинцы оставались самими собой. Любовь к песне, к драматическому действу на родном языке, конечно, немало приносила бед в годы чужевластия. По существу, из-за этого Георгий Мигайчук, житель села Бридок, вынужден был эмигрировать в Канаду: приверженность к родной культуре делала его нежелательным гражданином, и голод гнал Мигайчука за рубежи. Не очень сытно, правда, жилось и в Канаде. «Вы не понимаете, — с убеждающей силой говорит Георгий Иванович, — что это значит: каждое утро просыпаться с мыслью, не останешься ли ты сегодня без работы. И когда я первый раз проснулся на земле Советской Буковины, сердце трепетало от счастья: мне не грозит ни один день безработицы».

Многие традиции расцвели поновому. Буковинцы всегда отзывались на нужду земляка и охотно организовывали круговую помощь, по-местному именуемую клакой: всем обществом помогали строить дом. Но теперь, когда на каждой улице насчитывается по 20 новых домов, клака превратилась в могучую силу. С песнями собирается деревенский народ, и на наших глазах сложили едва не полдома колхознику Тодору Сандулу.

Все колхозы Буковины — нынешней Черновицкой области — ровесники, все родились в каком-то едином народном порыве. Мало чем отличается от других и колхоз «Большевик», Заставновского района. Председатель колхоза Василий Николаевич Гнеп и сам это знает, даже подчеркивает: «У других будет так же». И если ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, то, по его заверению, «подождите, и другие будут».

Сначала с ним нелегко сговориться. Спросишь — он молчит. Только несколько раз поведет плечами назад, точно пиджак ему тесен, и когда уже не ждешь ответа, еще раз, особенно резким движением поправит пиджак и скажет все, что надо. И колхозники с ним так разговаривают: спросят, положенное время помолчат, а там, смотришь, и разговорились.

Василий Николаевич, в очередной раз поправив пиджак, рассказал о миллионере Василии Бзовие, здешнем кулаке, хорошо запомнившемся тем, кто постарше.

— Нет уже тут ни Бзовия, ни детей его, а миллионеры есть, — неожиданно заявляет Василий Николаевич и так же неожиданно улыбается.— Это мы с колхозом миллионеры. Вот посмотрел бы Бзовий!

Без малого 2 тысячи гектаров «Большевика» расположены на правом берегу Днестра, так близко к реке, что голопузые малыши успевают выкупаться меж двумя материнскими окриками. Кукуруза вымахала такая, что звеньевая Дарья Дудух не в силах дотянуться до верхушки. Хлеб убран и обмолочен. Повсюду царит уверенное спокойствие, и так же уверенно спокоен сам Василий Николаевич. Его излюбленное «а як же», произносимое мягко-протяжно, действует тоже успокаивающе. Но лучшее свидетельство налаженной жизни в колхозе — недавно поставленные дома, строительство Дворца культуры, два клуба, две библиотеки.

Правда, колхоз не совсем похож на тот, что изображен в новом фильме Киевской киностудии «Первый парень». Ну, там у поросят щетинка прямо-таки капроновая, и новобрачные ездят по деревне на открытой машине «ЗИЛ», и на току происходит заправский бал, на котором только что не раздается: «Кавалеры, приглашайте дам». Но Василий Николаевич нас утешил: поросят, по его мнению, отмывать добела не следует — это баловство, а непритязательный «газик» он не согласен обменять на «ЗИЛ».

Но вот что было, то было, — не в фильме, а в жизни. В дверях коровника стояли две девушки, и одна, видать, постарше, говорила другой:

— Я бы не советовала идти в филологи, нам биология больше подходит.

Это Мария Бурик, проводившая в селе университетские каникулы, беседовала с Анной Кекоть, которая собирается год — другой после школы поработать в колхозе.

И тогда мы вспомнили, что здесь, в этом колхозе, прославилась Мария Вакалюк, Герой Социалистического Труда, ныне студентка пятого курса Черновицкого университета.

Буковина, деревенская, обновленная, преображенная, хранит аромат столетий, ее легко представить в виде девушки в полотняной рубашке. Но есть в сегодняшних Черновцах и такое, что приобретено лишь в последние, советские годы. Для этого надо спуститься с холма, на котором расположен центр города, по скатывающимся улицам к промышленному району. Черновицкий пейзаж обогащен заводскими трубами, в лирический шепот реки Прута вплелся мужественный голос металла. На Урале и в Куйбышеве, получая нефтяное оборудование с черновицкой маркой, не знают, возможно, какой глубокий смысл в том, что индустриальная география включила в себя и этот западноукраинский город.

Старая трикотажная фабрика в Черновцах тоже не хочет отставать от века. Сновальная машина перематывает с бобин, похожих на изоляторы, тончайшую капроновую нить, почти неуловимую глазом, — точно в воздухе струится легкий дымок. Из этого «дымка» будут связаны женские блузки, мужские сорочки.

Нигде, кажется, так не близки город и деревня. Конец уборочных работ празднует вся Буковина. И город Черновцы посылает свой привет селу: туда выезжает ансамбль песни и танца — одно из самых талантливых и красочных творений народа. Собственно, почти все девушки и юноши едут к себе домой; здесь, в селах, они выросли, впервые были замечены в кружках самодеятельности, и теперь земляки как бы спрашивают с них отчет. Прямо на поляне кружится стоцветный хоровод. И как не сказать здесь о песне, которая сопровождала нас в путешествии повсюду, до самого последнего верстового столбика! Вот и сейчас чистые, светлые голоса взмывают к небу, и даже деревья, в такт песне потряхивая кудрявой зеленью, еле удерживаются на месте...

Долго еще звучат в ушах веселые напевы «Молодийки» и «Руженицы», долго, даже перед закрытыми глазами, продолжает кружиться буковинская карусель.

Но мы снова в пути. Мягкие краски предвечернего небосвода как-то по-особому располагают к селам Станиславской области, то и дело выглядывающим сквозь деревья, увешанные плодами.

Наедине с природой

Станиславщина стала сейчас знатна своей промышленностью, из недр пробиваются нефтяные фонтаны. В районах области молотят хлеб, убирают лен. И хлебом, и льном, и кукурузой, и садами славны все здешние места. А нас влечет к городу со скромным и малоизвестным именем — Косов, который «лишь тем и будет знаменит», что живут в нем не обычные пахари и чабаны, а люди редких профессий: резьбари, мастера керамики, вышивания, ковроделания.

Для этого пришлось свернуть с отличного шоссе. Кстати, замечено, что путешествие по самому безукоризненному асфальту неплохо перемежать, хотя бы изредка, неприхотливым мягким проселком, несмотря на его неровности и оседающую на губах пыль. А раз мы покинули гладкое, отполированное шоссе, отвлечемся чуть-чуть и от прямого шоссе повествования...

Человек, чья жизнь проходит наедине с природой, оглядывается вокруг, ища подходящих для себя занятий. Что мог делать он здесь, в предгорьях и горах Карпатских? Земледелие почти исключено. Сады неохотно карабкаются вверх. Кругом лес и лес, пасется скот. В руки просятся дерево, кожа, шерсть. Пастух берет нож (простую заостренную железку?) и строгает кусочек дерева — получаются кружки, квадратики, фигурки. Поколение сменяет поколение, совершенствуются отточенные орудия, сложнее становятся предметы, выходящие из-под человеческих рук. Резьба уже не забава, не развлечение, а ремесло и, наконец, искусство.

Находят применение и кожа и шерсть. Гуцульские костюмы, многоцветные жилеты, расшитые кусочками кожи, отороченные шерстью, — это естественный исход фантазии человека, воплощенной в тех материалах, которые были и есть у него под рукой. К тому же одежда получилась очень удобной: в холод она согревает, от жары оберегает, а в дождь выверни шерстью наружу — только чище будет.

Шел гуцул, опираясь на топорик, — он и в пути помогает и при встрече со зверем нелишний, — набрел на залежи мягкой, податливой глины. Повалял в руках — получился шарик, быть может, с впадинкой, а там и мисочка, обсохла и оказалась вполне пригодной к употреблению. То была заря керамики, а теперь это слава и гордость косовских искусников.

Здесь, в Косове, находишься у самого источника народного гения. Если устные былины и сказки сложены давным-давно и не так-то часто рождаются новые, то сказки, воплощенные в дереве, глине, коже, вытканные шерстяными нитями, изо дня в день обновляются. И этот поэтический труд повсюду сопровождается песней, и в Косове мы вновь услышали звонкие голоса, уносящиеся к небу.

В городе с одной-единственной главной улицей, утомительно тянущейся вдоль приземистых домов, столько людей, имена которых достойны быть известными в городах и весях, что хотелось бы восстановить справедливость. Сделать это в один присест, конечно, трудно. Кого назвать? Стариков — братьев Юрия и Семена Корпанюков, владеющих секретом и резьбы невысокого рельефа, и резьбы с инкрустациями, и барельефа из дуба, самого неподатливого материала? Или других братьев, помоложе, Дмитрия и Владимира Гавришей, чародеев из артели «Гуцульщина», в чьих руках дерево делается послушным, как глина? А глина едва не просвечивает, как стекло, обработанная руками Павлины Иосифовны Цвилик, и ее сестры Анны Иосифовны, и мужа сестры Михаила Ивановича Рецибюка. И как нежен рисунок, нанесенный на глину рисовальщицей Марией Паляница, точно он соткан или вышит!...

Большой знаток и любитель всех этих художественных промыслов, директор Косовского училища прикладного искусства Алексей Львович Соломченко знакомит нас с молодежью, но она может подождать со славой. Впрочем, ведь случается, что первые же двенадцать рифмованных строк публикуются в сопровождении биографии и портрета автора, хотя неизвестно, напишет ли он еще двенадцать. Так не стоит ли обозначать имена авторов на лучших деревянных, керамических, ковровых изделиях?

Яркой гуцульской вышивкой на сером дорожном фоне запомнился Косов. И снова шоссе, оно ведет к столбику, который обозначает условную границу между двумя украинскими областями — Станиславской и Закарпатской.

Край облаков и легенд

Столбик стоит на Яблоницком перевале, именуемом также Татарским. В давние времена сюда докатились татаро-монгольские орды, и некоего чужеземца, попросившего испить, женщина подвела к бочке и, когда он наклонился, окунула его в бочку да там и оставила. Это первая легенда, услышанная в Закарпатье, первая и единственная, которую мы упоминаем. Их так много, что есть риск не добраться до яви сегодняшнего дня.

Итак, позади перевал, и, пожалуй, следует как-то отметить вступление в Закарпатье, край манящее-таинственный, укутанный облаками и легендами. Природа пошла нам навстречу и перекинула меж горами приветственную арку радуги, на которой при очень хорошем зрении, вероятно, можно

Колхоз «Большевик». Дарья Дудух не в силах дотянуться до верхушки кукурузы.

было бы прочитать: «Добро пожаловать!». Впрочем, именно эти слова начертаны на другой арке, размером, правда, поменьше, утвержденной на земле перед туристской базой в поселке Ясиня.

Здесь, как и на других туристских базах Закарпатья, собираются посланцы едва ли не всех советских городов.

Да и как не стремиться сюда, к лесам, горам и рекам, где глаза купаются в мягких волнах сменяющихся красок, в ушах все время звенит песня, которую согласно тянут ручьи и птицы, а грудь вдыхает воздух, до того вкусный и настоенно-плотный, что прямо бери его в руки и, наслаждаясь, откусывай по ломтику.

Триста источников бьют здесь из-под земли, и по бутылкам с минеральной водой можно изучить едва ли не всю закарпатскую географию. Есть вода Лужанская, и есть Поляно-Квасовая, и есть Свалявская. Своими «нарзанами» и «боржомами» обзавелись даже отдельные колхозы, так что, поработав на поле, каждый может испить целебной жидкости. Люди припадают к холодным и теплым источникам, заполняют водой жбаны, графины и термосы, с тем чтобы и дома продолжать помаленьку лечиться...

К северо-западу от Ясиней, и в Рахове и в Тячеве, тянутся яблоневые шоссе — иначе не назовешь дорогу, вдоль которой по обеим сторонам на километры и километры высажены яблони. Если здесь проезжаешь в период созревания плодов, то по кузову машины весело постукивают сорвавшиеся с веток яблоки. Эти места пролегают вдоль румынской границы, и советское яблочко порой докатывается до соседей как подарок от друзей.

Здесь узнаешь, сколько, оказывается, тонов имеет один и тот же цвет. Вон зеленый луг, но еще зеленее листва выбежавших на луг деревцев, и уж совсем зелены покатые склоны, но и эти краски не идут в сравнение с высвеченной солнцем неправдоподобно густой зеленью Верховины.

Иначе воспринимаешь в Закарпатье и небо. Не надо закидывать голову, чтобы разгадать, куда направляются облака и где лезвие солнца разрезает плотную тучевую хмарь. С облаками здесь накоротке: их топчут ногами, их вместе с травой поедают овцы. И мы видели, и готовы торжественно свидетельствовать это, как на рассвете тучка золотая нехотя оторвалась от груди утеса-великана...

Четыре пятых Закарпатской области составляют горы, и вся она изрезана реками. Реки сопровождают вас повсюду — Тересва и Рика, Боржава и Бодрог. Несут они изобильную свою дань царице-реке Тиссе. В летние месяцы иные реки можно перейти вброд, но в период таяния снегов и при больших дождях их не узнаешь: там, где солнце припекало не прикрытые водой камни, образуются шумные и буйные потоки.

Ранней весной созревает здесь черешня, потом вишня, потом... И до самой зимы люди собирают плоды. Южные склоны карпатских предгорий оплетены виноградными лозами, и не перечислить всех сортов винограда, как и всех сортов закарпатских вин, а среди них особенной прелестью отличаются натуральные, в которых заключен аромат земли и солнца, вскормивших и вспоивших виноградники.

Все здесь настраивает на романтический лад, а населенные гуцулами закарпатские села окончательно полонят сердце. Ничто не может сравниться с красотой гуцульского наряда, открытые и смуглые лица ясноглазых девушек и парней сразу же располагают к этому небольшому народу, отстоявшему своеобычие от всех чужеземцев и донесшему его нетронутым до нынешних светлых дней.

Далекие братья стали близкими

В каждом гуцульском селе на центральной площади, чаще всего около чайной (заметьте, не около церкви), к вечеру еще издали можно увидеть ярчайшее пятно, постепенно приобретающее форму полукруга. Молодежь в праздничных одеждах перебрасывается шутками, что-то оживленно обсуждает, и едва ли не каждая фраза сопровождается смехом. Если б не боязнь показаться навязчивыми, вряд ли мы так скоро оторвались бы от разглядывания девичьих платьев — запасок, двух соединенных передников с разрезами по бокам, или изумительной гаммы расшитых безрукавок, или кожаных сапожек, или широких, с тремя — четырьмя бляхами поясов, или, наконец, шляп с задорно торчащими перьями. Погуляв, молодежь упрячет свои кептари — жилеты, постолы — сапожки, вышиванки — рубашки, а с утра все займутся обычными делами: Василий Копанский станет к локомобилю, Юрий Эрстенюк и брат его Петр придут на смену в Раховский леспромхоз, а Николай Грапенюк отправится в лес, где его ждет электропила.

От Тячева можно двигаться по отличному ковру торжественно-гладкого шоссе, но можно поступить иначе — как бы вспороть изнутри областные дороги: в менее избалованных проезжими людьми местах сердечнее разговаривают, и особенно радостно привечает детвора. Даже собаки деревенские, редко общаясь с машинной цивилизацией, охотно сопровождают вас, каждая на своем участке, развеивая таким образом свою собачью скуку.

Нет нужды длинно и о многом говорить, чтобы усвоить: люди Закарпатья последние полтора десятилетия живут светло и безбедно.

Опершись на топорик лесоруба, стоит молодой человек, Николай Грапенюк; улыбаясь, оглядывает он весь этот чудесно-красочный мир вокруг себя, и ничто не омрачает ни сегодняшнего его дня, ни завтрашнего. Хозяин своей земли, он счастлив тем, что исполнились слова Дмитрия Вакарова — народного закарпатского поэта из Хуста, которого венгерские фашисты казнили в Будапеште:

Ждем мы с Востока
Волю и свет.
Братьям далеким
Шлем мы привет!

Далекие братья стали близкими. С их помощью за короткий срок — всего 15 лет — так много совершено, что это не может не вызвать благодарности тех, кто населяет горы и долины Закарпатья. И вот один из примеров свершенного — чудо в Хустском районе, выше села Нижний Быстрый, на реках Теребле и Рике.

Текли эти реки в одном направлении, одна повыше, в горах, другая пониже, а воды их встречались только в Тиссе. Но три года назад преградили путь Теребле плотиной, разлучили с привычным руслом, заставили течь по тоннелю почти в 4 километра, проложенному в горном хребте Бочарский Верх. Затем непокорный, рожденный в горах поток уж совсем непочтительно спустили по трубе к зданию ГЭС, а отсюда прямехонько в Рику. Насильно обвенчали эти реки, и теперь они в обнимку текут к Тиссе. И все же Тересвя может гордиться, что перед плотиной она из узкого ручья превратилась в огромное озеро.

Теперь самая крупная в Карпатах гидростанция, соединившая в себе имена обоих родителей — Теребле-Рикская, — питает своим током электрическую железную дорогу на горном участке Мукачево — Лавочное. И эта дорога здесь, где не так давно впервые увидали электролампочку, могла бы сойти за второе чудо, если бы подобные чудеса не были делом рук самих лесорубов и плотогонов.

Романтика рек и лесов

Из Хуста в Межгорье, а отсюда на озеро Синевир. Круто взбирается вверх дорога, а рядом навстречу низвергается речной поток. Это происходит только в день лесосплава, обычно вода еле укрывает каменное дно. Наверху плотина удерживает влагу в большом хранилище, и когда ее достаточно, открывают затвор и спускают воду вниз. Горный поток, низвергаясь по камням, с легкостью несет на себе плоты, или, как их здесь называют, бокоры. Они управляются опытной рукой отважных людей. Рождаются новые профессии, люди овладевают новой техникой, но плотогоны — бокораши — и поныне овеяны романтикой отваги. Когда по реке идет лес, к берегам стекается все население, старые и молодые одеваются попраздничному, громко поздравляют смельчаков, а те, стоя на плотах в ярких костюмах, милостиво принимают приветствия, сознавая себя героями дня.

Из лесу доносится протяжная песня электропилы, и падают к ногам гигантские буки, ели, сосны, цепляет их трактор и тащит до железной дороги или сплав-

ного пункта. Машинист — не плотогон, он одет буднично, никто его не приветствует, но и тут нужна верная рука, чтобы по узкой колее работяга-паровозик, пыхтя и отдуваясь, дотащил до места толстенные связки бревен. Паровозик старается вовсю, дымит за десятерых, и можно предположить, что это его трубы формируют облака, укрывающие верхушки деревьев.

Лесосплав, лесозаготовки... Но озеро Синевир не знает всех этих треволнений. Оно лежит на высоте 989 метров в небольшой, но глубокой чаше, окаймленной зеленью, чем-то напоминая глаз, который смотрит в небо. Его и называют морским оком. Когда поднимаешься к нему по крутой дороге, всегда оказываешься неподготовленным: внезапно расступаются деревья, и, точно от Байдарских ворот, открывается блещущее на солнце водное зеркало. Правда, поменьше Черного моря...

В горах, на Дусинском лесопункте, рубит лес бригада Федора Семеновича Цанько, депутата Верховного Совета СССР. Передвижная электростанция, совершенная лебедка, автокран, электропилы, грузовики — вот что такое нынешняя бригада лесорубов.

— Как было? Когда? Ах, при «тех»! Чего же равнять! Берешь поперечную пилу и идешь в лес. Попилишь, ляжешь на землю, поспишь и опять за то же. Отец побывал в Америке, оттуда только что не пешком пришел. Говорил, та же бедность.

Федор Семенович сейчас переселяется в Сваляву, в свой дом. Он в 45 лет учится, заочно, в Хустском лесотехникуме.

Но с бригадой Цанько познакомиться не удалось: Федор Семенович по примеру Гагановой перешел в другую, отстающую бригаду.

— А как с вашим заработком?

Махнул рукой:

— Трошки потерял. Так ведь ненадолго!

Вот куда дотянулось хорошее дело — до закарпатских гор!

Лес возят на платформах, на машинах, его сплавляют. А в Чинадеево доставляют необычным образом: по воздуху. Восемь километров тянется канатная дорога, соединяя горную эстакаду с комбинатом. Бревна пересекают крутые склоны, проплывают над глубокими ущельями, пастбищами, над поселками.

И вот они доставлены по воздуху в док. Док сугубо сухопутный, судов здесь не увидишь, — так называется деревообрабатывающий комбинат. Таких несколько в Закарпатье, где лесные дары разделывают, где ели и буки превращаются в мебельные заготовки, паркет, колесные ободья и даже каблуки. Да, на чинадеевских каблуках ходит свыше трех миллионов человек каждый год.

В Сваляве на наших глазах «редактировали» елку, прибывшую на лесопромышленный комбинат с нетронутой корой, со своим ароматом и даже, казалось, птичьим гомоном, недавно еще раздававшимся вокруг нее. Процесс «редактирования» примерно тот же, что порой наблюдаешь в какой-нибудь редакции, только пилорамщик Карел Голингер делает это быстрей и радикальней. И с одним преимуществом: елка продолжает приятно пахнуть, даже превратившись в бревно.

Дерево с детских лет представляешь себе одушевленным. И всегда жаль, когда видишь, как расправляются с его живым телом. Примирить может только одно: если оно превращается в красивую вещь. Это стараются делать на фабриках в Мукачеве, Ужгороде, в хустской артели «Воля». Тончайшие листы ореховой фанеры, которая облицует шкафы, диваны, телевизорные столики, пленяют своим неповторимым рисунком, созданным искусницей-природой. Долгая полировка должна выявить эти рисунки, чтобы из-под глянца выглядывал тот неповторимый узор, который делает привлекательной закарпатскую мебель.

Прямые и обходные дороги приводят нас в Мукачево — город, оставивший неизгладимый след в истории Закарпатья. Сорок лет назад, в дни венгерской революции, в Мукачеве была установлена Советская власть, но и после того как восторжествовала реакция, революционное движение здесь не ослабевало.

И вот мы стоим перед зданием кинотеатра «Перемога», на века занесенным в золотую книгу побед украинского народа: в ноябре 1944 года здесь делегаты Народных комитетов единогласно постановили просить Верховный Совет СССР принять Закарпатье в состав Советской Украины.

Близится 15-летие того памятного события. Вся область и ее столица Ужгород отметят этот праздник. Тщательно прибранный и умытый, затейливо вымощенный древний Ужгород достойно представит на этом празднике свою область. С недавних пор каменная грудь его украсилась университетским значком. Свой университет. Многие ли области могут похвалиться этим! А в ряду с этим правофланговым культуры — свыше 800 школ, 14 техникумов и училищ, театры, музеи, настоящее половодье художественной самодеятельности.

Подлетая к Ужгороду, мы одним глазом посмотрели Чехословакию: самолет, разворачиваясь перед посадкой на аэродром, вынужден захватить кусок дружественного неба, принадлежащего нашим соседям. А в области мы услыхали, помимо украинской и русской речи, и венгерскую, и чешскую, и словацкую, и румынскую. На реке Латорице смешение языков вопреки несостоятельной легенде никак не мешает строительству. Все отлично понимают друг друга, совместно принявшись укреплять берега этой реки, во время разливов приносившей немало бедствий людям разных национальностей.

В помолодевшем Ужгороде не трудно найти, конечно, и следы старого. Это прежде всего архитектура, которая с годами не теряет своего обаяния; это невиданные в других местах винные подвалы — они прорублены на десятки и десятки метров в земле, и низкие каменные своды делают их похожими на пещеры; это платаны, четыре столетия взирающие на жизнь у своих подножий. Кстати, один из платанов едва не погиб в неравной схватке с современными танцами: плясуны так старательно утаптывали вокруг него землю, что забили все ее поры, и корням нечем стало дышать. Пришлось устроить ограду, чтобы любители фокстрота не действовали на нервы старомодному платану.

Карпатские полонины

По всему Закарпатью, до самых западных границ, мы встречали пахарей, виноградарей, но больше всего животноводов. Да и где разводить скот, как не здесь, на необозримых пастбищах! А карпатские полонины — высокогорные луга, где в летние месяцы могут пастись десятки тысяч голов, и пастух не увидит пастуха!

Мы заканчиваем путешествие на полонине Ровной. Дорога идет каруселью, возвращаясь как будто к одному и тому же месту, только чуть повыше. Есть участки серпантина, похожие на свернувшуюся змею, и шофер шутит: как бы не заехать в задок своей машины!

У опушки леса разместились кошары колхозов «Дружба», «Верховина». В случае непогоды скот скликается в лес, где легче уберечься от стихии.

Но сегодня ясное, ничем не угрожающее небо, и чабаны разбрелись со своими подопечными кто куда. Повсюду холодные ключи, озерца, пруды, ручьи. Вон пасет коров старший чабан Илья Заяц; длинный и не очень складный, он идет как-то косо, с наклоном влево, точно и здесь, на ровном месте, поднимается в гору. А другое стадо погоняет Василий Шекула. С такой нежностью говорит он о полонине, что сразу видать, не нужда гонит его в горы, а просто не может он лето провести внизу.

— Первым пришел сюда, двадцатого мая, и, вот вам слово, последним уйду.

На полонине Ровной расположилась научная база Ужгородского университета. Мы и раньше слыхали об этой базе, правда, не столько о базе, сколько о ее телевизоре. Аппарат обычный, но прямая видимость с Будапештской телевизионной башни позволяет смотреть на экране венгерские передачи. В ясную погоду острый глаз чабана разглядывает горы Чехословакии, и здесь говорят, что полонина раскланивается с чешскими Татрами.

...Вот и закончено путешествие. Ночь. Близко-близко над нами последний клочок украинского неба, мы ощущаем себя почти небожителями. Эх, сесть бы, как Вакула, верхом на черта, пролететь под самым месяцем — не забыть бы наклониться немного, чтобы не зацепить его шапкой, — и унестись к истокам нашего путешествия!

Но черта под руками нет. А на рассвете совершается чудо, глядючи на которое и сам франт с хвостом обомлел бы: над головой застрекотал вертолет, присел чуть не рядом с кошарой, и чабаны, которых ничем уже теперь не удивишь, долго машут руками на прощание.

И в легком серебристом тумане нам привиделся весь путь по земле украинской, от восточных ее до западных границ. По той земле, что волнует сердца всех, кто хоть раз побывал здесь, по земле, воспетой великим Шевченко, посвятившим ей самые сокровенные, самые душевные свои строки. Он знал, он верил:

Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет...
Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украины!

Сейчас, когда путешествие пришло к концу, хочется, чтобы каждый читатель проникся такой же благодарной любовью к этим несказанной красоты краям, к их городам и селам, к их долинам и горам, к их песням, ко всей этой стране с песенным именем: Украина.

Свалявский леспромкомбинат.

УКРОТИТЕЛИ

Сын шофера Чжана — годовалый Фу Лун.

Всеволод **ОВЧИННИКОВ**

Фото автора.

Дракон в древних представлениях китайцев олицетворял водную стихию. Борьба человека против слепой, необузданной силы этого чудища проходит через всю историю китайской цивилизации. Только новый, социалистический общественный строй изменил наконец соотношение сил в этом извечном единоборстве.

Четыре года назад мне довелось присутствовать на заседании Всекитайского собрания народных представителей, когда оно приняло перспективный план обуздания реки Хуанхэ, прозванной в народных сказаниях горем Китая. Этот исторический день ознаменовал собой переход в планомерное и решительное наступление на природу.

В первой очереди работ, предусмотренных планом, главное место занимает строительство гидроузла в ущелье Саньмынься. Бетонная плотина почти 100-метровой высоты заставит Хуанхэ вращать лопасти турбогенераторов общей мощностью более миллиона киловатт, а главное — избавит от угрозы наводнений восемьдесят миллионов человек, проживающих в низовьях Хуанхэ.

Место будущего гидроузла я впервые увидел зимой 1956 года, еще за несколько месяцев до начала строительства. Слово «Саньмынься» означает «Ущелье трех ворот». Скалистые острова делят тут Хуанхэ на три протока: Ворота чертей, Ворота духов и Ворота людей. С левобережной скалы ущелье выглядело огромной пастью с черными зубами. Не такой ли рисовало народное воображение пасть дракона, способного разом проглотить или извергнуть целую реку?

Два года спустя я снова приехал в Саньмынься. Меньше часа езды по новому шоссе, вьющемуся вдоль оврагов,— и знакомая панорама раскрылась передо мной. Знакомая ли? В прошлый раз Ущелье трех ворот еще сохраняло свой девственный облик. Легкие пешеходные мостики, подвешенные над протоками, несколько буровых вышек да палатки на берегу мало в чем меняли тогда главное — суровость диких скал, вздымающихся над водами Хуанхэ.

А теперь? Где нависший над Воротами чертей камень Львиная голова? Где скала Сучжуантай, торчавшая высоким столбом немного ниже ущелья? Их нет. Да и остальные островки, эти потемневшие от времени мшистые утесы, словно съежились, стали меньше.

Ложе реки было уже разгорожено надвое бетонной стеной — продольной перемычкой. У левого берега, на месте прежних Ворот людей, вырос гребень водосливной плотины — путь, оставленный для вод Хуанхэ на то время, пока у правого берега будет возводиться плотина и здание ГЭС. В ноябре 1958 года подошла очередь ответственного этапа строительства — перекрытия русла, то есть Ворот духов и Ворот чертей.

Осень, как назло, выдалась тогда на редкость дождливая. Ветер хлестал людей по лицам мокрыми полами дождевиков. Труд под дождем, когда круглые сутки нет возможности обсушиться, назойливая грязь — это, конечно, тяготило строителей. Но думали они о другом: каждая дождевая капля — подкрепление для противника, она умножает силы Хуанхэ.

Река несла через Саньмынься вдвое больше воды, чем обычно в осенние месяцы. Но медлить с перекрытием русла больше нельзя было: это означало отодвинуть на целый год весь график строительства.

13 ноября участники перекрытия собрались на митинг. Большой нетопленный зал клуба быстро согревался дыханием сотен людей, от промокшей одежды валил пар.

Казалось, на скамьях не остается уже ни одного свободного местечка, а по скользкому от грязи проходу все шли и шли делегации. Они несли фанерные щиты с обязательствами своих бригад, этими щитами скоро оказалась заставленной вся сцена.

Ораторы были немногословны. Их речи походили на клятвы.

— Кто наш противник? Хуанхэ, которую народ издавна зовет рекой горя. Сколько столетий мечтали наши предки о том, чтобы укротить ее! Поклянемся же не отступать, и злобный дракон навсегда будет скован цепью. Поклянемся нынче же перекрыть русло. Тогда жизнью станет и наш встречный план: «Годом раньше избавить низовье от угрозы наводнений; на полгода быстрее дать ток; за год до срока завершить все строительство».

Работать на перекрытии русла выбрали сто тридцать лучших шоферов. Именно выбрали, словно делегатов на какой-нибудь съезд, жарко споря о каждой кандидатуре.

Парторг автоколонны часто повторял старинную пословицу: «Учат войско тысячу дней, а используют один час». Тренировка людей, подготовка машин действительно поглощали все время.

Шофер 25-тонного самосвала Чжан Чжижун по целым суткам не появлялся в общежитии, иногда даже ночевал в дежурке автобазы. Совсем недавно Чжан вернулся из Кореи (воевал там добровольцем) и с наслаждением вживался в привычный крестьянский быт. Неожиданно пришла повестка из уездного народного комитета. Там Чжану рассказали о стройке в Ущелье трех ворот: туда требовались шоферы.

Услышав, что Чжан дал согласие, жена принялась сокрушаться:

— Четыре года пробыл на войне. Не знала, вернешься ли живым. И опять одной оставаться!

Из всего того, что муж с жаром рассказывал о гидроузле, она поняла только одно: не надо будет больше бояться Хуанхэ, сокрушающей дамбы. Этого было достаточно, чтобы потом даже в письмах жена никогда не сетовала на отсутствие Чжана.

Глазами восьмидесяти миллионов своих земляков — жителей низовьев Хуанхэ — смотрел на строптивую реку и шофер Чжан Чжижун. Он с наслаждением чувствовал, как содрогается его самосвал, когда очередная бетонная пирамида с грохотом катится в ревущую воду.

В дни перекрытия русла у людей исчезло всякое представление о времени. Ночная тьма не могла пробиться к ущелью сквозь лучи бесчисленных прожекторов. Вереница машин ни на минуту не прекращала своего движения. Посменно отдыхали только люди.

Как только Чжан садился за баранку своего самосвала, все постороннее переставало для него существовать. Он видел только регулировщиков. Надо было молниеносно повиноваться взмахам их флажков, иначе банкет превратился бы в беспорядочную сутолоку машин.

На рассвете 25 ноября 1958 года последняя пирамида, сброшенная Чжаном, замкнула проран между банкетом и скалой противоположного берега. Ворота духов были перекрыты меньше чем за восемь суток!

От волнения и восторга голова шла кругом. Чжан не заметил, как очутился в своем общежитии. Скинул ватник, присел за стол. Впервые не нужно было никуда торопиться. Он выдвинул ящик стола и достал письмо от жены. Родился ребенок, и она спрашивала, как его назвать. Имя ребенку! Что же написать жене?..

А если?.. Да, так и назвать: Фу Лун — Укротитель драконов! Пусть сын всегда помнит о том, что произошло в ту осень, когда он родился на свет.

После перекрытия русла внимание строителей перекинулось на правобережный котлован. Он пришелся как раз там, где прежде три струи рассеченной скалами Хуанхэ снова сливались в одну. Окрестные жители называли это место «Котел кипящего масла». Так у буддистов именуется один из ужасов ада, пояс-

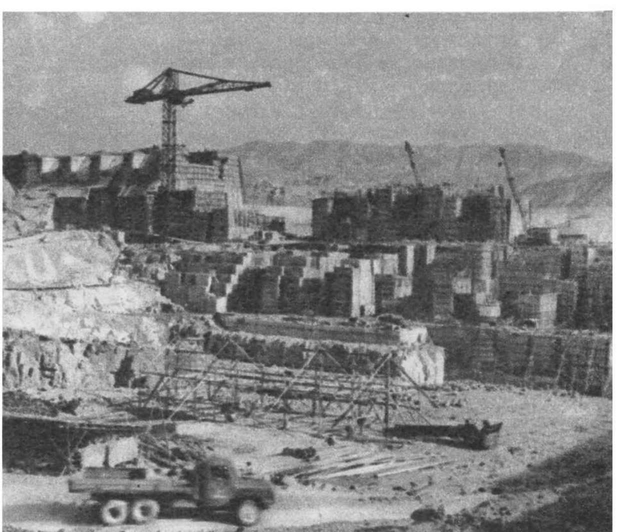
Так выглядели Ворота духов — зимой 1956 года.

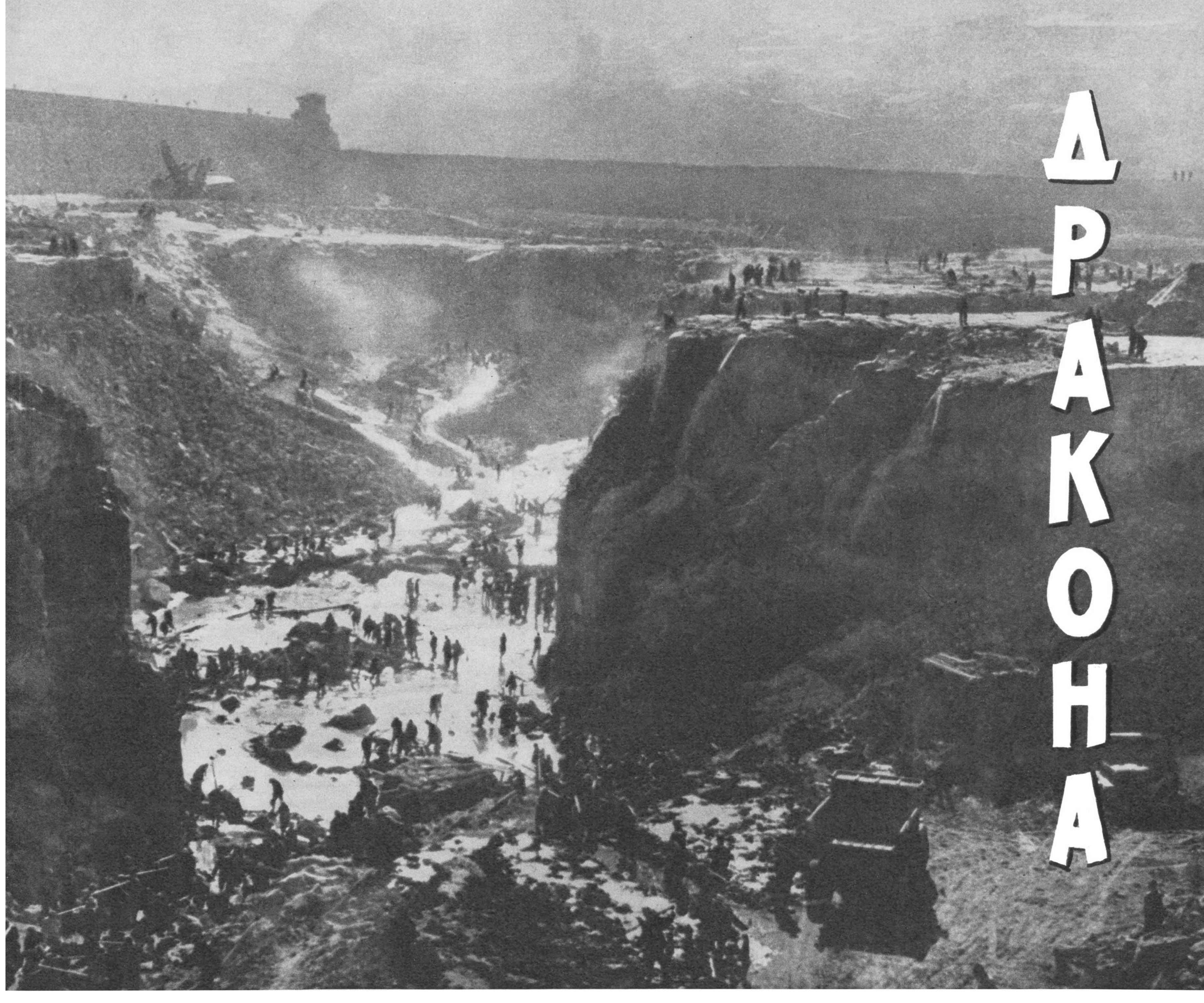

Осенью 1958 года, в канун перекрытия русла.

Летом 1959 года, в разгар бетонирования плотины.

ДРАКОНА

Работы идут в подводном Дворце дракона.

нили мои спутники. Стоило тут человеку упасть в воду,— словно веревками скручивали и обессиливали его свирепо сплетающиеся струи.

Когда замкнули низовую перемычку, поверхность «котла» впервые за тысячелетия стала спокойной. Вода быстро отстаивалась. Котлован выглядел неглубоким: его лессовое дно проступило в виде чуть вогнутой чаши. Мощные насосы принялись откачивать воду, и тут на второй же день начались чудеса. Оказалось, что на месте «Котла кипящего масла» под водой было скрыто еще одно Саньмынься, со своими скалами и ущельями, с еще более головокружительными кручами.

По мере того, как обнажались края подводного каньона, глазам людей открывалось зрелище незабываемое. Каменные стены зеленовато-серого цвета, который в народном воображении связывается с драконом, были отполированы рекой до зеркального блеска. Даже каждая неровность, каждый выступ или углубление своими сглаженными контурами являли неизъяснимую красоту. Это было какое-то неведомое искусство подводного мира.

Лунвангун — Дворец дракона — так, не сговариваясь, сразу же окрестили рабочие подводный каньон. В редкой бригаде не нашлось поэта, который бы не посвятил ему стихотворение в очередной стенгазете.

Но полный суровой поэзии Дворец дракона дорого обошелся строителям. Мало того, что подводный каньон имел глубину до двадцати четырех метров. На дне его к тому же лежал десятиметровый слой лесса. Как извлечь его?

Ни экскаваторы, ни самосвалы не могли опуститься в глубокий лабиринт Дворца. Пришлось применить «тактику человеческого моря». Сотни людей днем и ночью вручную вычерпывали желтую гущу и корзинами таскали ее наверх.

Когда выемка лесса уже подходила к концу, в каньон проложили дорогу. Первым по крутому спуску прошел на своих гусеницах экскаватор, следом двинулись мощные трехосные грузовики. Шофер Чжан Чжи-жун работал теперь здесь, на выемке котлована. Как-то посмотреть каньон пришла и его жена, приехавшая из деревни вместе с малышом. Чжан рассказывал о перекрытии русла, о том, как яростно отбивалась Хуанхэ, показал несколько валявшихся на дне ущелья бетонных пирамид — их снесло упрямым течением реки.

Маленький Фу Лун при этом только таращил глазенки да пускал пузыри. Пройдет еще немало времени, прежде чем он сможет сознательно выслушать рассказ о подводном драконовом дворце, из которого его отец выгнал хозяина.

...Летом 1959 года я в третий раз приехал в Саньмынься. Стройка выросла в самом буквальном смысле этого слова: как бы поднялся ее горизонт.

Помнится, когда к Хуанхэ впервые подошла железнодорожная ветка, мы, закинув головы, смотрели на поезд, двигавшийся где-то высоко, за краем ущелья. Трудно было представить себе, что примерно на том же уровне пройдет когда-то гребень бетонной плотины.

А сейчас? Словно кварталы сказочного города будущего, возвышаются ярус за ярусом гигантские кубы бетонных блоков. Плотина поднимается почти вровень с берегами. Силуэты башенных кранов еще более усиливают ее сходство со строящимся городом.

Я спускаюсь вниз, глажу рукой блестящий, отполированный камень, над которым возвышается плотина. Не будь этот камень так тверд, подводный каньон не был бы столь причудлив. Не будь Хуанхэ так упорна, не проточить бы ей в скале столь глубокую щель. Дворец дракона — это порождение напряженнейшей борьбы двух сил, продолжавшейся многие тысячелетия. А человек? Он превзошел твердостью эти скалы, упорством — грозную Хуанхэ.

Вечером я сижу в бараке у шофера Чжан Чжи-жуна, держу на коленях маленького Фу Луна — Укротителя драконов — и думаю: нет, имя этого малыша будет не только напоминанием о том, что произошло в дни, когда он впервые увидел свет солнца. Ведь его поколению предстоит сделать то, чему положила начало стройка в Саньмынься: изменить русла китайских рек, навсегда надеть прочную узду на пасть дракона. Некогда гроза тружеников, дракон сам попадет тогда в положение раба. Это будет единственный вид эксплуатации, который сохранится в социалистическом Китае.

Товарищ Мао Цзэ-дун беседует с крестьянами Пограничного района.

НЕ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ, ЯНЬАНЬ!

Р. КАРМЕН

В октябре 1938 года с аэродрома Алма-Аты взлетел самолет, основным грузом которого были киноаппаратура и ящики с кинопленкой. Самолет, набрав высоту, лег курсом на восток.

Так началось мое путешествие в Китай, где я провел целый год, запечатлевая на кинопленке неповторимые события национально-освободительной борьбы китайского народа с японскими империалистами.

Много тысяч километров проехал я тогда по Китаю на автомобиле, на попутных военных грузовиках, верхом, много прошагал пешком по горным тропам в японских тылах в провинции Шэньси, много тысяч метров пленки снял я в Китае. Но самой заветной целью моего путешествия был город Яньань — легендарный город, цитадель китайских коммунистов, центр Пограничного особого района Китая. В Яньани находился боевой штаб сражающегося китайского народа — Центральный Комитет Коммунистической партии Китая.

В мае 1939 года, преодолев большие расстояния, я предъявил свои документы солдату 8-й армии, стоявшему в карауле у городских ворот Яньани. Лицо солдата светилось искренней радостью, когда он, возвращая мне документ, козырнул и крепко пожал руку первому увиденному им советскому человеку.

Почти месяц провел я в Яньани, в этом городе, который стал символом объединения нации, борющейся за свободу и независимость. Я жадно запечатлевал на пленку жизнь Яньани, снимал удивительные университеты и академии в горных пещерах, снимал многих простых героев, в которых уже виделся облик будущего нового Китая.

В горной пещере находилось и жилище товарища Мао Цзэ-дуна. Я снимал товарища Мао. Он рассказывал о путях борьбы, которыми Коммунистическая партия Китая ведет народ к окончательной победе над полчищами японских империалистов и антинародной чанкайшистской кликой.

Двадцать лет прошло с тех пор.

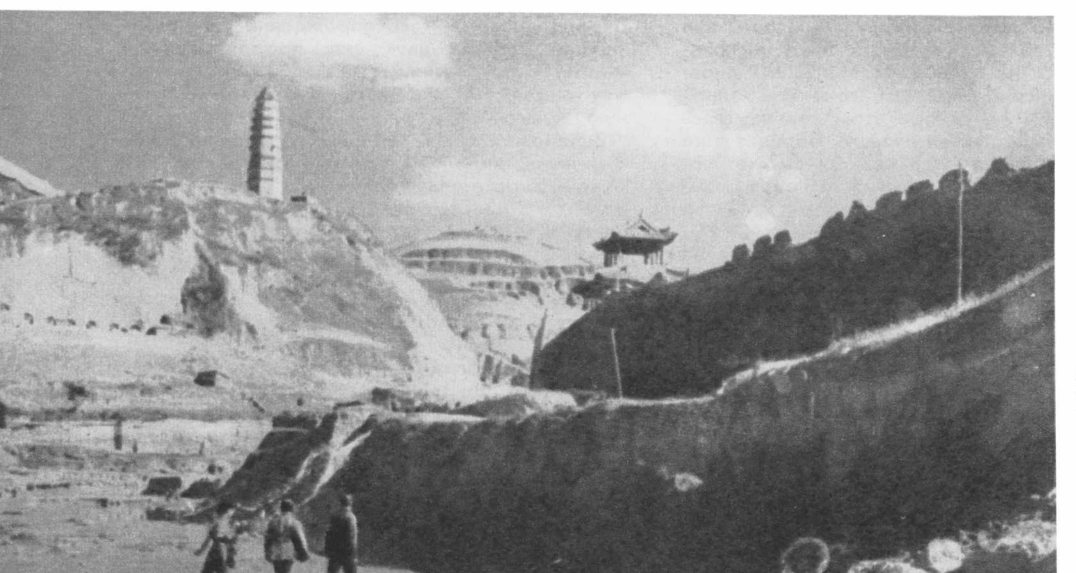
Руководимый закаленной в боях партией коммунистов, китайский народ одержал победу в своей борьбе. Но никогда не померкнет в истории этого великого народа облик Яньани — маленького города провинции Шэньси, расположенного у подножия горы, увенчанной древней пагодой.

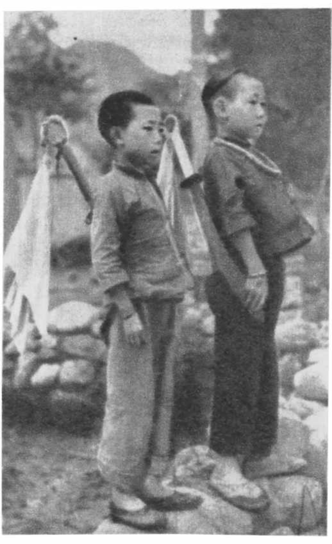
Никогда не забыть тебя, Яньань!

Академия китайской Красной армии в те годы была реорганизована в Антияпонский военно-политический институт. Так занимались будущие полководцы революционного Китая.

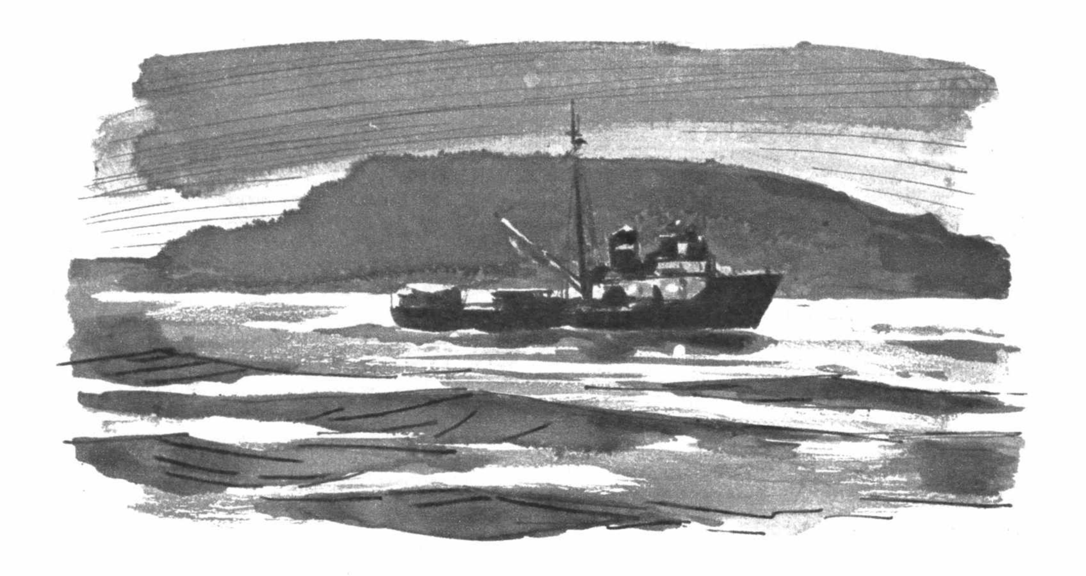
Слушатели Антияпонского института направляются на сельскохозяйственные работы

Это Яньань двадцать лет назад.

Вооруженные трофейными самурайскими мечами, ребята несли сторожевую службу на дороге.

МИНА

Рассказ

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Океан обрел свой обычный цвет: темный, тяжелый. Только у кормы во время движения траулера океан всегда был одним и тем же: пузырчато-белым в глубине и синим, как аквамарин, на самой поверхности.

Лыгин любил подолгу глядеть, как толща воды размалывалась винтом, превращаясь из тяжелой в легкую, пенную, похожую на газированный смородиновый напиток.

Сейчас траулер стоял на якоре около маленького каменистого островка, казавшегося безлюдным. Последние пять дней погода была великолепной для лова. По утрам показывалось солнце — маленькое и рыхлое, словно вываренная свекла. Небо сразу же делалось розовым, предвечерним.

Лыгин связался с базой и узнал, что здесь, около островка, пройдет «Смоленск», который сможет принять богатый двухнедельный улов траулера. Лыгин привел свое судно на два дня раньше срока, чтобы дать людям отоспаться. Рыбаки уснули сразу же, как только услыхали лязганье якорной цепи. Траулер словно вымер; Лыгин и штурман Лева стали на вахту, подменив рыбаков, работавших последние дни сверх всяких сил.

Капитан долго бродил по палубе. Потом, остановившись на корме, он засмотрелся вдаль, туда, где серое небо растворялось в океане.

Почему-то именно сейчас, когда траулер спал, ему вспомнились последние дни, проведенные вместе с Мариной. Это было всего два года тому назад.

— Спасибо, Лыгин,— сказала Марина, когда он передал ей ключи от маленькой бревенчатой дачи.

Потолок в ней был похож на украинское сало: розовые доски чередовались с молочно-белыми. Лыгин ждал, что Марина обрадуется. Но женщина вошла в дом так, словно он был у нее давным-давно и уже успел порядком надоесть.

— Очень здорово! — сказала она, осмотрев две комнаты и кухню с круглым окном.—Только жаль, что нет камина. Это экономно и в то же время красиво.

— Я оставлю денег,— ответил Лыгин, пожав острыми плечами,— ты вызовешь печника, и он сложит камин.

— Спасибо тебе,— повторила Марина,— я так и сделаю.

Через несколько дней Лыгин уходил в плавание. Как всегда, на три месяца. Марина не смогла прийти в порт: к ней на кафедру прилетел Стахов, доцент из Ленинграда. Марине поручили встретить его и устроить в гостинице.

С Лыгиным Марина попрощалась у себя в институте, где она ассистировала по ботанике леса. Лыгин поцеловал ее узкую ладонь.

— Почаще думай обо мне,— сказала женщина,— и все будет хорошо...

Лыгин увидал в ее серых глазах грусть.

— Что с тобой? — спросил он.— Я просто не узнаю тебя.

Марина вдруг приблизилась к нему и попросила:

— Возьми отпуск, Лыгин. Я совсем разучилась ждать. Это очень трудно — ждать пять лет подряд...

Он не ответил. В коридоре института пронзительно зазвенел звонок. Из аудиторий выбежали студенты. Девушки внимательно разглядывали Лыгина, одетого, как всегда, с подчеркнутой тщательностью. Марина улыбнулась.

— Я поехала,— сказала она,— а то неловко: человек будет ждать на аэродроме.

— Может быть, человек подождет?

— Нет, неловко, пойми сам.

— Я понимаю.

Когда студенты разошлись на занятия, Лыгин обнял Марину.

— Не надо целовать в глаза,— попросила она,— это к расставанию.

— Я не верю в приметы...

— А я верю. Не провожай меня, не надо.

И хотя Марина уехала на аэродром, Лыгин до самого отхода на рейд стоял на мостике, подняв воротник своего короткого желтого пальто. Он смотрел на причал и видел, как один за другим подходили рыбаки со своими подругами. Женщины плакали. Город мигал сонными глазами огней. Протяжно ревели пароходы, утонувшие в белом тумане. Рыбья чешуя блестела на деревянных стенах складов мертвым, нафталиновым блеском...

...А потом, из письма Марины, Лыгин узнал, что доцент Стахов, приехавший в Мурманск выращивать сосны, жил у него на даче. Марину Лыгин больше не видел. Он успокоился только через год. Но вот уже третий рейс подряд с ним ходит хорошая девушка, радистка Женя. Она любит его.

«Она любит меня, а я седой. Когда ушла Марина, я думал, что меня вообще больше нет. Есть место, где когда-то был костер. И вот это выгоревшее до золы место — я сам. А сейчас? Что со мной сейчас?»

Лыгин замотал головой, потому что в мозгу сразу же родилось короткое слово: «люблю». Оно было радостным, это слово. Но Лыгину не хотелось радости. Ему хотелось сейчас только одного: стоять на корме у флагштока и смотреть на воду, которая давно уже из белой, пузырчатой превратилась в угрожающе-темную.

Подул ветер. Он рвался с северо-востока, поднимая стеклянную зыбь.

«Шторм идет,— решил капитан,— перегружать будет трудно, черт возьми...»

Лыгин повернулся, чтобы уйти к себе в каюту. Он уже почти подошел к двери, но почему-то вспомнил, как сегодня содрали краску на корме. Лыгин вернулся к поручням и заглянул за борт.

То, что он увидел, было дико и страшно. Там, метрах в десяти от траулера, смешно покачиваясь, словно сытая утка, в воде сидела мина, ощерившись свинцовыми рожками взрывателей.

Лыгин почувствовал, как у него задрожало левое веко. Он даже толком не успел осмыслить увиденное. Он понял только, что при следующем порыве ветра мина стукнется о корабль.

Бежать за людьми? Кричать?

Лыгин сорвал с себя пиджак и бросился в воду, смешно растопырив длинные ноги...

Вода сначала обожгла только ладони рук и подбородок. Потом, когда Лыгин широко развел руки и ноги, он перестал уходить в зеленую глубину и почувствовал ожог всего тела. Вынырнув, Лыгин судорожно глотнул воздух и вытянул руки. Ладони ощутили скользкий рогатый холод мины.

«Я удачно прыгнул,— подумал капитан,— вполне можно было разбить голову о мину».

Постепенно металл стал казаться ему теплее воды. Пальцы скользили по мягким зеленым водорослям. На ощупь водоросли были похожи на мокрую замшу, которой полируют стекла автомашин. Лыгин обернулся. Борт траулера был метрах в пяти от него.

— Э-эй! — крикнул капитан, но сразу же захлебнулся: его накрыла быстрая волна. Лыгин долго откашливался, закрывал пальцами левой руки нос, а когда наконец отдышался, мина была почти у самого траулера.

«Что они там, сволочи, не слышат, что ли!» — зло подумал капитан. Вдруг усмехнулся, потому что понял: «Не на кого сердиться. Я сам велел людям отсыпаться, их сейчас не разбудишь пушкой. И потом — ветер...»

Ветер высвистывал свою атаманскую песню. Волны росли, налетая друг на друга. С каждой минутой ветер крепчал все больше, рвал с быстрых, резких волн белые шапки, гневался и торопился.

Лыгин снова оглянулся. Борт был теперь в метре от него, а волна снова поднимала мину, чтобы швырнуть в траулер. Лыгин что есть силы заработал ногами. Вода вспенилась буруном. Капитан уперся ладонями в рожки и начал толкать мину. В воде она казалась не такой тяжелой. Если бы не было ветра, Лыгин оттолкнул бы ее метров на двадцать, а уж потом стал бы кричать. Но волны, шедшие непрерывно, цепями, как солдаты в наступлении, то и дело приподнимали мину, как бы приноравливаясь швырнуть ее в корабль.

Капитан думал лихорадочно быстро, но в то же время отчужденно, безразлично. Безразличие стало входить в него исподволь, вместе с холодом.

«Сволочь рогатая,— думал Лыгин,— ну, отплыви же! Ну, давай, я помогу тебе. Отплыви!»

Мина прижимала его к кораблю.

«Кричать нельзя. Захлебнусь, отпущу руки— ударит, взорвет. А люди спят».

Лыгин снова попытался оттолкнуть мину. Нет. Ничего не вышло. Она будто прилипла к судну. Отчаявшись, капитан сбросил ботинки и прижался пятками к траулеру. Так он замер, упершись ладонями в мину, а пятками — в ребристый холодный борт. Волны росли, ноги отчаянно устали, ладони сделались бесчувственными и такими же скользкими, как и сами водоросли.

«Чертовщина какая-то,— устало подумал Лыгин,— сплю я, что ли?»

Нет. Он не спал. Он чувствовал, как холод сковывал тело.

«Чертовщина, сон! — снова подумал капитан.— А если не сон, значит, конец. Говорят, жизнь не терпит нелепостей. Ерунда. Терпит. И сволочей терпит и нелепости терпит...»

Женя собрала со стола бумаги, выключила приемники и, потянувшись, зевнула. Дверь в радиорубку была приоткрыта. Старпом Игнатьич, проходивший в штурманскую, увидел девушку. Он остановился.

— Можно? — спросил он, постучавшись в косяк.

— Пожалуйста,— ответила девушка и одернула джемпер.—Садитесь, товарищ старпом.

Игнатьич по-бычьи склонил голову и сказал:

— Выходите за меня замуж.

Женя улыбнулась и покачала головой.

— Я не выйду за вас замуж, Игнатьич.

— Выйдете.

— Нет. Не выйду.

— Почему?

— Потому что не люблю вас.

Игнатьич с шумом выдохнул и, скривив лицо, спросил:

— Значит, лучше быть любовницей, чем законной женой?

Девушка рассмеялась, высоко запрокинув голову. Это было неожиданно, и старпом нахмурился.

— Почему же любовница?—все еще смеясь, спросила Женя.— Как вам не совестно говорить мне так, Игнатьич? И потом,— помолчав, сказала она,— любить — это совсем не значит быть любовницей.

Старпом отвернулся к иллюминатору и глухо сказал:

— Простите. Но, по мне, можно быть либо любовницей, либо законной женой. Третьего не существует.

Женя снова рассмеялась.

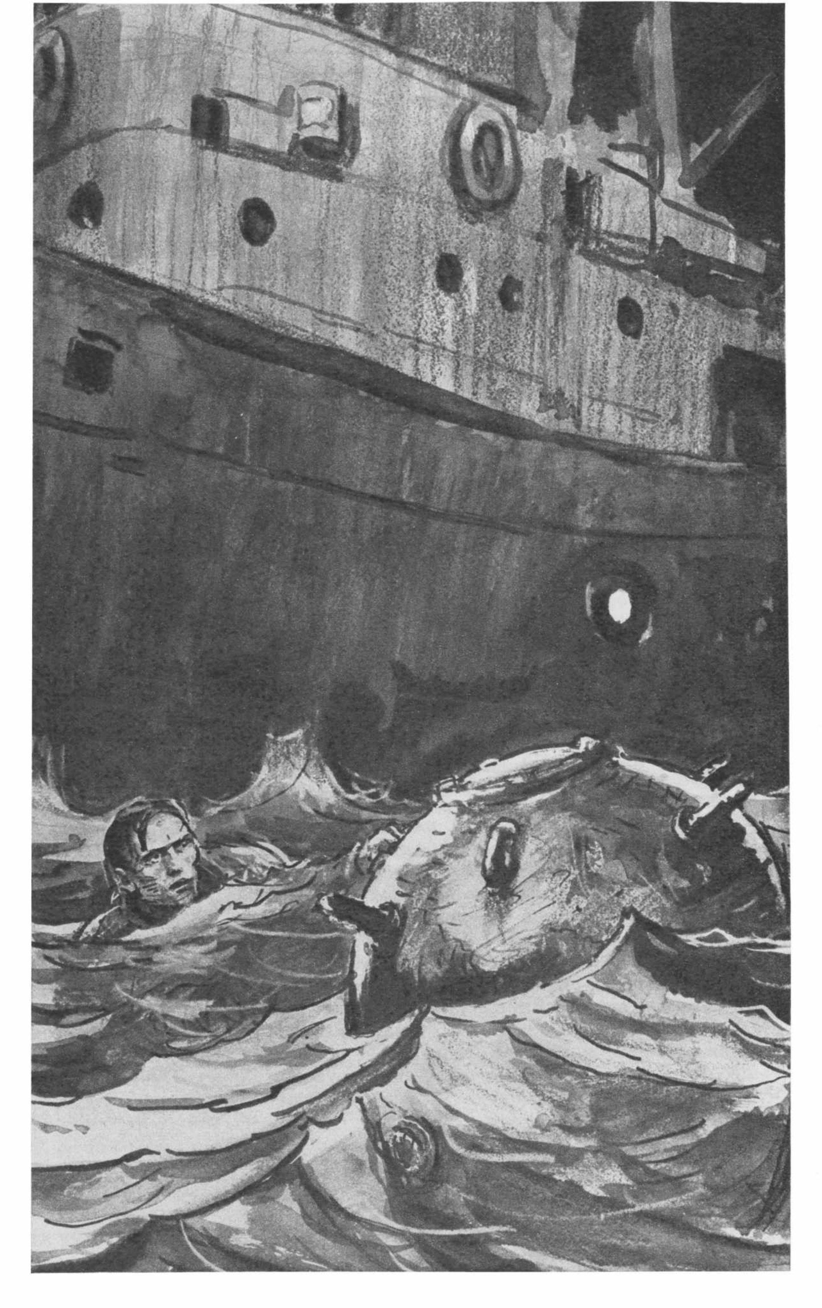
— Третье существует, Игнатьич. Но я очень не люблю, когда говорят: «законная жена». Если жена,— значит, законная. Если два человека любят, — не беспокойтесь за их нравственность. Ханжество — вот что такое безнравственность.

— А вы уверены, что Лыгин вас любит? — упершись глазами в выпуклый лоб девушки, спросил старпом. — Вы действительно уверены в том, что он вас по-настоящему любит?

Женя вдруг замолчала и как-то вся съежилась.

Игнатьич рывком поднялся, нахлобучил на глаза фуражку с непомерно огромным желтым крабом и, хлопнув дверью, тяжело вышел из радиорубки. Так же сердито он распахнул дверь на мостик, а оттуда — на палубу.

Игнатьич посмотрел по сторонам, вздохнул и решил идти к себе. Но тут взгляд его упал на капитанский пиджак, валявшийся на корме. Скорее по инерции, чем осознанно, Игнатьич бросился к поручням, перегнулся, увидал капитана, перевалился и полетел вниз, на помощь.

— Бонна сьейра! — хрипло приветствовал его Лыгин.

Игнатьич, широко загребая, подплыл к нему. Лицо капитана было совсем белым, а ладони — голубыми, как у покойника.

Старпом обхватил Лыгина правой рукой за плечи, а левой уперся в мину.

— Не так,— разлепив синие губы, сказал Лыгин,— не так, дружок. Я продержусь еще. А вы орите...

— Как свежий дурак с мороза? — сердито спросил Игнатьич.

Он понял свою ошибку: он понял, что перед тем, как прыгать, надо было объявить тревогу.

— Точно, с мороза,— повторил он еще раз.

— С палубы,— негромко отозвался капитан и улыбнулся.— Ничего, выкарабкаемся.

Снова налетела волна, и капитан захлебнулся. Откашливался он долго, синея.

Игнатьич отплыл в сторону и заорал:

— Вахта! Вахта! Вахта!

Он кричал непрерывно, зло, срывая голос. Он захлебывался, но кричать не переставал. Он то и дело убирал со щек белые свои волосы, кричал и следил за капитаном, который по-прежнему синел и пытался беззаботно улыбаться...

— Сказки Шехерезады, что ли, разучивают? — протерев глаза, спросил матрос Чернов, разбуженный криками Игнатьича.

— Почему сказки? — зевнув, спросил его сосед по каюте Гулия.— И если сказки, то почему Шехерезады?

— Про тахту что-то много говорят...

— Какую тахту? — испугался Гулия.

— А ты слушай.

Иллюминатор в каюте был приоткрыт. Гулия стал слушать

— Ахта, тах-та, вах!..— доносили порывы ветра.

— Точно, Шехерезада,—рассмеялся Гулия.— Кто бы это мог, а?

Чернов улыбнулся, откинул одеяло, хотел что-то ответить, но вдруг замер, поняв, что кричали не где-нибудь, а за бортом. Он ужом выскользнул из постели и, как был в трусах, бросился в салон, размахивая длинными плетями рук.

— Человек за бортом! — орал он.— Тревога! Тревога!

Когда выбрали якорь и запустили машины, началось самое трудное. Лыгин и старпом почувствовали, как их тянет вслед за кораблем. Они упирались ногами в белый борт, они отталкивались что есть силы, но все напрасно: их по-прежнему неудержимо тянуло вслед за кораблем. Прижатые миной, они были беспомощны.

— Не отцепимся,— сказал Лыгин.

Упершись пятками как можно выше, Игнатьич снова постарался оттолкнуть мину. Лыгин помогал ему, но чувствовал, что мышцы стали совсем мягкими, чужими.

Штурман Лева, отдававший на траулере приказания, поминутно подбегал к поручням и кричал в рупор:

— Ну как?!

Снизу ничего не отвечали.

— Ну как?! — не унимался Лева.— Спустить шлюпку?!

Игнатьич задрал голову, ощерился и заорал что-то такое, что понять было невозможно. Ясно было только одно: шлюпку спускать нельзя.

Лыгин чувствовал, как немеет все тело. Он понимал лучше остальных, что единственное спасение — шлюпка, но спустить ее сейчас невозможно. Сначала надо спасти корабль, людей, а потом уже можно думать о судьбе двух, оказавшихся за бортом. Лыгин понимал это так же ясно, как и то, что минуты через две — три он неминуемо пойдет ко дну.

Как Лева ни маневрировал, людей и мину по-прежнему тащило за траулером. Весь белый, штурман орал в переговорную трубу осипшим голосом. Вдруг он услышал на палубе топот босых ног и крик.

— Что? — похолодев, шепотом спросил Лева самого себя.— Что такое?

Никто не ответил.

Лева завертел головой, замычал и выскочил на палубу. Пробился к поручням.

Рядом с Лыгиным и старпомом он увидел Чернова, Гулию и еще пятерых рыбаков. Двое поддерживали Лыгина, а остальные вместе с Игнатьичем отталкивали мину. Она вертелась в воде, словно поплавок гигантской удочки. Полоска, отделявшая ее от траулера, все увеличивалась и увеличивалась.

— Шлюпку спускать! — закричал Лева петушиным голосом.— Скорей, товарищи! Скорей!

Лыгин поднял голову и, зажмурившись, посмотрел на корабль. Он увидел Женю. Она стояла на корме, в одной кофточке, бледная, большеглазая, прижав к груди маленькие свои кулачки. Лыгин смотрел на нее до тех пор, пока не подошла шлюпка. Он смотрел на нее и думал: «Люблю. Ужасно люблю этого маленького человечка...»

Когда шлюпку с людьми подняли на траулер, Лыгин почувствовал, как в голове у него тонко-тонко зазвенело. Все тело сделалось легким. Лыгину стало жарко: горячая волна шла от висков к груди.

— Женя,— позвал Лыгин.

Девушка по-прежнему держала белые кулачки на груди.

Капитан смешно пошевелил носом и сказал:

— Пожалуйста, свяжитесь с берегом. Пусть приедут минеры и расстреляют эту рогатую гадину.

— Хорошо, капитан,— ответила девушка.

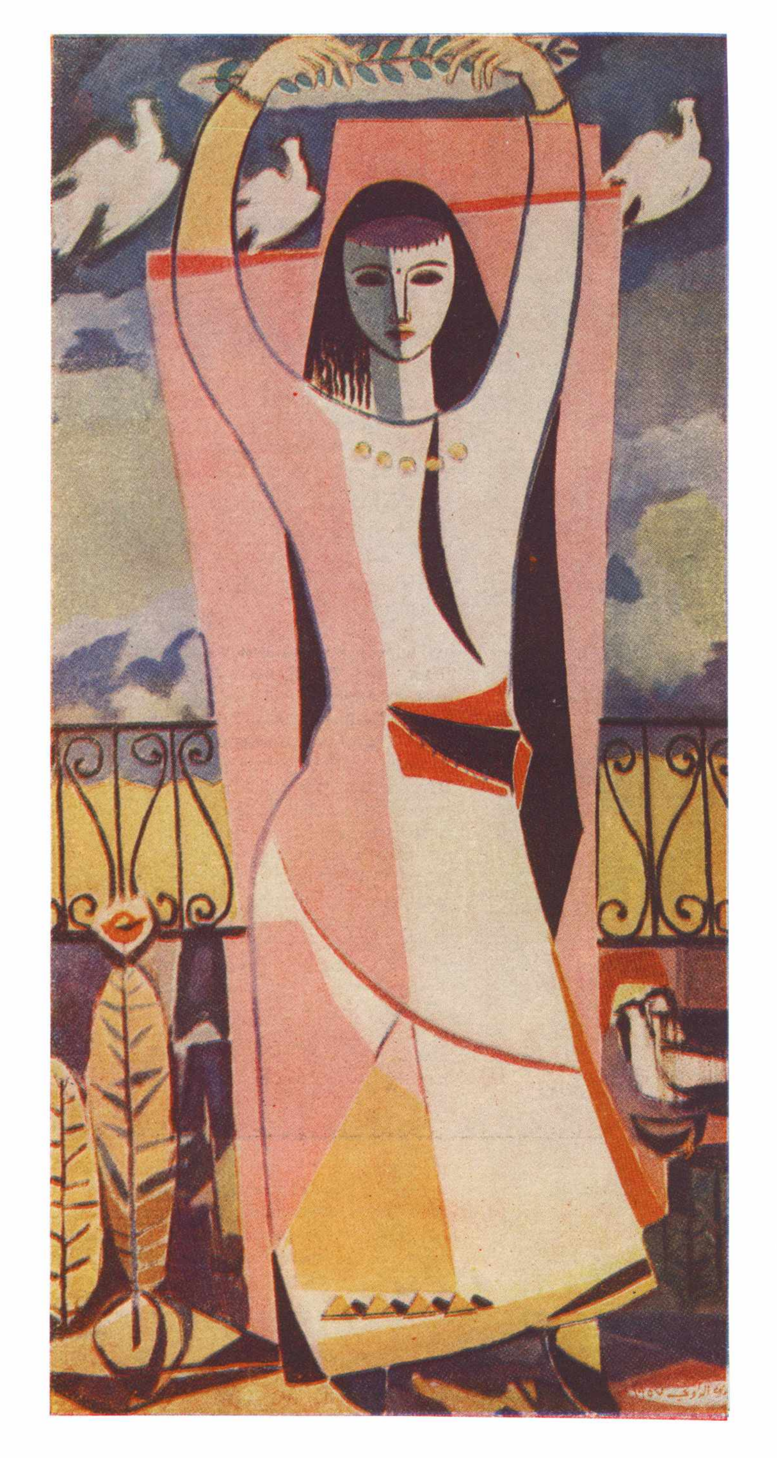
Лыгин почувствовал себя еще более легким. Он широко раскрыл глаза, вдохнул полной грудью соленый воздух и провалился в теплую, блаженную ночь беспамятства...

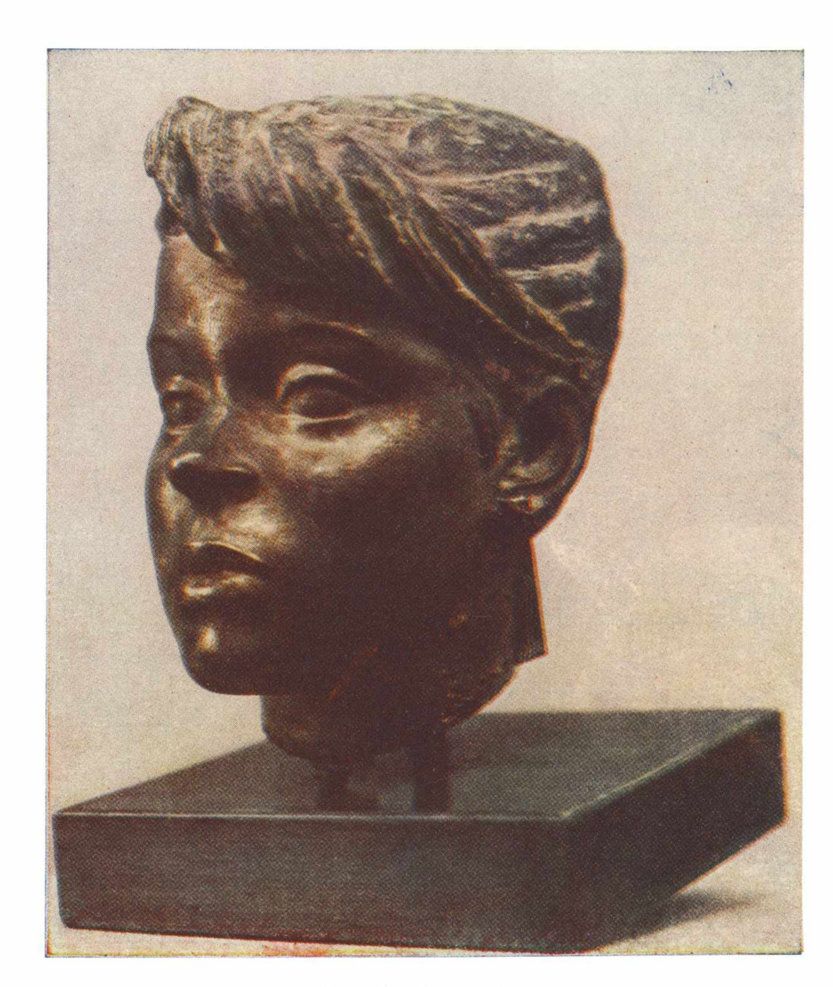
Халид Хамди. СТЕНА МИРА.

ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ИРАКА (Государственный музей восточных культур).

Халид аль-Джадир. ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

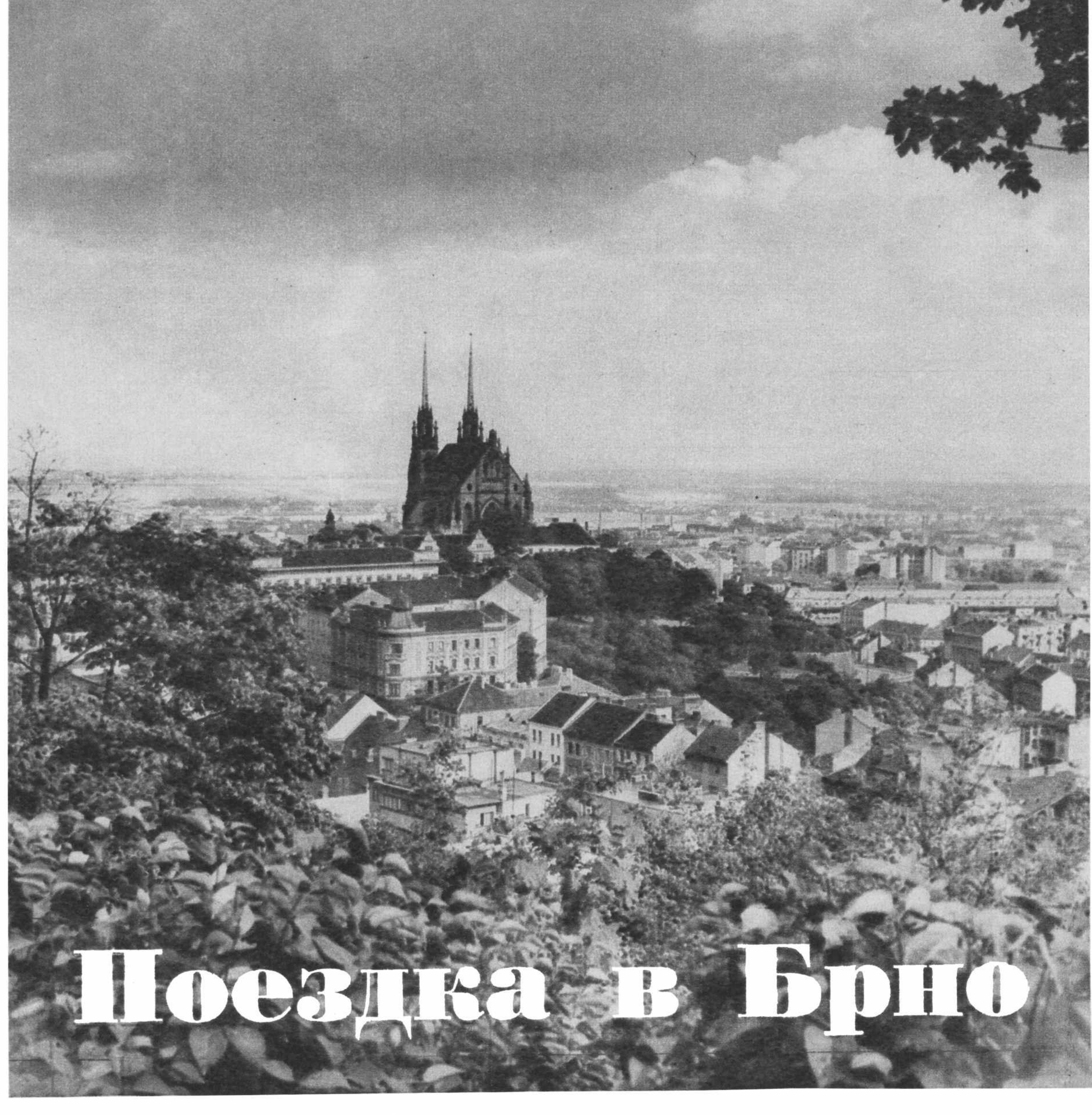
Халид ар-Рахал. ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ. Бронза.

Нури Раун. ПРИЗЫВ К СЧАСТЬЮ.

Фарадж Аббо ан-Нуман. СЕНЕЖСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Поездка в Брно

Ник. КРУЖКОВ

Фото корреспондента чехословацкого журнала «Květy» Р. Витека.

Да, вот это суровое здание, взгромоздившееся на высокий холм, господствующий над всей окрестностью, и есть тот самый замок Шпильберг, о котором несколько раз упоминает Стендаль в своем «Пармском монастыре» и куда он, несомненно, угодил бы сам, если б не увернулся вовремя, подобно своему герою Фабрицио, от австрийских жандармов. Мрачное поистине окаянное сооружение: круглые угрюмые башни, толстые стены, не пробиваемые никакими ядрами, бесконечные казематы, лишенные света, — в них долгими годами томились чешские и словацкие борцы за свободу, польские патриоты, итальянские карбонарии, венгерские повстанцы. Габсбурги старались держать в страхе и трепете своих разноплеменных подданных — Шпильберг был страшилищем для всех, обитавших в пределах владений Апостолических величеств.

Немецкие фашисты, разумеется, не могли оставить без внимания столь ценное для своей политики сооружение: они модернизировали его и наполнили новыми узниками; в казематах Шпильберга день и ночь работала фашистская мясорубка гестапо. А сейчас это всего только музей, куда тысячами идут экскурсанты, и у подножия замка шумит большой и веселый город Брно, полный света и зелени, город, в котором так причудливо перемешалось старое и новое, жители которого — жизнерадостный, умный, дельный, добрый, радушный народ — взирают на замок как на тень сгинувшего проклятия. Здесь умеют беречь старину: смотри и знай, как боролись и страдали твои отцы, деды и прадеды, и радуйся новой жизни, она далась нелегко!

Почему-то в Брно не так уж часто попадали приезжие, — казалось, лежит он вне больших дорог. Красавица Злата Прага притягивала к себе всех, как магнит, а между тем это второй по величине город Чехословакии, главный город Моравии, крупный промышленный центр. Не случайно именно здесь обосновалась первая международная ярмарка машиностроения: Брно и есть столица чехословацкого машиностроения, город-труженик, который производит станки, машины, тракторы, промышленное оборудование. В разные концы света отправляются отсюда тракторы «Зетор», краны и фермы мостов, нефтеперегонная аппаратура. Шестерня — заводская марка Краловопольского завода — стала эмблемой ярмарки, и это вполне понятно, ибо брненцы не могли не поставить значительное количество экспонатов на ярмарку, расположенную под сенью родного своего города. А рядом находится дочерний городок Бланско, и именно там соорудили гигантскую поворотно-лопастную турбину, которая имела большой успех на Брюссельской выставке.

Нам было заранее известно, что на ярмарке будет представлена промышленная продукция тридцать одной страны, что мы там увидим новейшие станки и машины, что там будет много деловых людей, приехавших покупать и продавать, и опасались, что у нас, грешным делом, попросту говоря, не хватит знаний и опыта, чтобы разобраться в этом техническом богатстве. Но перед нашими глазами предстали не только машины в своем техническом совершенстве, но и возникло зрелище глубоко эстетическое — художник пришел на помощь инженерам и строителям.

Представьте себе ровное поле, окаймленное кудрявыми горами, дышащими свежим ветром. Красивый город лег рядом, сияющий нежными красками. Поле это как бы самой природой подготовлено для того, чтобы развернуть на нем живописную, яркую картину. На нем стоят здания из бетона и металла — легкие, воздушные, светлые, днем полные солнца, а вечером — электрических огней. Ничего тяжеловесного, грузного, все сделано изящно и просто. Как будто и труда никакого не составляло возвести эти гигантские павильоны, наполненные разнообразными машинами. И вместе с тем все это сделано основательно и прочно, на долгие годы, ибо нынешняя ярмарка первая, но далеко не последняя, она будет проходить каждый год.

Человек, далекий от техники, я никогда ранее не представлял, что и сама машина, если к ней подойти не только с технических, но и с эстетических позиций, может быть прекрасна. Вот так и сделано в Брно: каждый экспонат, умело поставленный, подсвеченный солнцем, одетый в яркие краски, пленяет и восхищает. Мы знаем, что чехи — великие мастера экспозиции. На Чехословацкой выставке стекла, имеющей столь шумный успех, простое стеклянное ожерелье, как бы небрежно брошенное на кусок дубовой коры, производит впечатление драгоценности. На ярмарке в Брно автомобиль или горизонтально-расточный станок, турбина или манометр, обезвоживающее сито или буровой гарнитур радует глаз, подобно произведению искусства. Протяженность всех павильонов ярмарки — 64 километра. Мы были в Брно всего только два дня и если бы честно попытались осмотреть все предложенные для обозрения экспонаты, то к концу второго дня упали бы, как подкошенные. Но и то, что мы успели увидеть, поразило нас.

Это был прежде всего парад силы и мощи социалистического лагеря. Это была яркая демонстрация огромного интереса, проявленного фирмами капиталистических стран к промышленной продукции стран социалистических. Это было также проявление готовности торговать друг с другом для блага людей: здесь явственно ощущался дух международного сотрудничества. Посетивший ярмарку заместитель министра торговли Великобритании М. Кемпбелл заявил, что брненская ярмарка будет значительно содействовать углублению международной торговли и, в частности, торговли между Чехословакией и Великобританией. «Я не преувеличиваю, — заявил он, — когда сравниваю ваш брненский успех с успехом, которого вы достигли на Брюссельской выставке. Я не ожидал ничего столь грандиозного и красивого». Директор экспортного отдела фирмы Симменс — Шуккерт Кински сказал: «С архитектонической точки зрения террито-

На улицах Брно в дни ярмарки.

Пешком ярмарку не обойдешь.

От мала до велика...

В павильоне СССР.

рия выставки спроектирована прекрасно. Качество чехословацких машин отличное. Чехословацкое машиностроение сделало большой шаг вперед». Представитель аргентинской торговой палаты Бернандо Хернисер сообщил: «Первая международная ярмарка в Брно явилась для меня окном как в очень совершенную промышленность в Чехословакии, так и в другие страны».

Каждый день на ярмарке заключались торговые сделки. В Грецию были проданы чехословацкие легковые автомобили, в Болгарию — мотоциклы, в Иорданию — тракторы, в ГДР — холодильники, в Гвинею — тракторы, автомобили, строительные машины...

Так и должно быть, огромное количество торговых сделок не удивило нас.

Что действительно произвело на всех нас, советских журналистов, огромное впечатление — это необычайное многолюдство на ярмарке. За две недели ярмарку посетило около двух миллионов человек. Миллионный билет был выдан 13 сентября — как раз на середине ярмарки. Сотни автобусов ежедневно, особенно по воскресеньям, привозили сюда туристов со всех концов страны. Диву приходилось даваться, как гигантские «Шкоды» и «Татры» разъезжались на узких и крутых улицах Брно; несметные толпы людей атаковывали входы на ярмарку. А ведь ярмарка-то техническая! В чем же дело? А в том, что Чехословакия прежде всего страна рабочих, техников, инженеров. Здесь любят технику, понимают и ценят ее красоту и силу. У какого-нибудь токарно-винторезного станка собирается народ, которому палец в рот не клади: он знает любые тонкости и готов щупать все руками. Впрочем, приехало сюда немало и крестьян, в том числе из дальних уголков Словакии, их главным образом пленяли сельскохозяйственные машины. Мы видели пожилых крестьянок в бесчисленных юбках, надетых одна на другую, с большим вниманием рассматривавших универсальный комбайн, предназначенный для уборки всех видов зеленого и сухого корма. Их послали кооперативы подивиться на ярмарку, а заодно приглядеться, нельзя ли купить что-либо полезное для крестьянского дела.

Особым успехом пользовался у посетителей советский павильон: гигантские «МАЗы», автомобили «Чайка» и «ЗИЛ-111», мотоциклы, автоматические металлорежущие станки, телевизоры неизменно находились в плотном кольце зрителей. Среди тысяч записей в книге посетителей советского павильона, полных восторженных возгласов, нас порадовала надпись, пересекшая всю страницу: «Привет гражданам Советского Союза». Всем без различия! И это хорошо и правильно, ибо в отличных экспонатах советской промышленности — труд нашего народа, идущего неостановимо вперед.

Китайский павильон привлекал большое количество зрителей ультразвуковым сверлильным станком, точным металлорежущим станком для часовой промышленности — он весит 5,5 килограмма, отличной радиолой, портативными приемниками. Особенно нравился посетителям универсальный сверлильный инструмент для зубных врачей. Китайская бормашина делает 10 тысяч оборотов в минуту, и пациенты не чувствуют никакой боли. Вероятно, многие посетители искренне завидовали китайцам, рассматривая этот экспонат.

Председатель Совета Министров Чехословакии Вильям Широкий в своей речи выразил чувства собравшихся: «С Китайской Народной Республикой должны сейчас считаться все страны мира с развитой промышленностью. Это ясно доказывает выставка в павильоне Китайской Народной Республики».

Нельзя было также не порадоваться успеху болгарского павильона на машиностроительной ярмарке. Давно ли Болгария была сугубо сельскохозяйственной страной?! А теперь мы видели в Брно в соревновании с изделиями старых индустриальных стран болгарские мотоциклы, полуавтоматические токарные станки, электродвигатели, трансформаторы.

...Вечером вся ярмарка сверкала огнями. С высокой башни, поднявшей свой купол над территорией ярмарки, была видна величественная панорама, полная народа и света. Ярмарка гудела многолюдством, являя собой зрелище сильное и запоминающееся. Улицы Брно, в свою очередь, шумели бесконечными толпами, трамваи и автобусы шли заполненные до отказа, бесчисленным велосипедистам негде было протолкнуться, транспаранты с рекламами и огненные круги висели над улицами, приодевшимися в честь ярмарки. Но не только ярмарка занимала в этот день умы жителей Брно. На устах у всех было вновь родившееся слово «лунник»: советская ракета донесла до поверхности Луны свой груз и оставила там штандарт великой Страны Советов. И луна, разлившая свой свет над городом, сияла особенно ярко, словно была именинницей, и, казалось, лукаво подмигивала людям, как бы говоря: «Я ваша». А у замка Шпильберг под сенью густых деревьев целовались парочки, которые имеют свойство вести себя совершенно одинаково под всеми широтами.

Любопытство человеческое безмерно. Всего только три дня было в нашем распоряжении, ярмарка заняла из них два, а хотелось увидеть все, что только лежало и развертывалось перед глазами. Конечно же, побывали мы на полях Аустерлица, где более полутораста лет назад проливалась и русская кровь в битве с врагом, грозным и неумолимым, и где теперь только надпись, запечатленная в бронзе, напоминает об отшумевшей битве: «Во блаженном успении вечный покой». Побывали на Мацохинской горе, где дремлют в тиши созданные природой бесконечные сталактитовые пещеры, где течет подземная река — можно назвать ее Стиксом, хоть и называется она Пунквой. Конечно, не миновали мы Златой Праги, с ее невыразимыми красотами, историческими памятниками, веселыми пражанами. И хоть накоротке, на ходу, из окна автомобиля и окна вагона, увидели прекрасную дружественную страну, где хорошо живет и работает честный трудовой народ.

Мы проезжали города, в каждом из них дымились деятельно трубы заводов и фабрик; мы проезжали села, которые по своему благоустройству, чистоте и культуре не отличались от городов; мы видели,— жаль, что издали,— острые зубцы Татр, густые леса Бескид и Предкарпатья, и было радостно от всего виденного.

Добра земля чехословацкая, хорош ее народ! Никакие Шпильберги не омрачают ее чело. Пусть они стоят музеями, напоминанием о годах, давно минувших, когда славянскую землю эту терзало чужеземное воронье! Теперь здесь живут вольные и свободные люди, лозунг которых: «Честь праце!».

И они создали то прекрасное и сильное, что мы видели в городе Брно, у подножия замка Шпильберг.

Мария БЕЛКИНА

Фото Ф. Короткевича.

Такой характер

— Знакомьтесь! — сказал Петр Петрович Вершигора, включая мотор.

Я оказалась на заднем сиденье машины, рядом с человеком в сером плаще. Он был маленького роста, худой. Фетровая шляпа, тоже серая, видать, не раз побывала под дождем, и лента на ней порыжела от подтеков — это, собственно говоря, все, что в первый момент зрительно запечатлелось. Человек этот протянул мне руку и представился:

— Федоренко.

Когда мы огибали сквер на площади Свердлова, Петр Петрович, случайно подвозивший нас обоих, лукаво сощурившись в зеркальце, кивнул на человека в плаще.

— Он здесь, у Большого театра, мед собирает! — И засмеялся.

— Мед? Какой мед? — не поняла я, с любопытством поглядев на соседа.

У него был неподвижный острый профиль, и на щеке, у губ, лежала глубокая складка.

— Н-натуральный, л-липовый, — произнес он, заикаясь и поворачиваясь ко мне. — Вон школа, сто семьдесят седьмая, — показал он на здание за деревьями, рядом с метро. — Я там два улья поставил. У д-директора разрешения просил. Все равно каникулы...

Он, когда заговорил, вдруг весь преобразился, весь стал в движении. Глаза заискрились, короткие густые брови то взлетали на лоб, то опускались, даже кончик носа у него зашевелился, даже пальцы рук говорили.

— ...П-по тридцать килограммов меда с улья собрал, еле на электричке до дачи дотащил...

— Позвольте, зачем же вам собирать мед на площади Свердлова и возить за город? Разве нельзя это делать на даче?

— Эк-ксперимент... Понимаете, по тридцать килограммов в центре города, на асфальте! Если в каждом сквере поставить улей, сколько бы москвичи могли меду собрать! Сколько в одном только Александровском саду лип зазря пропадает!.. У вас балкон есть?

— Есть,— сказала я. И тут же, испугавшись,— еще, чего доброго, попросит поставить улей! — поспешила добавить, что кругом только крыши, деревьев нет.

— Пчелы не кусаются, — улыбнулся он добродушно, разгадав мой маневр. — Если с ними, конечно, умело обращаться. Зимой их можно держать между оконными рамами, н-ничего, не замерзают... Мне тут выходить... Вы меня сбросьте!

Машина остановилась. Он выскочил и уже на тротуаре приподнял шляпу, и его темная шевелюра вздыбилась. Когда мы отъехали, я оглянулась. Он шел быстро, размахивая руками, и ветер хлопал полой его плаща, как пологом палатки.

— Что это за чудак? — спросила я. — Он пчеловод?

— Да нет, это так просто! У него всегда идеи... На днях таскал меня в Бисерово. Он ехал как-то на электричке, увидел болото и решил, что надо его осушить и посадить фруктовую рощу... А между прочим, он такую машину придумал, какой ни у нас, ни за границей не было,— бахрому на платках крутит. Первую премию получил за нее на выставке...

— Он что, инженер?

— Да нет, товаровед по текстилю. В Торговой палате работает...

Но тут мы подъехали к редакции, и разговор прервался.

А на другой день я позвонила в Торговую палату и разыскала Михаила Даниловича Федоренко. Этот маленький человек в плаще не выходил у меня из головы: собирает мед на балконах и в скверах, работает товароведом, проверяет качество текстиля, который мы получаем из-за границы, и между дел изобретает машины!..

Мы договорились встретиться с Михаилом Даниловичем на текстильной фабрике «Освобожденный труд», где работают его машины.

В цехе он чувствовал себя как дома. Открыл дверцу шкафа, повесил свой плащ, помог мне раздеться.

— Давно вас не видно, Михаил Данилович, совсем нас забыли! — приветствовала его уже немолодая работница в пестрой ситцевой косынке, стоявшая у одного из станков, похожих на четырехугольный стол, покрытый серым шерстяным платком, какие любят носить в деревне.

— Д-диссертацию пишу,— двигал он своими щеточками-бровями,—некогда, аспирантуру заканчиваю. Это я по текстилю,—пояснил он мне, — совершенствуюсь: торговля с заграницей все расширяется, знания нужны... Вот,—продолжал он, похлопывая по раме станка, — я предупреждал вас: н-ничего особенного, смотреть не на что. Об-быкновенная рама, на нее н-натягивается платок, металлический гребень расчесывает свалявшуюся бахрому. Бахрома, попав между зубьями, туго закручивается... потом прошивается м-механической иглой — и вся премудрость!..

Пока он говорил, машина действовала. Щелкали гребни. Из головки гнутой металлической трубы, как змеиное жало, выскакивала длинная игла и прошивала бахрому. Платок был готов и скатывался с рамы, а на раму из рулона натягивался новый.

— Просто все, правда? Я вот даже и не понимаю, как это раньше никто не догадался?! И как это я сам с ней столько п-проковозился?!

— Теперь-то, конечно, чего проще: включай, выключай рубильники, — сказала работница в ситцевой косынке. — Разве только нитка из иглы выскочит. А раньше здесь одно наказание было, а не работа! Я девчонкой пришла на эту фабрику. Видите, теперь руки чистые, как у всех, — протянула она мне открытые ладони.

Михаил Данилович, оставив нас вдвоем, пошел по цеху. Он останавливался у каждой машины и каждую похлопывал, поглаживал по раме, как любимого коня.

— А как же раньше крутили бахрому? — спросила я у женщины.

Раньше... В цехе сидело пятьдесят — шестьдесят работниц. Они сидели на низеньких табуретках. Колени были широко расставлены, и на них, как на раму, натягивался платок. У ног стояла миска с водой. Пальцами левой руки работница расчесывала бахрому, а ладонью правой, смочив ее предварительно в воде, закручивала бахрому на левой ладони. Ладони терлись, как валики, одна о другую, профессиональная болезнь — экзема — разъедала кожу. Никакие лекарства, никакие мази не спасали. Ни помыть ребенка, ни постирать!..

Вот в такой цех в 1947 году и вошел впервые Федоренко, студент третьего курса. Он проходил практику на этой фабрике. Товаровед должен знать весь процесс производства, а он специализировался по текстилю.

Во всех цехах была новейшая механизация, всюду работали умные, послушные машины, а тут...

— Так это же средневековье! — говорил Михаил Данилович, горячась, главному инженеру. — Как это можно?..

— Машин таких нет ни у нас, ни за границей! — ответил тот, не понимая, чего, собственно говоря, хочет от него этот маленький вихрастый парень, который бегает по кабинету, размахивая своими длинными руками.

— Плевать на заграницу! — кричал Михаил Данилович. — Как это у нас может не быть?! Люди мучаются! Ведь мучаются же!

— Я вам объяснил уже: такой машины еще не придумали.

— «Катюшу» придумали, а такой простой машины не придумали? Крутить бахрому!..

— А вот вы и придумайте, если считаете, что это так просто.

— Вот и придумаю! — крикнул парень, выскакивая из кабинета.

И придумал... Нет, конечно, в тот момент он так, сгоряча, крикнул. Ему и в голову не приходило, что он станет изобретателем. Правда, в юности Федоренко мечтал строить самолеты, но математика подвела. Он окончил сельскую школу в станице на Кубани. Потом в армии отслужил, потом Великая Отечественная война грянула. А когда поступил в МАИ, учиться не смог: подготовки настоящей не было; перешел в товароведческий институт: там было проще.

— Ну, а как же вы все-таки обошлись без математики, без знания чертежей? — спросила я Михаила Даниловича, когда мы уже с ним шли по улице, возвращаясь с фабрики.

— П-понимаете, захворал! Тут сессия, экзамены на носу! А я модельки руками делаю...

Он жил неподалеку от Химок в деревянном домике с палисадником. Там, в палисаднике, у тестя были свалены старые доски, щепа для растопки. Все это пошло в дело. Михаил Данилович целые дни что-то выстругивал, выпиливал. Потом все сжигал и снова выпиливал. Домашние смотрели на него с изумлением, даже с некоторой долей раздражения. Глава семьи, сын растет, а он игрушками занимается! Мастерит машину!

...Время шло. А Федоренко все выпиливал, выстругивал. Гребень он сразу придумал, а вот

как закручивать бахрому, когда она попадает между зубьями,— этого не получалось. Он и проволокой крутил ее и из жести придумал какую-то вертушку — все было не то, все было не так. И снова принимался за свои деревяшки. Дерево было трудным, неподатливым материалом. Много времени уходило на его обработку.

— П-понимаете, удочки все решили! — рассказывал мне Михаил Данилович.— Обыкновенные удочки. Я рыболов и как-то с горя целый день сидел, ловил рыбу, и ничего не приходило в голову. Смотрел тупо на поплавок — и все! И вдруг как током меня шибануло! Ну, конечно же, свинец!..

Он содрал грузило с удочек, выгреб дома из ящиков охотничью дробь, ссыпал все это в консервную банку и растопил на керосинке.

Теперь у него был мягкий, податливый материал. Он мог его легко резать ножом, мять, снова переплавлять, снова придавать ему нужную форму.

Так была сделана модель машины, корявая, слепленная из дерева, свинца и жести. По просьбе Михаила Даниловича его жена, работавшая конструктором на заводе, начертила схему этой машины. Теперь началось знакомство с токарями, слесарями. Нужно было построить настоящую модель, которая могла бы приводиться в действие ручным механизмом. Делалась эта модель в долг, денег не было. Жили на зарплату жены да на стипендию Михаила Даниловича. Но он так умел всех убедить, заразить идеей машины, что ему верили и делали...

— Сколько раз я бросал, ничего не получалось, а потом, как вспомню этот цех... Министерство здравоохранения даже премию объявило за мазь, которая могла бы снимать экзему на руках у работниц!.. Ну а при чем тут мазь? Не мазь нужна была — машина...

Теперь эта машина есть. На ней стоит марка «БКФ» — бахромокрутильная Федоренко — и работает она на всех наших текстильных фабриках, где делают головные платки...

— А больше вы машин не изобретали? — спросила я Михаила Даниловича.

Мы стояли с ним в вагоне метро.

— Ну, нет, почему же, вечера длинные... Я метр механический придумал. Понимаете, я наблюдал в магазинах: обязательно натягивают материю, случайно ли, нарочно ли, но натягивают. Купишь отрез — десяти, двенадцати сантиметров не хватает! Я вот только разделаюсь с диссертацией и закончу модель... Ровно будет резать, без натяжки...

Но тут гражданин, сидевший на скамейке и внимательно разглядывавший Михаила Даниловича одним глазом — другой у него был стеклянный,— вдруг вскочил и схватил его за плечи.

— Миша! Федоренко! Не признаешь?!

— В-василий! — произнес оторопевший Михаил Данилович. — А я гляжу, и чего это он на меня уставился, словно я в витрине выставлен!..

Они тискали друг друга за плечи, не зная, с чего начать разговор, как люди, давно не видавшиеся.

— Ты как сюда, какими судьбами? — сказал наконец Михаил Данилович.

— Да я в командировку приехал, из Киева.

И опять они друг друга хлопали по плечам. И вдруг Михаил Данилович, отведя в сторону взгляд, как-то очень серьезно и строго спросил его:

— А ты на меня, случаем, не в обиде?

— Нет, — сказал тот, помедлив и тоже отводя в сторону взгляд. — Хоть и одним глазом, да зато на людей могу глядеть с чистой совестью!..

Поезд остановился, нам нужно было выходить, а человеку этому ехать дальше.

— Вы знаете, — сказал мне Михаил Данилович, — я этого парня из приймаков вынимал! В селе Землянке, Сумской области. Он там при жинке одной пристроился, думал войну переждать, а меня партизанский отряд в село это на разведку послал. Там немцы были... Н-ну, я ему по первоначалу политбеседу прочел, а потом в отряд привел. Ничего, воевал! Вот я и спросил его, не в обиде ли? Все-таки вроде из-за меня глаз потерял...

— Вы, значит, в партизанах были?

— Да, я у Ковпака командовал конной разведкой... Что вы так смотрите, не похож на кавалериста?!

— Да нет! Я так просто поглядела. Очень уж интересно открывать человека, узнавать его!

— М-между прочим, завтра перемена погоды... — вдруг без всякого перехода, вскинув по своей привычке брови на лоб, произнес Михаил Данилович.

— Вы что, сводку слушали? — спросила я, не поняв, к чему это он.

— Я сам себе бюро прогнозов. Предсказываю безошибочно. Ноги крутит, как перемена погоды, терпежу нет! Семь осколков еще сидят. Вот один уже вылезает, резать надо будет...— И, наклонившись, он потрогал ногу ниже колена, словно проверял, действительно ли осколок вылезает.— Из-за этих вот чертовых осколков и выбыл из партизан...

А партизаном он, говорят, был отважным. Обязательно получил бы Героя. Не за лихость, нет! Он смелым был и находчивым. Умел вовремя действовать сам, без команды. Да слишком рано выбыл из строя!..

— Скажите, а зачем ему понадобилось на болоте в Бисерове сажать фруктовую рощу? — спросила я у Вершигоры, вспомнив наш первый с ним разговор о Федоренко.

— Характер такой! Он бы все переделал, что не так. А с болотом это у него свои счеты! Когда его ранило, пришлось целый месяц по болотам возить, трясти по замерзшим кочкам... Самолета с Большой земли ждали. У него были обе ноги перебиты, от малейшего движения он терял сознание. Пантопона и морфия не было. Ему условные уколы делали. Воткнут иглу для успокоения... Он, когда приходил в себя, кричал: «Братцы, да пристрелите вы меня, ради Христа! Или ногу к чертовой матери отрубите!..» Вот он и задумал уничтожить болота! Он агитировал нас, бывших партизан, живущих в Москве, осушить болото в Бисерове, засадить его яблонями. Весна придет, зацветут яблони. Спросят: кто сажал? Партизаны! Он ведь еще и мечтатель...

ПОЧЕМУ У ВАС НЕТ ДЕТСКИХ ЯСЛЕЙ?

Я не жалуюсь, нет. Просто хочется высказаться, рассказать о наболевшем.

Прочитала я в «Огоньке» об отдыхе простых советских людей. Позавидовала и порадовалась: хорошо трудятся и хорошо отдыхают у нас в стране, много сделано для этого. Но вот кое-где...

Впрочем, расскажу по порядку.

Одиннадцать лет я учительствую в школах Верхне-Тепловского района на Луганщине. Четверо детей у меня. Идешь на работу, а детей не с кем оставить: яслей-то нет. Кончился рабочий день, бежишь домой, убираешь, стираешь, моешь, купаешь, спать укладываешь, готовишь на завтра обед. В выходной, правда, немного вздохнешь свободнее, но как следует не отдохнешь: залатать, заштопать, уборку сделать. И вот думаешь: неужели нельзя открыть ясли в каждом колхозе — не сезонные, нет, а постоянно действующие, чтобы каждая мать, уходя на работу, была спокойна за своих детей?

А то что происходит? Идет мать коров доить вечерней зимней порой, и ребенок лет пяти — шести за ней бежит, дома не остается: боится.

В прошлом году решили в нашем колхозе «Заря коммунизма» открыть постоянные ясли. Подсчитали. Выходит, нужно одиннадцать тысяч рублей на это дело. Ну что такая сумма для колхоза-миллионера? Поговорили, пошумели и... все на том же месте.

С марта мы живем в совхозе. Казалось, теперь и ясли будут и клуб. Это только показалось: снова оставляем детей без присмотра — и учителя и рабочие совхоза.

Мне часто советуют: брось школу! Разве управишься: работа, учение да еще такая семья? Да, управлюсь, если нам, матерям, помогут не словами, не обещаниями, а делом. И помощь-то нужна, в общем, на мой взгляд, небольшая: откройте для наших детей ясли, товарищи!

С большой радостью мы, матери, узнали из печати, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста». К сожалению, еще не везде эти меры принимают так, как требуют партия и правительство.

Дело не только в яслях. Мне кажется, что в нашей стране мамы и их дети, особенно малыши, должны быть всюду окружены действительно всенародной заботой. А иногда встречаешь такое равнодушие!..

Пошла я как-то к одному нашему руководителю выписать на наличные деньги молоко для детей, а он говорит: «Молоко? Оно... гм... у нас все товарное, я для себя езжу за кефиром в «Счастье». Это подлинные слова, я ничего не прибавляю и не отбавляю и даже фамилию этого руководителя назову: Косинов Дмитрий Михайлович. Неужели нельзя было открыть молочный ларек в селе? Можно! А нам советуют ездить в соседний совхоз «Счастье» каждый день за молоком или кефиром — туда дорога стоит шесть рублей, да и сколько времени уйдет!

Задумала я в этом году отдохнуть хоть недельки две в доме отдыха с детьми. Но домов отдыха матери и ребенка нет в нашей области, а на юг или в другую область не достанешь путевку. Приходится отдыхать с детворой дома. Но это ничего. Меня пугает другое: как я буду работать дальше, с кем оставлю детей? Не брать же мне их с собой на урок!

Я и решила написать вам, товарищи из «Огонька». Может, вы потревожите тех, кто должен позаботиться о мамах и самых маленьких.

К. ЗАБОЛОТНАЯ

Село Бахмутовка, Верхне-Тепловского района, Луганской области.

«Ясли — дело мертвое...»

— Митя, Ната, Миша, Ваня! Но подождите же. Дайте познакомиться!

Она ласково отталкивает детей. Подает мне руку:

— Клавдия Ивановна Заболотная.— И добавляет: — Знаете, дети все равно не дадут поговорить. Лучше пройдемтесь.

И вот мы идем по улице Бахмутовки. Выглядывают яблони из-за заборов, чуть ли не до земли кланяются мохнатые ветки акаций. Село утопает в зелени.

Клавдия Ивановна рассказывает о себе, о своей семье.

— Я уже писала вам. Учительница. Муж — директор школы. Живем хорошо, дружно. Одно неспокойно в семье: бросаем детей, когда уходим на работу... Рассказываешь школьникам урок, а сама думаешь: «Как там мои дети? Чем занимаются? Что приготовят к моему приходу?» Сюрпризы бывают разные: то стены «побелят» молоком, то борщ вздумают «доварить», накидают в кастрюлю каких-нибудь палок. В общем, «помощники»...

Она помолчала, потом продолжила рассказ:

— Мы с мужем учимся заочно в Луганском педагогическом. Как сессия подходит, так не знаем, что делать. Каждый раз думаю: «Пусть муж окончит институт, а потом я». Но жалко отставать. Мы с ним на одном курсе. Вот и приходится отправлять детей к сестре мужа. У нее своих восемь да наших четверо.

Женщина спокойно рассказывала о своих заботах. Она не возмущалась. Но в ее голосе слышалось: «Надо что-то сделать, надо помочь матерям. Ведь не одна я в таком положении!»

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— Вон посмотрите, — проговорила Заболотная, — наша техничка Наталья Степановна идет на работу...

Наталья Степановна шла торопливо, чем-то озабоченная. За ней семенили трое детей, один другого меньше.

— Хорошо, сейчас лето. А осенью в грязь, зимой в стужу! Та же картина!..

В тот день мы говорили со многими женщинами села Бахмутовки. Учительница Р. Матюшонок сказала, грустно улыбнувшись:

— Была у нас даже такая мысль: открыть при школе ясли. И там дежурить по очереди. А что остается делать?

Я спросила у женщин:

— А в сельсовете знают обо всем этом? Что говорят, что обещают?

— Ничего не говорят и ничего не обещают. Да вон он, сельсовет, зайдите, спросите сами.

Председатель сельсовета И. Алексеев был немногословен:

— Ясли — дело мертвое. Денег нужно много на эти ясли. Так что про них пока забудьте. Когда еще строить будем!..

— Строить, конечно, нужно,— подает голос Клавдия Ивановна.— Но ведь в селе есть помещение, которое легко и быстро можно приспособить под ясли. Да, собственно, они и были там. Сезонные, колхозные...

Мы идем к небольшому белому дому. Сзади — огромный двор. Три большие развесистые груши. Но что это? Здесь царствуют цыплята! Не живут, а именно царствуют. Цыплята всюду: они во дворе, в комнате для игр, на детских кроватках.

— Дали бы нам только разрешение, мы бы все здесь сами сделали: прибрали, побелили,— говорит Клавдия Ивановна, словно уговаривает кого-то.

«Цыплята нас задушили»

— Значит, письмо из нашего села получили по поводу яслей? И специально приехали по этому вопросу? — удивляется директор совхоза «Победа» Т. Бондаренко.— Просто беда у нас с цыплятами. Надо, конечно, что-то предпринять. Возможно, цыплят мы переселим в контору,— говорит он торопливо и не совсем уверенно.— А ясли откроем. Вы знаете, цыплята нас просто задушили.

После письма учительницы директор совхоза собирается исправить допущенную ошибку. «Да, конечно, ясли откроем». Секретарю райкома партии Ф. Мажаре, председателю райисполкома П. Леуте, кажется, следовало бы, узнав обо всей этой истории, поторопить директора и, может, даже пожурить: «Что же это у тебя, дорогой товарищ, цыплята малых ребят теснят!» А у них другая точка зрения.

— Вот уж сомневаюсь насчет яслей,—говорит Мажара.—За счет каких средств Бондаренко будет штат содержать? А то, что он цыплят в помещении яслей разместил, так это правильно. Пусть хоть цыплята... и то польза.

Не тревожит и председателя райисполкома, что иные работницы, когда на ферму идут, малышей с собой тащат: не на кого дома оставить. Не хочет он думать о завтрашнем дне, когда матери уйдут с работы, потому что нельзя же детей на произвол судьбы бросать. Вот тогда действительно задумаешься, почему план не выполняется.

Или, может, ждут, пока не случится такая же беда, как в Старых Айдарах, в совхозе «Украина»? Местный врач-педиатр Е. Попова рассказывала:

— Там матери оставляли своих детей дома без надзора. С одним из малышей случилась беда... Вот и открыли ясли.

И средства нашли и помещение. Гром грянул!

Кто виноват!

Заболотная поведала в своем письме о судьбе детей одного села. Но письмо это, думается мне, должно встревожить руководителей и областных организаций. Неладно с яслями на Луганщине!

Директор совхоза «Победа» Т. Бондаренко обещал переселить цыплят в контору и открыть ясли. Но ведь это еще полдела. Совхоз растянулся на восемнадцать километров, и одни ясли не спасут положения. В Луганске я беседовала с заместителем начальника управления совхозов П. Ковалевым. Спрашивала:

— Как думаете помочь совхозу?

— Ничем мы помочь не можем. Разве только что поднажать на директора! — улыбнулся он.— Денег-то нет.

Но вот вызван главный бухгалтер. И оказывается, что имеется тринадцать тысяч рублей на строительство детских садов в совхозе «Победа». Но почему-то до сих пор от Бондаренко это держали в секрете, а сам он не очень интересовался, чем можно помочь мамам и детям.

В горздраве заявляют: «В городе положение с яслями катастрофическое». В облздраве тоже: «Ни одного свободного места в яслях нет». Председатель облисполкома Ф. Решетняк, услышав мой рассказ о цыплятах, потеснивших детей, очень возмутился и тут же заказал телефонный разговор с председателем райисполкома. Но ведь дело не в одном совхозе и не в одном райисполкоме. Дело в областных организациях, которые беспомощно разводят руками, когда заходит речь о детских яслях.

Ссылаются, конечно, на центр, на Министерство здравоохранения УССР. Мы запросили министерство. И нам ответили:

— Если в какой-то области местные организации изыскали помещение для яслей, то вопрос об их открытии Госплан и Совет Министров республики решают вне очереди, в любое время года. Так, дополнительно открылись ясли в двенадцати областях республики. Луганской среди них нет. Значит, не было оттуда письма: «Помещения мы нашли, дайте деньги».

Конечно, чтобы открыть ясли, нужны деньги. Это очевидно. И легче всего сказать привычное: «Средств нет». Труднее проявить инициативу, изыскать возможности у себя, на месте. Неужели нужно ждать, когда «грянет гром», как это случилось в совхозе «Украина»?

...Мне еще раз вспомнились женщины-матери совхоза «Победа», которые о яслях говорят, как о своем счастье. Вспомнилась Клавдия Ивановна Заболотная, которая с восторгом называла села, где имеются ясли.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Эуклидес да Кунья. 1866—1909.

Сын Бразилии

Летом 1897 года паника охватила правителей бразильской республики. Под угрозой был престиж государства. Уже второй год в сертанах, глубинных лесостепных районах штата Баиа, существовала и боролась крестьянская республика — государство восставших крестьян. Одну за другой отбивали они атаки карательных войск. Наконец летом 1897 года в сертаны была отправлена четвертая военная экспедиция.

Карательную экспедицию сопровождал корреспондент газеты «Эстадо де Сан-Пауло» молодой инженер и журналист Эуклидес да Кунья. Убежденный и страстный республиканец, двадцатидвухлетний курсант военной школы, он еще в 1888 году, за год до установления республики в Бразилии на военном смотре швырнул свою шпагу к ногам военного министра в знак протеста против монархического режима... Теперь, поддавшись правительственной пропаганде, объявившей восстание в Канудосе «монархическим заговором», да Кунья думал увидеть там бразильскую Вандею. То, что он увидел в действительности — страшное мученичество крестьян, их беззаветную борьбу за землю и свободу,— глубоко потрясло его. Так родилась книга «Сертаны». Это дневник и исследование, труд ученого-историка и записки очевидца — сложный жанровый сплав, образующий единое и своеобразное целое. Писатель хотел не только выразить свое возмущение кровавой бойней, в которую превратились действия правительственных войск, но и понять трагедию сертанца, понять истоки его героизма и отчаяния.

«Сертаны» оказали огромное влияние на передовую мысль Бразилии, на ее литературу. Эуклидес да Кунья открыл перед писателями-реалистами своей страны новый мир: он открыл им Бразилию крестьянскую. Впервые на страницах книг появился крестьянин – сертанец со своими страданиями и надеждами. Таким он вошел в литературу, и таким мы встречаем его потом в романах писателей XX века Грасилиану Рамоса, Жоржи Амаду, Жозе Линса ду Регу. Конечно, каждый из них по-своему продолжал традицию да Куньи, но все они могли бы сказать о себе, что вышли из «Сертанов».

«Сертаны» (книга вышла в 1902 году),— по существу, единственное законченное произведение да Куньи, не считая сборника статей.

Сборник статей да Куньи «Контрасты и сопоставления» помогает нам представить облик писателя-социалиста, размышляющего над проблемами экономики, истории Бразилии, международных отношений. В статье «Миссия России» писатель прозорливо предсказывал, что русский народ «более всех других способен обеспечить движение, ритм и направление европейской цивилизации». Да Кунья с восхищением говорит о русской литературе, «в которой звенит такая потрясающая драматическая и человеческая нота», и предвидит неминуемый конфликт двух Россий: «новой, России мыслителей и художников, и старой, России царей».

Это еще более сближает нас с замечательным сыном бразильского народа. Пятидесятилетие со дня смерти Эуклидеса да Куньи отмечает Всемирный Совет Мира.

Инна ТЕРТЕРЯН

Жизнь искусства

СПЕКТАКЛЬ И ФИЛЬМ О ЖИЗНИ УЗБЕКСКОГО ПОЭТА

Узбекский театр имени Хамзы показывает зрителям спектакль «Фуркат» в постановке Б. Авэзова и Т. Ходжаева.

Образ Фурката в исполнении народного артиста Узбекской ССР З. Мухамеджанова исполнен глубины, он значителен и прост одновременно. Баи преследовали Фурката за любовь к русскому народу. Бежав из родной страны, поэт спасся от неминуемой смерти.

Русский с китайцем — друзья от рождения,
Земли их спаяны с миросоздания.
Дружба их — счастью людей повеление,
Мир будет вечный, без мук, без страдания!

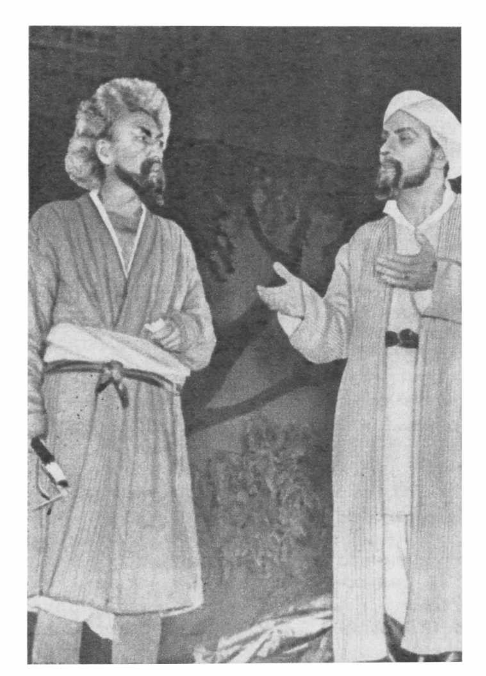
Эти строки Фуркат писал в последние годы своей жизни, в Китае. Он оказался прозорливцем, предсказав еще тогда дружбу двух великих народов.

Ташкентская киностудия «Узбекфильм» в содружестве с московскими киноартистами закончила съемки художественного кинофильма, посвященного жизни Фурката.

В республике идет подготовка к юбилею этого прогрессивного узбекского деятеля.

Х. УСМАНОВ, Н. СЕРЕБРЯКОВ

Маргелан.

Фуркат (справа) в исполнении артиста З. Мухамеджанова читает свои стихи.

Фото А. Шукурова.

Грузинский композитор работает над «Демоном»

— Если хочешь знать, чем собираются порадовать твой слух, зайди к Сулхану Цинцадзе,— говорят в Тбилиси.

Чаще, чем дома, музыканта можно застать на репетициях Государственного квартета Грузии, где он сам не так давно исполнял партию виолончели, либо на киностудии, либо в театре. И везде он участвует в создании нового репертуара.

Молодой композитор Цинцадзе широко известен по песенке Стрекозы из одноименного фильма. Ценители камерной музыки во многих городах слушают его струнные квартеты и пьесы для виолончели. Детям Тбилиси полюбился и его первый балет, «Сокровища Голубой горы».

Сейчас Цинцадзе вот уже год работает над лермонтовским «Демоном». Воображение композитора занимает лишь печальный «дух изгнанья». Казалось бы, и нам следует представить себе Сулхана отрешенным от всего земного, в некоем демоническом плаще. Отнюдь не бывало! Все лето Цинцадзе — страстный автолюбитель — проводит на Военно-Грузинской дороге, бросая «баранку» лишь для того, чтобы углубиться в теснины с любительской кинокамерой в руках.

Сняты на пленку сотни метров неприступных скал, пенистых потоков, снежных пиков и горных троп... Пленка нема, но картины великолепной грузинской природы, которой, наверное, любовался и Лермонтов, помогают композитору в его творчестве.

И. МЕСХИ

Композитор Сулхан Цинцадзе в своей домашней киностудии.

Фото В. Джейранова.

Сделано в Ялте

Кадр из фильма «Военная тайна». В роли Альки — Сережа Остапенко.

Долгое время Ялтинская киностудия была всего лишь подсобным предприятием, точнее, мастерской, где строились декорации для приезжих съемочных коллективов.

Сейчас студия начала широкую самостоятельную творческую работу. Уже вышла на экран полнометражная картина «Военная тайна» по произведению А. Гайдара. В нынешнем году коллектив студии выпустил фильм «Обгоняющая ветер» по сценарию молодого украинского писателя К. Кудиевского. Закончилась работа над приключенческим фильмом «Друзья-товарищи». В производстве находится картина «Певец моря» — о знаменитом русском художнике Айвазовском.

А. КОТОВЕЦ

Ялта.

ВЫСТАВКА МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

Ростовское-на-Дону художественное училище существует давно. Многие его выпускники стали крупнейшими профессиональными художниками. Достаточно сказать, что в Ростове учился Евгений Вучетич.

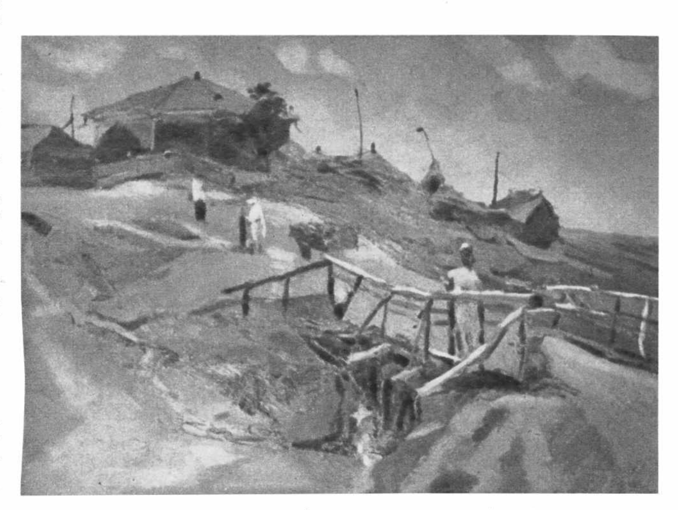
В этом году будущие художники выезжали на практику в районы угольных шахт, индустриальных предприятий, в станицы к берегам Цимлянского моря и, конечно же, «на натуру» — к дивным пейзажам тихого Дона.

Время от времени Ростовское художественное училище устраивает передвижные выставки, где показываются лучшие дипломные работы и этюды, созданные на практических занятиях вне училища. На очередной выставке, устроенной в нынешнем году в школе-интернате, всех заинтересовали картины Анатолия Алексеева «Долгожданное письмо», В. Курочкина «Донская станица».

Хорошее впечатление оставляют работы Галины Тищенко, Н. Никитенко, А. Валькова, О. Руссуда, В. Локтионова. Хороши этюды В. Локтионова. «Вечер в станице», «Курень на окраине», «Улочка» привлекают особенное внимание.

Выставка удалась. Она воспитывает художественные вкусы молодежи, учит их любить красоту родного края.

М. МЕРЖАНОВ

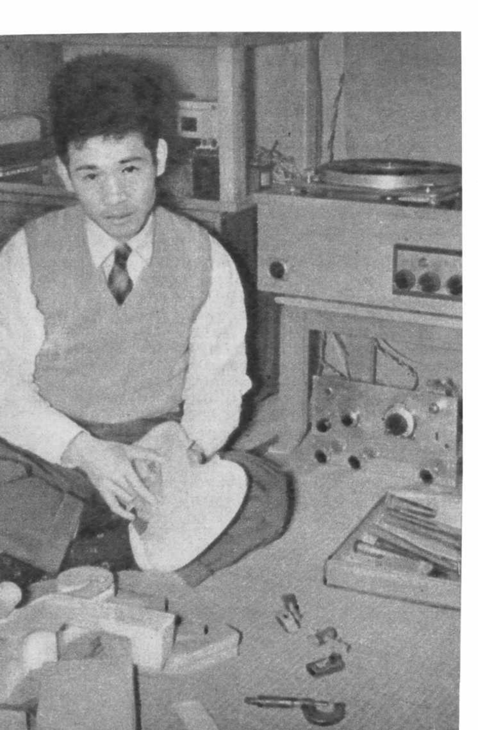

Работа воспитанника Ростовского-на-Дону художественного училища В. Локтионова «Курень на окраине».

Интервью, которого не было

— Уважаемый господин Фусики, расскажите, пожалуйста, нашим читателям о себе и своей работе.

— Мне тридцать три года.

Я родился в небольшом городе Такаока, в префектуре Тояма. У миллионов японцев, которые с детства познакомились с нуждой, такие же биографии. Начальная школа, работа. Десять с лишним лет я работал на железной дороге, но вот уже восемь лет, как меня уволили за профсоюзную деятельность.

Мой отец, потомственный рабочий, привил мне с малых лет горячую любовь к музыке. На железнодорожном узле я собрал рабочих — любителей музыки,— и мы организовали хоровой кружок. Музыка сплотила нас.

Это пришлось не по вкусу хозяевам. Они запретили мне руководить кружком.

— Скажите, а вы пытались протестовать?

— Я и мои товарищи не думали сдаваться.

Мы решили создать свой рабочий камерный ансамбль. Правда, было одно серьезное обстоятельство, которое сильно охлаждало наш пыл: ни у кого из членов коллектива не было средств для приобретения инструментов. В Японии самая обыкновенная скрипка стоит примерно 30 тысяч иен. Мне пришлось самому взяться за изготовление инструментов.

Четыре года потребовалось, чтобы «оснастить» наш коллектив. Своими руками я сделал четыре виолончели, десять скрипок, четыре гитары и один контрабас.

В наши планы входит исполнение в ближайшее время советских и русских народных песен.

Свой маленький ансамбль мы решили назвать «Vivo», что означает «живой». Нам кажется, это название достаточно полно передает историю появления ансамбля и содержание нашей деятельности.

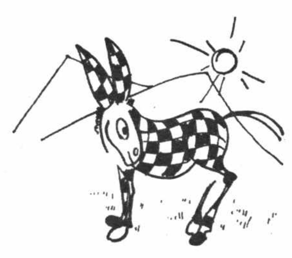
— Скажите, пожалуйста, не хотите ли вы передать что-нибудь многочисленным читателям нашего журнала?

...Однако на этот традиционный вопрос мы не получили ответа. Дело в том, что разговора между нами не было вообще. Ответы на свои вопросы мы нашли в высказываниях Сабуро Фусики, которые публиковались недавно в японской прессе.

Японский музыкант-самоучка переписывается с советским композитором М. Блантером. Эта переписка тоже помогла нам представить себе Сабуро Фусики.

М. ЕФИМОВ

Самый точный барометр

Под ногами шелестит осень. Разнообразная и богатая растительность на югославском курорте Блед одевается в осеннюю одежду. На берегу озера вы встретите величавые дубы, красочные клены, изящную березку, серебристые плакучие ивы, а выше вечнозеленые ели мохнатой шапкой укрывают горы. Сколько чудесных красок в эту пору! А озеро зеркально чисто и спокойно. Кругом умиротворяющая тишина. Опустели пляжи и солярии. Заметно похолодало.

Только в шахматном зале казино, где происходит матч-турнир претендентов на первенство мира, атмосфера по-прежнему раскаленная. Каждый день здесь встречаются четыре пары, восемь претендентов. Один из них будет играть в 1960 году матч с чемпионом мира Ботвинником. Кто?

Твердой поступью двинулся в далекий двадцативосьмитуровый путь чемпион Советского Союза Тигран Петросян. 3,5 очка из четырех партий — великолепный результат. И вдруг споткнулся. Только две ничьих из следующих четырех партий. Его нагнали, а теперь уже и перегнали разбежавшиеся Пауль Керес и комсомолец Миша Таль. Отстал от них четвертый советский участник, экс-чемпион мира Смыслов. Он пока в тени и еще не проявил своей могучей силы.

У входа в гостиницу «Топлице» висит барометр, по которому мы каждый день определяем настроение природы. Как-то я совершал прогулку в горы и поднялся на перевал высотой 1 650 метров над уровнем моря, где в свое время проходила югославско-итальянская граница. На такой высоте приятно отдохнуть, и я зашел в уютный деревянный домик-столовую — приют для альпинистов. Перед входом на деревянной доске висело изображение осла со следующей надписью: «Самый точный барометр». А далее пояснение: «1. Когда хвост сухой — хорошая погода. 2. Когда хвост мокрый — дождь. 3. Когда хвост движется — ветер. 4. Когда вы не увидите хвоста — туман. 5. Когда все упало — землетрясение».

Возможно, что для тех, кто побеждает горы,— смелых альпинистов, это хороший показатель, но, по-видимому, «красноречивый» хвост осла, по народной шутке, действует только в горной местности. В Бледе же на матч-турнире претендентов есть свой барометр — настроение тренеров. Войдите в шахматный зал и посмотрите на гроссмейстера Бондаревского — тренера Смыслова. Почему он такой сумрачный? Значит, позиция Смыслова внушает опасение. А вот вы слышите в комнате кафе громкий раскатистый смех. Это гроссмейстер Авербах, тренер Таля, рассказывает очередную веселую историю. Значит, Таль поставил своего партнера в трудное положение. Даже самый спокойный из тренеров, гроссмейстер Болеславский, и тот не остается равнодушным. Вон он покачивает головой — значит, Петросян избрал плохой план. А когда Болеславский потирает руки, дела у Петросяна идут хорошо.

Все больше симпатий завоевывает гроссмейстер Таль — депутат городского Совета Риги. Его избиратели шлют советы и пожелания в Блед. Одна стокгольмская газета в этом году проводила партию по телефону между шведским гроссмейстером Штольцем и гроссмейстером Талем. Партия окончилась победой Таля. Теперь эта газета требует от своего корреспондента, югославского гроссмейстера Васи Пирца, только партии Таля.

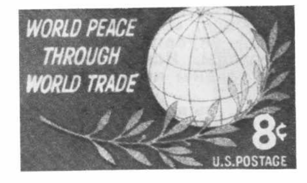
В дни туров в одном из залов Риги демонстрируются ход за ходом партии Таля, которые по телефону передает специальный латвийский корреспондент мастер Кобленц. В одном из первых отчетов о ходе матч-турнира претендентов какой-то журналист в югославской прессе назвал Таля и Фишера «аутсайдерами». Теперь этот незадачливый журналист пытается исправить свою ошибку, и появляется заголовок: «Не может без жертвы», что действительно соответствует истине. Почти в каждой своей партии Таль чтонибудь да жертвует.

Петросян держал лидерство в течение шести туров. В 7-м туре его нагнали гроссмейстеры Керес и Таль, а в 8-м уже перегнали. Посмотрим, как долго это положение будет неизменным.

В. РАГОЗИН,
гроссмейстер

Блед, 21 сентября, по телефону.

Марка, которая ратует за мир

Выступая на обеде в Экономическом клубе Нью-Йорка, Н. С. Хрущев сказал: «Мы ратовали за развитие международной торговли всегда, с тех пор, как зародилось Советское государство... Мы придаем развитию международной торговли немалое значение, руководствуясь тем же правилом, которым руководствуются многие люди и в вашей стране, если верить девизу, воспроизведенному на недавно выпущенной в Соединенных Штатах Америки почтовой марке: «Мир во всем мире через международную торговлю».

На снимке: увеличенная в два раза репродукция с почтовой американской марки с надписью: «Мир во всем мире через международную торговлю».

ЕЕ ЖДУТ!

Хороший подарок сделало Мосгоржилуправление пенсионерам супругам Антонине Федоровне Замариной и Николаю Павловичу Ермакову — вместо старой «голландки» в их комнату поставили вот эту новую газовую печь, которую вы видите на снимке. Поставили ее, так сказать, в порядке эксперимента, вернее, для проверки: какова она, новинка, предложенная Академией коммунального хозяйства? Научный сотрудник академии Андрей Петрович Смирнов рассказывает:

— Сконструированная нами печь представляет собой асбестоцементную трубу, в которую вмонтировано автоматическое оборудование. Она испытывалась при всякой погоде — от десяти градусов тепла до двадцати девяти градусов мороза. И как бы резко ни менялись атмосферные условия, в помещении автоматически поддерживалась заданная температура: отклонения не превышали одного градуса.

В одних случаях ее тепла достаточно для комнаты в двадцать или даже тридцать квадратных метров, а в других, крайне неблагоприятных,— только для тринадцатиметровой. Это зависит от того, каменный ли дом или деревянный, на первом этаже находится комната или на втором.

Новая печь не доставляет ее обладателям никаких хлопот: включишь осенью, а выключишь в мае. Подкрутишь винтик так, чтобы было, скажем, двадцать градусов, и пусть на улице слякоть или мороз, в комнате все те же двадцать. И еще одно удобство: на лето печь можно вынести в коридор, весит она только чуть побольше ста килограммов.

В академии сконструирован еще один вариант такой печи. Она предназначена для квартиры в три — четыре комнаты.

В академии я встретился с начальником управления промышленности Ташкентского облисполкома Ильдаром Ибрагимовичем Бурнашевым: он договаривался о получении чертежей новой печи.

— Неужели и вас заинтересовала она?

— А как же! Мы получили недавно одну такую печь, и, чтобы ознакомиться с ней, к нам приходили десятки партийных, советских и хозяйственных работников. Она всем нравится. Вот я возвращаюсь из отпуска, а получил телеграмму: задержаться в Москве и привезти чертежи. Правда, в Ташкенте еще не проведен газ, и мы пользуемся пока привозным. Все же выгоднее обзаводиться такими малогабаритными печами, чем покупать саксаул или уголь. И не только в деньгах выгода. Раз можно будет недорого купить печь-автомат, кто захочет возиться с топкой?

Конечно, очень хорошо, что в Ташкенте хотят без промедлений взяться за дело. Но таких городов пока немного. Правда, опытную партию, выпущенную экспериментальным заводом академии, горисполкомы расхватали в два счета. А где собираются их делать, все еще неизвестно: кроме Москвы, чертежи запросили только из Киева, Тбилиси, Вильнюса, Ростова и Калуги. Сдается, что кое-кто предпочитает лежать на крупногабаритной печи, дожидаясь, пока малогабаритную начнут выпускать другие.

Между тем, по самым осторожным подсчетам специалистов, городам и поселкам страны нужен миллион таких малогабаритных газовых печей. Это значит: улучшится быт миллиона семей, облегчится труд миллиона домашних хозяек. А сколько леса и угля будет сбережено!

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Антонина Федоровна Замарина не нарадуется на новую печь...

Фото Р. Лихач.

ГОСТИ С ДАЛЕКОЙ КУБЫ

Когда поет далекий друг,
Теплей и радостней становится вокруг,
И сокращаются большие расстоянья,
Когда поет хороший друг...

К этим ставшим широко известными словам можно, пожалуй, добавить лишь то, что когда далекие друзья не только поют, но еще и танцуют, то большие расстояния сокращаются минимум вдвое.

И еще больше сокращались расстояния, когда в Тамбове, Рязани, Москве, Сталинграде, Краснодаре, Новороссийске, Сочи и Ленинграде, широко и весело общаясь с нашими людьми, прямо на улицах и пляжах, в вестибюлях и магазинах пели и танцевали артисты далекой Кубы — делегаты фестиваля молодежи и студентов в Вене.

Что же это за люди, которые не ограничивались только концертами, а всячески старались показать нам свое самобытное искусство?

Скажем хоть коротко о них.

Вот, например, Рафаэль Лопес. Он в каждом городе находил себе горячих и искренних друзей. Несмотря на то, что ему всего двадцать два года, он уже имеет за плечами весьма солидный жизненный опыт. С одиннадцати лет он поступил учеником на табачную фабрику. В четырнадцать лет стал тамбуристом в довольно известном у него на родине оркестре «Сильвер Стар», а в нынешнем году, переехав в Гавану, поступил в национальный оркестр, которым руководит дирижер Нино Мондехар.

Рафаэля больше всего восхитил, как, впрочем, и многих других кубинских артистов, город Сочи, столь похожий на их родину. После первых приветствий и возгласов, как правило, следовал такой диалог:

— Кубинская революция, Фидель Кастро — хорошо!

— Си, грасиас, хорошо! Советский Союз — друг!

— Спасибо... Приезжай еще к нам!

— Буэно!..

Кстати, мы упомянули о руководителе национального оркестра Нино Мондехаре. Он тоже вместе со всем своим оркестром выступал у нас в стране.

На первый взгляд даже не угадаешь, что этот добродушный сорокапятилетний человек известен в музыкальном мире Кубы как создатель самого популярного в течение вот уже нескольких лет танцевально-вокального номера «Ча-ча-ча». Еще подростком он узнал тяжелый труд хлебопека, очень рано начал участвовать в профсоюзном движении.

Эдуардо Савори блестяще ведет партию гитары в номере «Крестьянская сюита». Очень приятно было слушать, когда Эдуардо исполнял одну из самых своих популярных песен, «Сначала узнай получше свою страну, а после заграницу!».

Индио Навори вышел из крестьян. Он один из лучших национальных поэтов, имеющих на своем «боевом» счету несколько изданных книг. Поэт вдохновенно декламировал некоторые свои строки на русском языке. Он уже успел сочинить еще один куплет:

Слава советской ракете,
Слава советскому народу —
Покорителю космоса!

Е. КЛУСОВ

Поэт и певец Кубы Индио Навори (в центре) слагает новую поэму о Кавказе, где он побывал вместе с делегацией кубинских артистов.

Фото автора.

ПРАВОСУДИЕ

ЭФИОПСКАЯ СКАЗКА

Как-то раз одна женщина отправилась искать своих овец, отбившихся от стада. Долго бродила она по полям, но овец нигде не было видно. Наконец она вышла к костру. У костра сидел глухой и варил себе кофе.

Женщина спросила:

— Не видал ли моих овец?

Глухой подумал, что она спрашивает его, где родник, и махнул рукой в сторону реки. Женщина поблагодарила его и пошла к реке. Случайно она натолкнулась на своих овец. Все они были целы, только один козленок упал на камни и сломал себе ногу.

Женщина взяла его на руки и понесла домой. Проходя мимо глухого, который пил кофе, она остановилась, чтобы поблагодарить его. «Отдам ему козленка»,— решила женщина.

Но глухой не понял ни одного ее слова. Когда женщина протянула ему козленка, он подумал, что она хочет сказать, будто это он перебил ногу козленку, и очень рассердился.

— Я здесь, ни при чем! — закричал он.

— Я их нашла на том месте, где ты сказал,— отвечала женщина.

— Не оскорбляй меня! — громко закричал глухой.— Не я сломал ему ногу.— И он ударил женщину.

— Вы видели! — закричала женщина прохожим.— Он меня ударил! Я пойду к судье.

И вот женщина с козленком на руках и все собравшиеся направились к дому судьи. Судья вышел им навстречу, чтобы узнать, в чем дело. Первой говорила женщина, потом глухой и очевидцы. Судья слушал и кивал головой. Но это ровно ничего не значило, потому что судья был тоже глух. Кроме того, он был еще и очень близорук. Наконец он поднял руку, и все замолчали. Судья объявил свой приговор:

— Такие семейные ссоры оскорбляют церковь,— торжественно провозгласил он. Потом обратился к глухому: — Впредь ты не должен дурно обращаться со своей женой. А ты,— сказал судья, повернувшись к женщине,— не должна быть такой ленивой. Отныне подавай еду мужу всегда вовремя.

— Вот это здорово! — говорили люди друг другу.— И как мы только жили, когда у нас не было правосудия?

Перевел Л. ШТЕРН.

Декоративные камни

Много красивого можно увидеть в городских парках и скверах Китая: искусственные холмы, водоемы и островки, раскрашенные беседки, ажурные мостики. Самое оригинальное, на наш взгляд, украшение — декоративные камни. Это глыбы известняков фантастической формы, которую они приобрели в результате действия сильного ветра или морских волн. Обычно такие камни устанавливаются перед зданиями. Несмотря на большой вес, составляющий нередко десятки тонн, глыбы привозились из отдаленных районов. Таковы, например, камни «голубых облаков» в Пекинском парке Сун Ят-сена, доставленные с берегов озера Тайху.

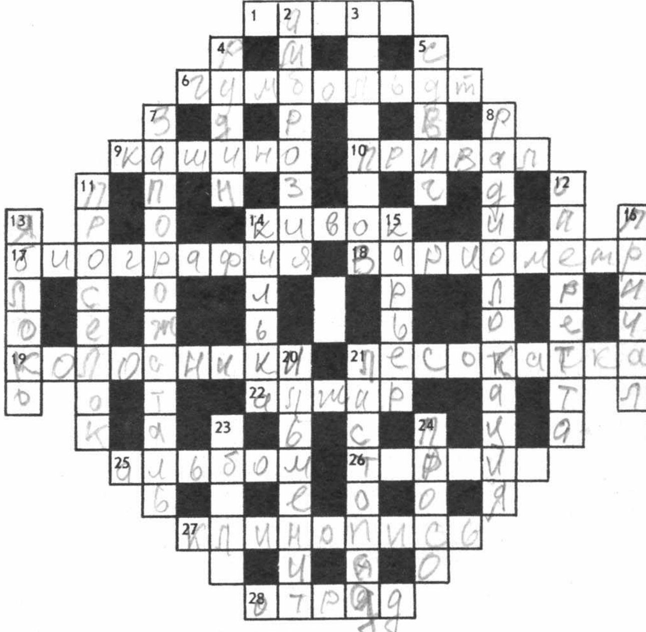
В одном из парков Шанхая есть набор камней, напоминающих львов, слонов, тигров, верблюдов, шакалов и других зверей. Иногда рядом с каменной скульптурой размещаются окаменевшие деревья и кораллы. Используется и обычный битый камень, из которого сделаны искусственные гроты и лабиринты.

Любопытно, что садовые дорожки выложены мелким разноцветным галечником. Дорожки повторяют национальные орнаменты и ковровые узоры. Нередко посетители ступают по изображениям цветов, павлинов, рыб, крабов.

Профессор А. П. ДРАГАВЦЕВ

Алма-Ата.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Дачники». 6. Немецкий естествоиспытатель и путешественник XVIII—XIX веков. 9. Подмосковная деревня, где построена одна из первых сельских электростанций. 10. Отдых в пути. 14. Наклон головы. 17. История жизни. 18. Прибор, определяющий скорость подъема и спуска самолета. 19. Решетка для крепления декораций. 21. Машина, вытаскивающая бревна из воды. 22. Порт на Средиземном море. 25. Тетрадь для рисунков, стихов. 26. Доля секунды. 27. Одна из древнейших систем письменности. 28. Группа животных одного вида.

По вертикали:

2. Пища богов в греческой мифологии. 3. Народный артист СССР. 4. Роман И. С. Тургенева. 5. Смещение горных пород. 7. Крупный металлургический завод на Украине. 8. Обнаружение различных объектов с помощью радиоволн. 11. Картина А. К. Саврасова. 12. Музыкальное произведение комедийного характера. 13. Плод фруктового дерева. 14. Мелкая промысловая рыба. 15. Бег лошади. 16. Сооружение в порту. 20. Руда, из которой извлекается титан. 21. Персонаж романа В. Пановой «Кружилиха». 23. Норвежский математик XIX века. 24. Зерновое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

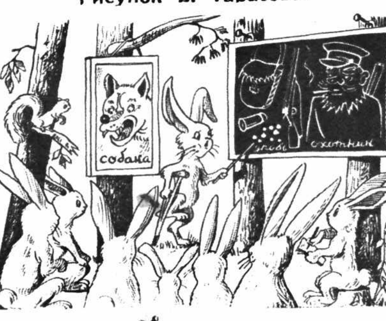
По горизонтали:

3. «Переполох». 7. Лексикография. 10. Рожок. 12. Праща. 14. Сивуч. 15. Кадр. 16. Вьюк. 17. Шуга. 18. «Садко». 19. Псёл. 20. Рагу. 21. Крит. 23. Колас. 24. Пешка. 25. Зефир. 28. Стогометатель. 29. Земляника.

По вертикали:

1. Серсо. 2. Роман. 4. «Прозаседавшиеся». 5. Леток. 6. Финик. 8. Большерот. 9. Будильник. 11. Каракас. 12. Приступ. 13. Авдотка. 14. Сюрприз. 20. Растр. 22. Телль. 26. Игрек. 27. Этика.

ДВА СЕМИНАРА.
Рисунок В. Тарасова.

«КАРУЗО»

У Николая Григорьевича Козодьяна более трех десятков птиц. Светлая, опрятная комната круглый год наполнена щебетом и песнями пернатых. С восхода и до заката солнца поет полевой жаворонок. Художник-анималист наблюдает, как ведут себя снегирь, щегол, зяблик, и делает зарисовки.

В 1956 году Всероссийское театральное общество организовало выставку работ Н. Г. Козодьяна. А недавно Николай Григорьевич был участником московской выставки голубей, певчих птиц и рыб, представив на нее 25 птиц. Козодьян был премирован грамотой, а его соловей по кличке «Карузо» был удостоен диплома I степени.

Г. САНЬКО

— Слышала я, что к нам в село присылают хорошего лектора агитировать против религии.

— Э-э, милая, чудес не бывает!

Рисунок Н. Лисогорского.

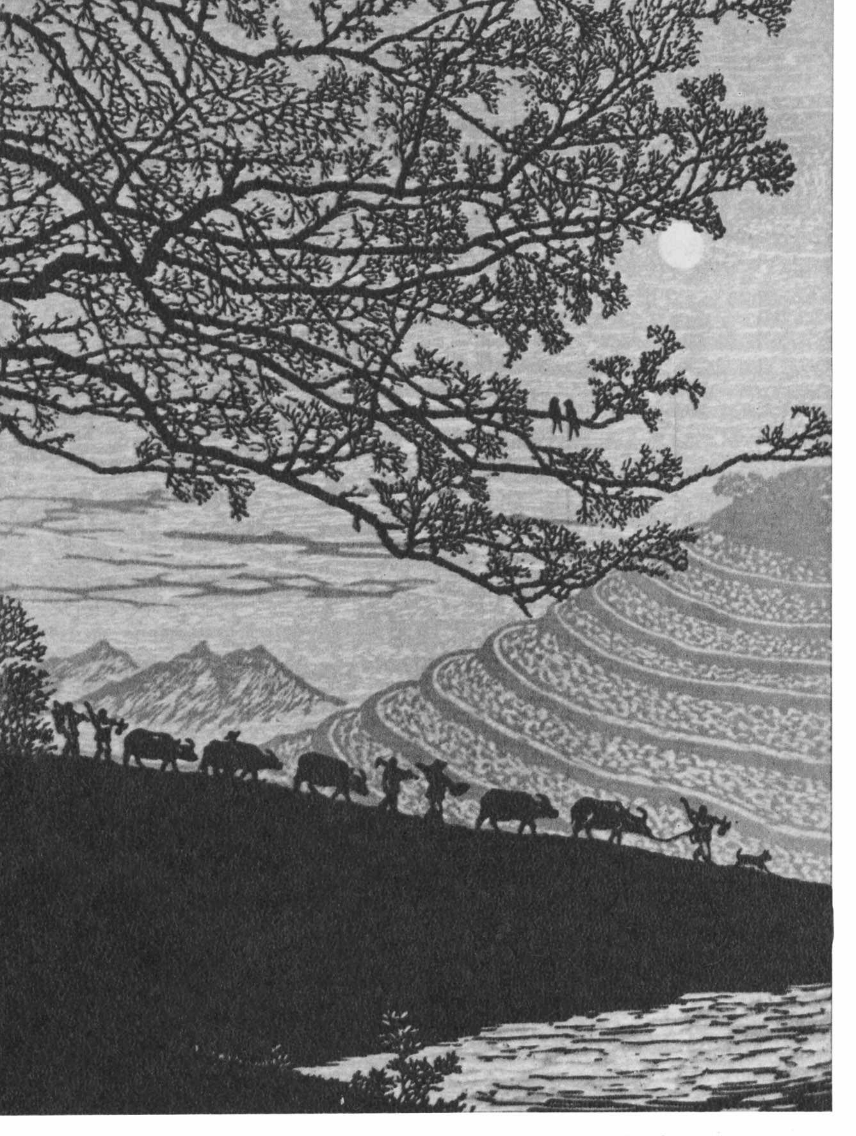
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

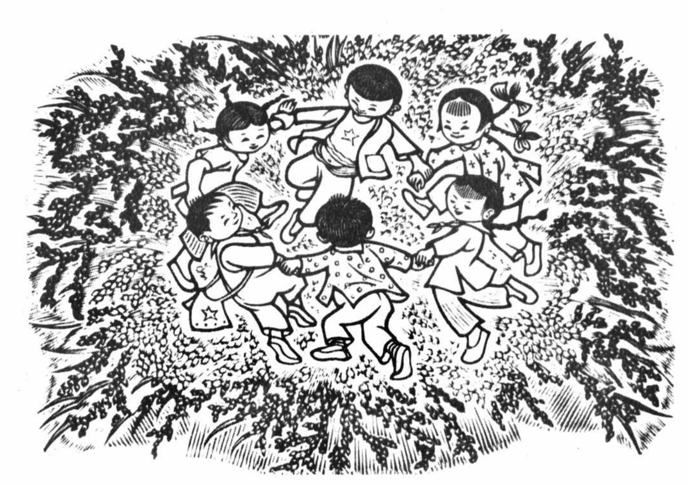
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08418. Подписано к печати 23/IX 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1308. Заказ № 2130.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цзя И-цюнь. В ПОЛНОЧЬ. Цветная гравюра.

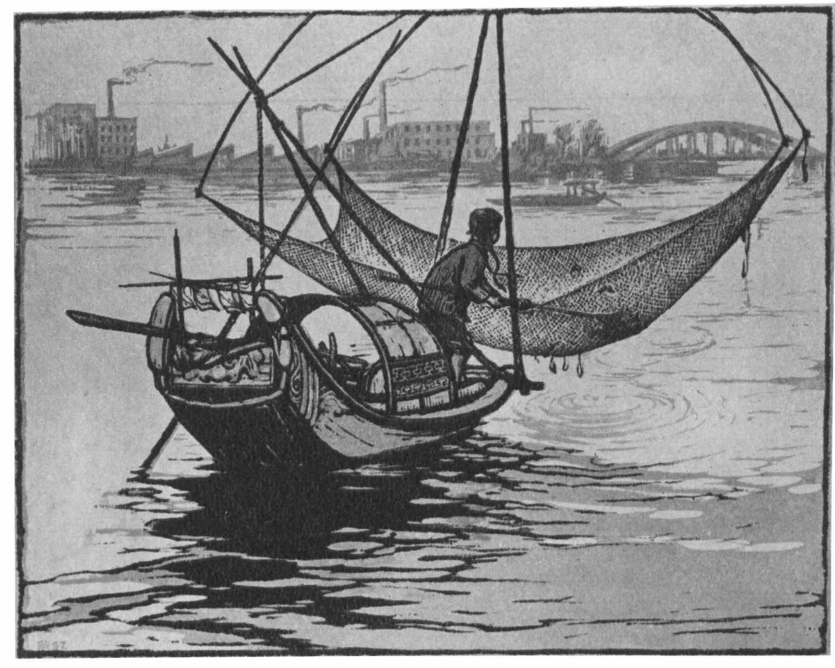

Хуан Юн-юй. НАВСТРЕЧУ ОБИЛЬНОМУ УРОЖАЮ. Гравюра на дереве.

Китайская графика

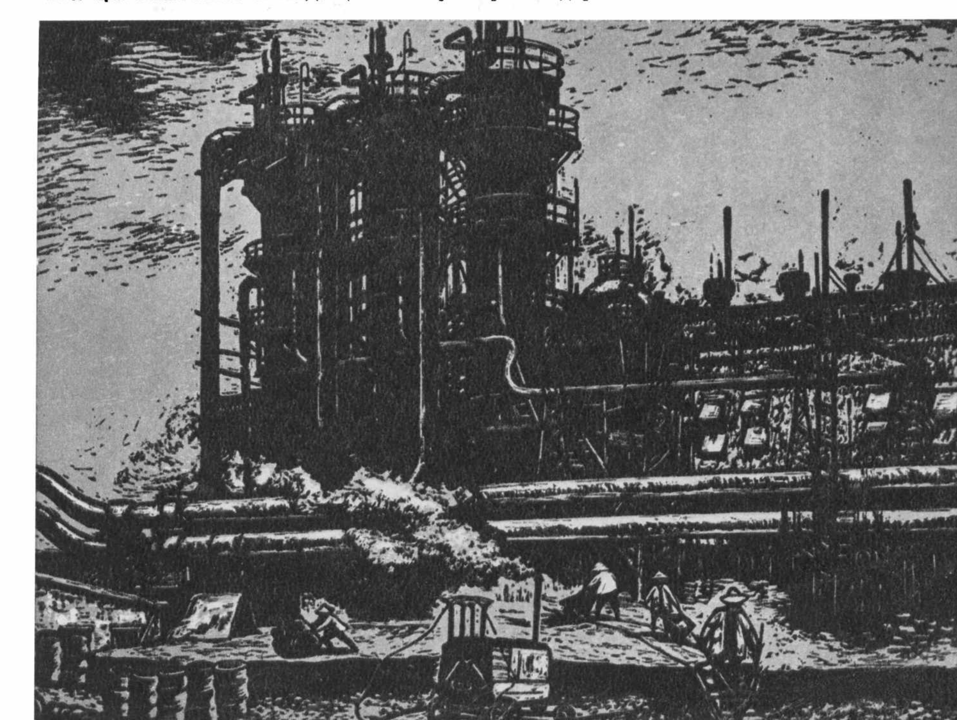

Лю Вэй. ХРИЗАНТЕМА. Автолитография.

Шао Кэ-пин. Гравюра.

Ван Ци. ГАЗОВЫЙ ЗАВОД. Цветная гравюра на дереве.

Цена номера 3 руб.